

МАЛЕНЬКАЯ ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОЙ НАУКЕ.

Ф. Ф. Менде.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

**Упорной работы соха не сносила,
Ломалась и в поле другая ходила,
Стиралось железо, тупился сошник
И только выдерживал пахарь – мужик.**

И. С. Никитин

1. НИИЭЛЕКТРО.

Работая на кафедре, которую возглавлял декан факультета, и, будучи с ним в хороших отношениях, Фёдор при распределении мог получить любое направление. Его выбор пал на научно-исследовательский институт НИИЭЛЕКТРО, расположенный на территории Харьковского электромеханического завода. Это был молодой институт, в задачи которого входило, в том числе, и метрологического обеспечения электротехнических предприятий. Выбор этот был не случаен. В это время его сестра Ирина, тоже окончившая радиофизический факультет, уже работала в аналогичном НИИ в Краматорске и ей работа нравилась, это и сыграло решающую роль в выборе будущего места работы. Декан, узнав о таком выборе, очень удивился, но когда Фёдор объяснил ему причины такого выбора, только пожал плечами.

Когда Фёдор явился на работу, ему там очень обрадовались. Молодого специалиста такого профиля они ждали уже несколько лет, так как радиофизика и электроника, так называлась его специальность, в то время была очень дефицитной. Он с усердием взялся за дело, и уже через два месяца сделал прибор для осцилографирования переходных процессов на щётках электрогенераторов.

У Фёдора был такой характер, что если ему человек нравился, то он всегда быстро находил с ним общий язык, при этом достаточно быстро устанавливались и дружеские отношения. Он быстро подружился с Сеней Дворчиком, и очень скоро они стали друзьями. Это был очень порядочный, доброжелательный и интеллигентный человек.

В то время в стране проводилась дискриминационная политика по отношению к евреям. Были целые отрасли, особенно касающиеся оборонных

вопросов, куда, будучи евреем, попасть было практически невозможно. Поэтому на радиофаке никто не стеснялся рассказывать анекдоты на еврейские темы, и все их воспринимали как должное. Эту привычку унаследовал и Фёдор, ее он перенес и на новый коллектив. Сеня при этом всегда только улыбался, но большинство слушателей воспринимали их без особого энтузиазма. Както, после очередного анекдота, Сеня отозвал его в сторону и добродушно сказал: «Фёдор, у тебя могут быть неприятности, ведь здесь очень много евреев».

— Ты знаешь, Сеня, я никогда не был антисемитом и вообще считаю, что дискриминация людей по национальному признаку это преступление, но я учился на факультете, где евреев просто не было, поэтому я и распознавать их не умею. Не вина этих людей, что они евреи, политика государства преступна. Если бы я знал, что их здесь много, то, конечно, никогда бы этого не допустил.

Впоследствии Фёдор узнал, что Сеня тоже еврей. Что он мог поделать в такой ситуации. И уже после ухода из НИИ они еще длительное время дружил с этим хорошим парнем, но чувство вины перед ним так и осталось на всю жизнь.

Многие задаются вопросом, что же развалило Советский Союз. Есть различные версии и предположения. Но сейчас, имея уже достаточный жизненный опыт, Фёдор с уверенностью может сказать, что развалил Союз именно национализм. Оставь большевики Россию губернской, и не создай национальные анклавы, не развалилось бы это могучее государство, а был бы эволюционный путь, подобно китайскому, и были бы мы сейчас впереди планеты всей. Пока национальные образования были связаны колючей проволокой диктатуры, все это как-то держалось вместе, но чуть Горбачев попустил, развалилось все, как картонный домик. А кому от этого польза, народу? Ведь не даром умная Европа объединяется, а мы наоборот, и в угоду кому? Конечно, каждый удельный князь хочет быть удельным. Нет, несомненно, национал это чума и не только нашего века. Но это чуму Запад ох как ловко использует, организуя различные цветные революции под прикрытием демократии. И лучшим примером «демократических» устремлений этого самого «демократического» Запада явилась Югославия, когда многонациональное государство разбомбили и разодрали буквально на куски опять же под прикрытием демократических лозунгов.

Жить в коллективе, где тебя не любят, даже если ты хорошо работаешь, очень трудно. И тучи начали сгущаться. На работу должно ходить хотеться, а когда ты идешь туда и думаешь, как бы скорей уйти домой, то это уже не работа.

Очень скоро Фёдор начал понимать, что работать ему здесь не придется, но и уйти он тоже не мог. Молодой специалист, поступив на работу по направлению, пользовался целым рядом льгот, но и уйти по собственному желанию он не мог, а должен был отработать на этом месте три года. Что было делать? И тут Фёдор вспомнил о своем туберкулезе. Расчет был простой: «Полежу пару месяцев в тубинституте, а вернусь и

увольюсь по состоянию здоровья». Так он и сделал, но, вернувшись опять на работу и подав соответствующее заявление, понял, что его никто отпускать не собирается. Наоборот, его вызвали в профком и сказали, что специально для него добились хорошей путевки, и что администрация согласна отпустить его в отпуск раньше положенного срока. Что было делать? Брать путевку и ехать отдыхать? Нет, он не мог так поступить. «Я все равно буду уходить», — сказал он в отделе кадров. «Но как? — спросила инспектор. — Ведь мы по закону не имеем права вас уволить, так как вы молодой специалист». Тогда Фёдор решил вообще на работу не ходить, в расчете на то, что его уволят за прогулы.

— Что ты делаешь? — сказал ему отец, — ведь еще совсем недавно за прогулы судили, а, тем более, за самовольный уход с работы.

Но Фёдор был непреклонен.

— Все равно я там работать не хочу.

— Ты знаешь, в какой стране ты живешь, испачкают биографию, до конца дней не отмоешься.

— То было при Сталине, а сейчас Хрущев.

— Ох, сын, сын! Хрен редьки не слаще.

— Все равно не пойду.

Отец прекрасно понимал, что если Фёдор уперся, то переубедить его практически невозможно. Но он, зная повадки системы, прекрасно понимал, чем это грозит.

Месяц спустя Фёдор пошел в НИИ.

— Мы уже по поводу вас направили запрос в областной отдел по распределению молодых специалистов, вам следует поехать туда, — сказала ему инспектор отдела кадров.

В областном отделе его подробно спросили об обстоятельствах дела, но как Фёдор мог сказать об истинных причинах ухода. В конце концов, ему сказали, чтобы он подыскал новое место работы, и что его туда направят как молодого специалиста по переводу. Но, уже ощутив на себе, как трудно уходить с работы, будучи молодым специалистом, он от этого предложения отказался. Инспектор задумался.

— Ладно, поскольку у вас проблемы со здоровьем, я напишу письмо в НИИ, чтобы вас уволили по собственному желанию, но только в этом случае вы потеряете все права молодого специалиста.

— А какие это права?

— Наиболее важным из них является возможность внеочередного получения жилья.

— Нет, не хочу!

— Ну, как знаете!

2. До самого последнего момента...

Нельзя сказать, чтобы тот месяц, когда Фёдор не ходил на работу, он сидел сложа руки. Он уже был квалифицированным специалистом по ремонту телевизоров и начал сам собирать их на продажу. В Липцах он считался телевизионным мастером высокой квалификации, и его заказчики понимали, что купи у него даже телевизор ручной сборки, он будет всегда обеспечен квалифицированным ремонтом. Конечно, он мог безбедно жить, ремонтируя телевизоры, но это было не для него, он начал искать настоящую работу. И тогда он понял, что, отказываясь от прав молодого специалиста, совершил роковую ошибку. Его не прописывали в городе, а без прописки нигде не брали на работу. Оставалось только одно, вернуться на прежнее место и восстановить права молодого специалиста. Но не такой был у него характер. Конечно, он мог прописаться в Липцах, но это означало навсегда потерять возможность работы в городе, таковы тогда были порядки. Он продолжал и продолжал искать работу. «До самого последнего момента не считай положение поторянным» звучали слова отца. Сколько раз в жизни эти слова уже помогли.

Однажды, проходя мимо Харьковской консерватории, он увидел интересную вывеску, на небольшой табличке было написано «Физико-технический институт низких температур АН УССР». На третьем этаже была такая же вывеска, он постучал. Дверь никто не открывал, он постучал сильнее. Дверь отворилась, на пороге стоял приветливый молодой человек и вопросительно смотрел на него.

— Вы к кому?

Фёдор смутился.

— Да вот я вашу вывеску прочитал, хочу на работу устроиться.

— Ну, это в отдел кодров, — и он провел его в маленькую комнату, там сидел всего лишь один человек.

— Это к вам, Владимир Васильевич, — также приветливо сказал молодой человек.

— По какому вопросу к нам?

— Да, вот, хочу на работу устроиться.

— Это похвально, но я должен знать кто вы и откуда.

Фёдор начал рассказывать, и чем больше они говорили, тем больше проникался доверием к этому худощавому уже немолодому приветливому человеку. Он рассказал ему, что институт лишь недавно создан и что у него большое будущее. Но когда Фёдор сказал, что он уже не молодой специалист и что у него нет прописки, собеседник нахмурился.

— Это вопрос непростой, мне нужно поговорить с директором, зайдите через пару дней.

Фёдор подумал, что это вежливая отговорка, но все же через два дня пришел опять.

— Мы вас можем взять на работу, — услышал он неожиданный ответ. — Заполняйте анкеты. Вы будете направлены в отдел, который занимается ультразвуковыми исследованиями при низких температурах.

Фёдору уже совершенно все равно было, где и чем заниматься в этом институте. Ему хотелось работать, и он почувствовал, что где-то там вдали заблестел огонек надежды.

3. Новый начальник.

Когда Фёдор принес анкеты, руководителя отдела, куда его направляли на работу, не было. Начальник отдела кадров опять попросил его прийти на следующий день. «Вежливый отказ», — с грустью подумал он. Вместе они вышли за дверь. В это время по лестнице навстречу поднимался молодой человек. На вид ему было лет тридцать.

— Игорь, тебе нужен радиофизик? — спросил начальник отдела кадров.

Так Фёдор познакомился со своим новым начальником. Он ехал как раз в лабораторию, и они поехали вместе. По дороге Игорь Михайлович Дмитренко, так его звали, рассказал о том, чем занимается и какие задачи решает его лаборатория, и Фёдору этот рассказ очень понравился. Но вот сам будущий начальник, в отличие от начальника отдела кадров, понравился не очень. Чувствовалось в нем какое-то высокомерие и заносчивость, но Фёдору было не до того, чтобы оценивать все за и против в сложившейся ситуации.

Молодой институт только начинал строиться, своих помещений не имел, и поэтому арендовал их в различных частях города. Лаборатория криогенной электроники располагалась в подвальном помещении жилого дома на Павловом поле и состояла всего из двух комнат: одну комнату занимала мастерская, в другой комнате работали инженеры.

Каково же было удивление Фёдора, когда среди них он увидел сразу четырех своих однокурсников, пятым был тоже выпускник радиофака, но закончил он университет на два года раньше, звали его Виталий Михайлович Дмитриев. Он и руководил группой, которая состояла из однокурсников Жени Христенко, Юры Бородавко, Юры Чурилова и уже известного нам Игоря Янсона. В эту группу и был зачислен Фёдор, встретили его как старого друга, и он понял, что попал к своим.

Ему предоставилась еще одна возможность увидеть, как велика роль случая в жизни человека. Не уйди он из этого злополучного НИИ, не увидь он эту табличку на консерватории, наконец, будь на месте тот начальник отдела, куда его первоначально определили, не был бы он сейчас среди своих друзей. Наконец, не встретить он тогда на мосту Галину! Правду говорят, что в жизни нужно уметь оказаться в нужном месте в нужный момент, да еще с полными карманами денег. Мы, конечно, шутим. Денег у Фёдора тогда было

очень мало, он был простым советским инженером с окладом в девяносто рублей в месяц. По тем временам это была очень низкая зарплата.

Нет, в жизни нет места провидению, и сам человек себе и господин и хозяин, но, что не говори, какое-то провидение: то злое, то коварное, то даже жестокое, но, все равно, в сухом остатке доброе, как ему уже неоднократно приходилось убеждаться, вело Фёдора по жизни.

Что касается работы, то жизнь входила в нормальное русло, работа ему нравилась. Но в семейной жизни были колоссальные проблемы. Квартире для семьи в городе найти было очень трудно, тем более в паспортах и у него и у Галины не было штампа с постоянной пропиской. Галина с дочерью жила в Липцах у его родителей, а он жил у Марии Яковлевны без прописки. Выходной день был только в воскресенье, и он, не взирая ни на какую погоду, всегда в этот день приезжал домой. Случалось, что в связи с бездорожьем грузовые такси не ходили, и тогда он садился на автобус, который следовал по трассе, проходившей в двенадцати километрах от Липец, а дальше уже пешком по бездорожью добирался домой. Но как светились глаза Галины, когда он грязный и усталый появлялся на пороге дома.

Когда родилась дочь Галя, а родилась она в родильном отделении Липецкой больницы, ни Фёдор, ни Галина не знали, что резус фактор у них разный, и это представляет большую опасность для будущего ребенка. Но, несмотря на это обстоятельство, девочка хорошо развивалась, и каких-либо нежелательных симптомов у нее не наблюдалось. Однако, обычно перед сном, она почему-то начинала плакать, единственным, кто мог ее при этом убаюкать, был дедушка. Он брал ее на руки, ходил по комнате и пел песенку: «Гулежан, гулежан по зеленой травка, мы торгуем баклажан, свой имеем лавка». Почему Зайчику, а так ее называли дома, так нравился этот гулежан никто не знал, но уже через пять-десять минут она крепко засыпала.

Дом всегда есть дом, и Фёдору никак не хотелось возвращаться обратно, но пролетало воскресенье, и нужно было уезжать. Единственным преимуществом такого положения дел было то, что он мог практически круглые сутки находиться на работе. И он работал, работал и работал.

Выехать из Липец рано утром в понедельник, да еще так, чтобы не опоздать к восьми часам на работу, представляло громадную трудность. Народу скапливалось видимо невидимо, и все хотели попасть на первую машину, которая приходила из города. Грузовое такси брали штурмом, и Фёдор все-таки умудрялся сесть на первый рейс. Галина всегда провожала его на этот штурм. Однажды такси пришло с большим опозданием, и народу собралось большое множество. Когда начался штурм, он не смог взобраться в будку такси, пробиться сквозь толпу мешал рюкзак. Он только успел схватиться одной рукой за поручень открытой двери. Машина тронулась и выдернула его из толпы желающих. Скорость нарастала, а он все волочился и волочился за машиной. Ценой громадных усилий он все-таки схватился за поручень второй рукой и, наконец, стал на ступеньку откидной

лестницы. Оглянувшись, он увидел Галину, она стояла, закрыв лицо руками, и плакала.

В тот день Фёдор на работу опоздал. Когда он вошел в лабораторию, его встретил недовольный Дмитренко.

— Вы сегодня почти на час опоздали, — сказал он холодно, — пишите объяснительную записку.

Фёдор возражать не стал и взял лист бумаги. Указав дату, он коротко написал: «Опоздал по семейным обстоятельствам». С тех пор и началась личная неприязнь между ними, которая и сохранилась на многие годы.

4. Точечные лампочки.

Кроме группы, в которую входили выпускники радиофака, в лаборатории были и другие группы и, в частности была группа, которая вела хоздоговорную тему по созданию широкополосного термометра. Сроки были уже на исходе, а работа еще была далека от завершения. Тематика отдела часто обсуждалась на семинарах, и Фёдор неоднократно критиковал выбранное направление работ по этой теме. Его позиция сводилась к тому, что усилители постоянного тока, которые использовались в приборе, имеют большой дрейф нуля-пункта, и этот дрейф может давать значительные погрешности при измерении температуры. Так оно в конечном итоге и получилось. Провал был неизбежен, и однажды на очередном семинаре, когда он уже в который раз усомнился в правильности подхода, Дмитренко не без ехидства вдруг сказал:

— Менде часто критиковал и до этого этот метод измерения, наверное он знает лучший? Может быть он возьмется выручить отдел?

Да, это был удар ниже пояса, до окончания договора оставалось два месяца, в то время как на весь договор было выделено два года. Фёдор колебался.

— Ну так что, Менде, вы же смелый человек?

Это было уже слишком. Ответ был короткий.

— Я согласен!

Предстояла схватка не на жизнь, а на смерть, схватка со временем. Нужно было во что бы то ни стало обогнать его. И Фёдор начал эту схватку.

Он умел работать и верил в то, что победит, но в данный вопрос вмешался одно непредвиденное обстоятельство, которое чуть не заставило его уйти из лаборатории. Дмитренко для каких-то целей приобрел точечные лампочки. Но в один прекрасный момент перед самым Новым годом, практически после известного семинара, он обнаружил, что лампочки со склада исчезли. Причем на складе перед этим был Фёдор. Дмитренко вызвал его:

— Вы взяли со склада точечные лампочки, если не хотите скандала, положите их на место.

— Лампочки я не брал, поэтому и класть мне на место нечего, — последовал короткий ответ.

На следующий день об инциденте знали уже все сотрудники лаборатории. Выход был только один, или найти вора, или уйти с работы. Но он даже предположить не мог, кто их мог взять, а, тем более, и речи быть не могло, чтобы их найти. И здесь сработал принцип „Не имей сто рублей, а имей хороших друзей”. Он всегда дружил с механиками, сам часто работал на станках, и всегда с уважением относился к их работе. Правда, среди них был один прощальга по фамилии Поготовко. У Фёдора по поводу этого механика как раз и были подозрения, но доказать он ничего не мог.

Все это происходило в канун Нового года. К нему подошел Володя Коршенко, с ним Фёдор особенно дружил:

— Не беспокойся, мы тебя выручим.

— Но как?

— Это пока военная тайна.

Оказывается украл лампочки этот самый механик, сделал из них гирлянду и повесил её на елку. Несколько механиков во главе с Володей явились к нему домой вечером 31-го числа и забрали гирлянду.

Когда после Нового года Дмитренко появился на работе, а на работу он всегда приходил с опозданием, у него на столе лежала гирлянда из точечных лампочек, рядом лежала записка. В ней было написано: „Лампочки украл не Фёдор, мы знаем кто это сделал. С уважением. Ваши сотрудники”.

Все с нетерпением ждали прихода шефа, всем хотелось посмотреть на его реакцию.

Наличие на столе лампочек его озадачило, он несколько раз внимательно прочел записку. Потом сложил гирлянду в портфель и ушел.

— Я бы на его месте хоть извинился, — заметил Володя.

— Не приучен он в таких случаях извиняться, — сязвил кто-то из механиков.

В конце февраля Фёдор подошел к Дмитренко.

— Я свое обещание выполнил, тема готова к сдаче.

5. Директор института.

Институт строился быстрыми темпами, его строили заключенные, и часть сотрудников в уже готовых корпусах работала тоже в зоне. Чтобы попасть на работу, нужно было пройти КПП. Та же часть сотрудников, которая работала в арендуемых в городе помещениях, тоже имела отметки в пропусках и могла при необходимости попасть в зону. У Фёдора в пропуске тоже была соответствующая отметка.

За все время работы ему не приходилось встречаться с директором института, но по наслышке он знал, что это человек крутого нрава .

Когда однажды Фёдор пришел на работу, Дмитренко попросил его сходить в криогенный корпус и взять там какую-то инструкцию. Это было интересно, так как он никогда не видел, как получают жидкие газы, а такое

оборудование там уже работало. Пройдя через КПП, он решил сначала выполнить поручение, а потом уже сходить на экскурсию в криогенный корпус.

В комнате, где он должен был её получить, было несколько человек. Грузный мужчина со смуглым крупным лицом распекал сразу двоих человек за то, что они не выполнили какое-то его поручение. Фёдор стал в сторонку и начал ждать. Не обращая никакого внимания на него, грузный мужчина продолжал довольно грубо вычитывать подчиненных. Длилось это минут десять. Наконец он закончил и обратился к нему,

— А вы чего сюда явились? — грубо спросил он.

Фёдор начал объяснять, зачем пришел, но тот не дослушав обратился к стоящему рядом,

— Выведите этого бездельника из зоны и заберите пропуск. В рабочее время нужно работать, а не шляться по городу.

— Кто это? — спросил у сопровождающего Фёдор, когда тот вел его на КПП.

— Это наш директор Борис Иеремиевич Веркин, — улыбаясь ответил тот.

— Опять вожжа под хвост попала, — грубо сказал Дмитренко, когда Фёдор рассказал ему о случившемся. — У него это бывает. Завтра я ваш пропуск привезу.

6. Опять вместе.

В один из очередных его приездов в Липцы Галина сказала, что не хочет больше сидеть дома, а поедет с ним в город.

— Но, где мы там жить будем?

— Спала же я иногда на сундучке у Марии Яковлевны, попросим ее, посплю еще.

— А как быть с дочкой?

— Я с мамой договорилась, она её будет нянчить пока квартиру не найдем. Да и работу мне пора искать.

Фёдор понимал, что спорить с ней бесполезно, да ему и самому хотелось, чтобы жена была рядом. На том и порешили.

Вскоре и с квартирой появился просвет. Муж подруги дал адрес знакомой, которая сдавала жилье в наем. Таня, а так звали хозяйку, которая сдавала комнату, оказалась добродушной и приветливой женщиной, работала она кондуктором трамвая. На вопрос, сможет ли она прописать их в своем доме, она на удивление сказала, что попробует.

Так Фёдор и Галина начали совместную жизнь в Харькове. Жилье, которое они занимали состояло из небольшой комнатки, в которой помещались кровать и столик. Рядом была комната хозяев, которая по своим

размерам примерно в два раза была больше их комнаты. Дверей между комнатами не было, а висела занавеска. Была еще одна комната с отдельным входом. Ее снимала проститутка, к которой постоянно ходили курсанты из военной академии. Мужа Татьяны звали Евбасар, он был узбеком, и приехал в Харьков на заработки, они не состояли в законном браке, и он был значительно моложе ее. Евбасара все называли Юрой. Он работал грузчиком на железнодорожной станции, на той самой, где когда-то зарабатывали деньги на круиз Фёдор и Виктор. Юра часто приходил домой выпивши и нередко случалось, что они с Татьяной начинали драться. Тогда Галина хватала и держала Юру, а Фёдор – Татьяну. Но, несмотря на эти мелочи, жили в квартире все дружно.

У Юры и Татьяны не было детей, но им обоим очень хотелось их иметь. Каждый новый месяц начинался с разговоров Татьяны о том, что она забеременела, но проходило время, оказывалось, что это не так, и разговоры возобновлялись. Таня была добрым, но немного подозрительным человеком. В то время хороший приемник представлял большую ценность, у них он был, но его никогда не включали, скорее он выполнял символические, а не потребительские функции. Конечно, ни Фёдор, ни, тем более, Галина приемник тоже никогда не включали. Но разговоры по поводу приемника происходили почти каждый месяц, и велись они всегда практически по одному сценарию. Обычно, когда Фёдора дома не было, Татьяна спрашивала у Галины:

— І яка це блядь прийомник крутила? я не крутила, Юрці він теж до сраки.

— Ну, раз ты не крутила и Юра не крутил, значит это или я, или Фёдор.

— Ні, я не кажу що це ти, чі він, ну якась блядь прийомник крутила.

Сначала после таких разговоров Галина сильно расстраивалась, но потом, как и к разговорам о беременности, просто привыкла.

По своей натуре хозяева были очень добродушными и добрыми людьми. Видя, как плохо живут и Фёдор и Галина, они часто приглашали их поужинать вместе, при этом Юра часто доставал бутылку и жизнь становилась прекрасной.

Оглядываясь назад, Фёдор до сих пор не может понять, как можно было жить вдвоем на 90 рублей, отдавая при этом 30 рублей за квартиру. Мяса не покупали никогда, если случалось купить банку сметаны к постному борщу, это был уже праздник. Одежды не было, Галина даже зимой ходила в резиновых сапогах, летние изношенные туфли Фёдор не снимал ни летом, ни зимой и со страхом думал, что они когда-то порвутся. И самое страшное, впереди никакой перспективы: зарплата уже второй год 90 рублей, отношения с начальником плохие и нет никаких перспектив на их улучшение, прописки нет, а значит и никаких надежд на получение квартиры в обозримом будущем. Как они с Галиной мечтали, что когда-то смогут вволю есть, что они будут хорошо и красиво одеваться, что у них будет своя уютная и теплая квартира, в которой они все вместе будут жить. Нет, это были мечты, под которыми не было никакой почвы, но когда они об

этом мечтали, им становилось хоть чуточку легче. Знал ли Фёдор тогда, могли ли предположить, что уже через четыре года он будет начальником одного из самых крупных отделов института, который будет потрясать всех своими успехами. Нет, конечно, он этого не знал, единственно, что он делал, он боролся, как в ту ночь, когда плыл по ночному ледоходу на станцию за сестрой. Мог ли он предположить, что уже через год у него будет своя собственная квартира. Да, такое могло присниться только в несбыточном сне.

7. Сверхпроводящий ускоритель.

Когда Фёдор пришел на работу, руководитель группы Виталий сказал, что их вызывают к директору. Все ломали голову, к чему бы это.

К тому времени уже был построен главный лабораторный корпус, оснащенный по последнему слову техники. Лаборатория Дмитренко, преобразованная в отдел, переехала в просторные помещения нового корпуса. Ни у кого уже не возникало сомнения, для каких целей и для решения каких задач строится этот современный институт. Но административный корпус со всеми необходимыми службами, с громадным конференцзалом только строился. Кабинет директора находился на пятом этаже лабораторного корпуса в небольшой комнате.

Когда в назначенное время группа явилась к директору, там было полно народа, и обсуждались вопросы дальнейшего строительства. Когда ребята вошли в кабинет, директор с ними поздоровался и усадил на диван, который стоял у стены перед его столом. Еще немного посоветовавшись, он сказал всем, что у него важный разговор, и выпроводил присутствующих. Все ждали, что будет дальше.

Начал директор издалека. Разговор длился почти час. Мы не будем передавать его содержание в подробностях, но суть предложения директора сводилась к тому, чтобы создать ускоритель электронов со сверхпроводящей ускоряющей структурой. Конечно, колоссальные преимущества такого ускорителя очевидны даже мало посвященному специалисту. Ведь основные потери энергии всегда имеют место в высокочастотной ускоряющей структуре, причем это очень большие потери, и в связи с этим коэффициент полезного действия ускорителя составляет очень малые доли процента. В ускоряющей структуре, выполненной из сверхпроводника, потери снижаются в десятки тысяч раз, отсюда и все выгоды. Да, директор умел убеждать. В заключение он сказал:

— Ребята, решите проблему, Нобелевская премия вам обеспечена. Воодушевленными вышли из кабинета директора друзья.

Конечно, сейчас, будучи крупным специалистом в области физики низких температур и криогенной техники, Фёдор с полной уверенностью может сказать, что то была величайшая авантюра. Громадные научные коллективы работали в последующем над этой заманчивой проблемой не один год. Но кто мог знать об этом тогда, кто мог знать, что проблема столь же трудна,

сколь и заманчива. Да, не попробовать тогда решить ее, как говориться смаху, было бы просо преступлением, и, директор, который часто смотрел далеко вперед, был прав. Самое главное заключалось в том, что он сумел воодушевить ребят и зажечь в них желание победить. Без такого энтузиазма невозможны великие дела. Стоит себе только представить, а вдруг бы получилось.

Итак, секундомер был запущен и время пошло. В тот же день распределили обязанности, Фёдору, как всегда, досталось самое сложное: криостат с ускоряющей структурой и электронная пушка. Кроме этого необходимо было запустить источник питания на 200 киловольт, магнетронный генератор и анализатор энергии ускоренного пучка. Этот участок работ выполняли Женя Христенко и Юра Чурилов. За расчет ускоряющей системы взялся Юра Бородавко.

Можно себе представить, что все это означало, ведь не было даже аргонодуговой сварки, и криостат просто паяли, не было и гелиевого течеискателя, и течи искали при помощи мыльного раствора.

Но не только группа Дмитриева штурмовала неприступные крепости, рядом тоже трудились не менее трудолюбивые выпускники университета. Особенно среди них выделялся Игорь Янсон, он вместе со своим помощником Володей Свистуновым трудился над обнаружением нестационарного эффекта Джозефсона. Это новое квантовое явление никак не поддавалось экспериментальному обнаружению, и трудности здесь были очень большие. Но, в конце концов, им удалось это сделать. Все понимали, что это очень значительное событие в физике, понимал это и Дмитренко. Но к нему Янсон относился примерно так, как и Фёдор, и когда дело дошло до публикации, никак не хотел его включать в соавторы. Все видели, как и шеф и Янсон отсчитывают шаги по корридору и что-то обсуждают, все понимали, о чем идет речь. В конце концов, Янсон все-таки уступил, но включил его в соавторы не первым по списку, и не в алфавитном порядке, а последним вслед за Свистуновым. Но это в будущем никакого значения не имело, так как, благодаря своей пронырливости при наличии такой публикации, Дмитренко и член-корреспондентом и академиком стал гораздо раньше, чем первооткрыватель этого эффекта.

Все в отделе понимали, что шеф, по меньшей мере, делетант во всех вопросах, которыми занимается отдел и что он умеет только пускать пыль в глаза, но поделаться ничем не могли и скрепя сердце включали соавтором в свои работы. И вот этот то порочный круг и решил разорвать Фёдор. Но кто он тогда был? Обычный инженер, который за все время работы ни разу не повышался ни в должности, ни в окладе!

Шли один за другим каторжные дни. Криостат не держал вакуум, и его приходилось десятки раз перепаяивать. Но пайка нержавеющей стали при помощи горелки, эта трудное и опасное дело, пайка ведется в присутствии кипящей ортофосфорной кислоты, пары которой обжигают и бронхи, и легкие. Чуть перегрел поверхность и припой уже не ложиться, нужно все снова зачищать и перепаяивать, и так десятки раз. У Фёдора и до этого была сильная аллергия,

а она, как известно, часто является предвестником астмы, а тут еще ортофосфорная кислота. По ночам он страшно кашлял, начиналась астма. Утром он с трудом откашливался, в груди жгло. Изнурительная работа и постоянное недоедание делали свое дело.

Институт рос как на дрожжах, одновременно рядом с институтом строились и жилые дома, но чтобы стать на жилищную очередь нужна была прописка. Фёдор несколько раз напоминал Татьяне о договоренности по поводу прописки, но та отнекивалась. Но однажды, когда он пришел с работы, Татьяна сказала, что в милиции вышел на работу ее знакомый, и она может попробовать их прописать. Каково же было его удивление, когда через несколько дней Татьяна отдала ему паспорта и там стояли штампы о постоянной прописке. Нет, есть все-таки провидение!

8. От бутылки вина, не болит голова!

Зайдя однажды в мастерскую, Фёдор стал невольным свидетелем спора. Володя Коршенко утверждал, что никто из присутствующих не удержит в течение 20-ти минут на вытянутой руке плоскогубцы, и что он готов по этому поводу держать пари на бутылку спирта. Многие утверждали, что удержат, но заключать пари боялись. „Почему бы не выиграть бутылку?“ — подумал Фёдор, зная что руки то у него всегда были сильные.

—Володя, можно мне попробовать? — сказал он, беря плоскогубцы в правую руку.

Прошло пять минут, но усталости в руке не было. Прошло десять минут и он начал чувствовать, что плоскогубцы становятся все тяжелее и тяжелее, жизнь впроголодь и каторжная работа сделали своё дело. К пятнадцатой минуте ему уже казалось, что в руке у него не плоскогубцы, а пудовая гиря, а на восемнадцатой минуте никакие силы не могли уже удержать руку на весу.

— Ну ты даешь, — с восхищением сказал Володя, — я думал ты и десяти минут не выдержишь. Конечно, здорово, но все равно ты проиграл, гони бутылку.

Фёдор очутился в дурцкой ситуации, ведь бутылки спирта у него не было. Он извинился, сказал, что бутылки у него сейчас нет, но что долг он непременно отдаст. Единственно непонятно было, где взять эту злополучную бутылку. Спирт отдел получал, хранился он у шефа.

Но случай не заставил себя ждать. Уже спаян был криостат, и Фёдор приступил к изготовлению электронной пушки. Но была одна проблема, которую никто не знал, как решить. Во избежание пробоя, а катод пушки находилась под напряжением в 200 киловольт, он размещался в толстостенном керамическом изоляторе. Но в самом изоляторе отверстие было малого диаметра, и высоковольтный кабель в него не влазил. Нужно было расточить отверстие, но за это механики не брались, говоря, что расточить отверстие в керамике невозможно.

Прийдя в мастерскую Фёдор заявил, что берется расточить отверстие за бутылку спирта. Володи в это время в мастерской не было. Никто из присутствующих в это не поверил, но ради хохмы пошли и сказали шефу, что мол Менде берется расточить изолятор но требует за это бутылку спирта.. Тот тоже не поверил, что это возможно, и сказал: „Раз берется, пускай точит, за бутылкой дело не станет”. Фёдор понял, что крючек все проглотили. Задача решалась элементарно, только до этого никто не додумался. Он взял медный стержень, зажал его в токарный станок, нанес на него растворенный в масле абразивный порошок и одел на стержень изолятор. Держа изолятор в руках, он на небольших оборотах просто прижимал его к стержню и медленно вращал. Через час отверстие было готово.

— Ну что, ребята, гоните бутылку, — сказал он, снимая изолятор со стержня.

В конце рабочего дня Фёдор подошел к Володе.

— Говорят долг платежом красен, — сказал он, вынимая бутылку из кармана.

— Так давай и твою и мою победу отметим, говорят, шеф наших механиков мудаками обозвал, да еще и обматерил вдобавок, так ему было бутылку отдавать жалко.

Не учел только Фёдор, что форма у него уже не та, что была в молодые годы, ведь бутылка спирта это две с половиной бутылки водки. Он не помнил, как добрался домой. Запомнилось ему только то, что когда лег на кровать и оттуда упал на пол, то Галина спряталась за кровать и оттуда выглядывает.

9. Сторожевой пёс.

Работы над ускорителем шли с переменным успехом. Все работали не покладая рук. Фёдор жил далеко от института и часто даже ночевать домой не ездил, так и оставался спать около установки. Галина, как могла, поддерживала его. Наступало лето, дочку забрали у бабушки, в семействе сильно добавилось хлопот. И постирать, и сварить, и с ребенком погулять — все эти заботы лягли на плечи Галины, тем более, что не было элементарных бытовых условий, даже холодильника не было. Фёдора она видела только утром, в воскресенье он тоже работал.

Дочурка был очень непоседливым ребенком, и заботливая мама много тратила времени, чтобы хоть как-то держать ее в поле зрения. Вечно она делала какую-то шкоду, то крупу рассыпит, то ведро перевернет, то к собаке лезет. Этого Галина особенно боялась, так как около своей будки всегда сидел громадный злющий пес, который признавал только свою хозяйку.

И вот однажды, когда Фёдор уже собрался на работу, вдруг обнаружилось, что исчезла дочь, сначала он этому значения не придал, но, видя большое беспокойство Галины, решил помочь ее искать. Обыскали все, перевернули все вверх дном — ребенка нигде не было. Отчаяние было

написано на лице и Галины, и Фёдора, когда вернулась с ночной смены Татьяна. Все вместе продолжили поиск. Безрезультатно.

Галина ридала. И тут Татьяну осенило:

— А може вона у собачій будці?

Пес в это время сидел около будки и спокойно наблюдал за происходящим. Татьяна подошла к нему, но он начал на нее рычать. И только тогда, когда она принесла ему еду, он неохотно отошел от будки. В будке спокойно сидела Галя младшая и играла куклой.

10. Есть пучёк!

Наступил самый ответственный этап сборки и настройки ускорителя. В связи с сильным рентгеновским излучением все элементы, через которые проходил электронный пучек, были закрыты свинцовой обшивкой, но даже в этих условиях при включенном пучке непосредственно около ускорителя за несколько часов на персональных дозиметрах набегала почти суточная доза.

Все с нетерпением ждали момента запуска. Но протянуть пучек через ускоряющую структуру и все соединительные трансмиссии, попасть в изогнутый канал анализатора и зарегистрировать его на выходе — дело чрезвычайной сложности. Шли дни, а пучек на выходе анализатора не появлялся. Все с надеждой смотрели на Фёдора.

На практике юстировка происходила следующим образом. Нужно было выключить ускоритель, снять всю свинцовую защиту и покрутить один из юстировочных винтов. Затем опять снова одеть защиту, включить все системы ускорителя, дождаться пока все они выйдут на режим и только после этого включить пучек. Если на выходе анализатора пучка нет, то все нужно повторять сначала. Фёдор понимал, что на эту процедуру могли уйти месяцы. Практически при круглосуточной работе он успевал за день сделать всего несколько циклов, но пучек не появлялся. Прошла неделя — пучка не было.

Было уже за полночь, утомленный Фёдор сел на стул и задумался. Он вспоминал свою жизнь, все те горечи и страхи, которые пришлось пережить, вспоминал родителей и сестру, вспоминал Галину и дочь. Затем он решительно встал и подошел к установке, защита на ней была снята, включил высокое, посмотрел на дозиметр и засек время. Прошло пять минут, он опять посмотрел на дозиметр, там была почти суточная доза. Он посмотрел на вольтметр, на электронной пушке, которая без всякой защиты стояла перед ним, 200 тысяч вольт, высоковольтный кабель входил в неё через тот самый изолятор, за который он получил бутылку спирта. Фёдор немного помедлил. Он протянул руки к пушке и почувствовал, что смерть прямо смотрит в глаза. В случае пробоя кабеля это была верная смерть. Положив локти на заземленную плиту, на которой стояла пушка, и понимая, что в случае пробоя высоковольтный разряд пройдет только через руки. Фёдор только прошептал: «Ну, дружок не подведи», и начал откручивать юстировочные винты. Теперь пушку можно было вручную свободно двигать во всех

направлениях. Сколько рентген получил он за ту ночь, было известно одному только богу.

Когда утром ребята пришли на работу, около собранного ускорителя сидел обессиленный Фёдор. На вопрос товарищей, что случилось, он устало улыбнулся,

— Есть пучек. — и продолжил. — Запускать ускоритель будем вечером, а сейчас я еду спать.

Спал Фёдор весь день мертвым сном, а когда вечером пришел на работу, то увидел, что в комнате кроме сотрудников группы находиться и Дмитренко. Всем было понятно, зачем он здесь, все прекрасно помнили, как он стал соавтором в работе Янсона.

Фёдор включил ускоритель. Все напряженно вглядывались в показания приборов. Включил пучек, на анализаторе замигала сигнальная лампочка, и появился пучек. Все зааплодировали.

— Ну, поздравляю, — снисходительно улыбаясь, сказал шеф. Фёдор не ответил.

Напряжение нарастало, чтобы получить ускорение пучка, нужно было включить магнетрон. Фёдор шелкнул тумблером, пучек исчез и все закричали ура. Исчезновение пучка означало, что есть эффект ускорения. Чтобы узнать величину ускорения, достаточно было включить напряжение анализа и добиться появления пучка. Оказалось, что эффект составляет всего лишь несколько киловольт. Все то, что произошло, ему было заранее известно, так как он ночью все эти процедуры он уже отработал.

Он знал, что освободиться сегодня рано, конечно, обо всем знала и Галина, и они договорились хоть раз за год сходить в кино. Галина ждала его на проходной.

Фёдор выключил ускоритель и хмуро сказал:

— Игорь Михайлович, мы хотели бы с вами поговорить. Вы можете принять нас в своем кабинете?

Дмитренко почувствовал недоброе.

— Так, может быть, ребята, поговорим здесь?

— Нет, мы хотим поговорить с вами без нашего руководителя.

Дмитриев, не понимая, что происходит, молчал.

— Ну, пойдемте.

В кабинете он важно сел за стол.

— Ну, выкладывайте?! — последовал пренебрежительный не то вопрос, не то приказ.

— Игорь Михайлович, мы вам не Янсон, и как вы стали его соавтором мы хорошо знаем. Простите, но так поступают только подлецы. Не думайте, что мы так же легко согласимся на ваше соавторство в нашей работе.

Не дав Дмитренко опомниться, Фёдор встал и вышел из кабинета. Через несколько минут вернулись и остальные.

— Ну, ты и врезал, он так оторопел, что дар речи потерял, мы так и ушли.

— Правильно, — сказал Дмитриев, — недоучка несчастный.

— Надо бы это отметить, — предложил Юра Бородавко.

— Ребята, ей богу не могу, жена на проходной ждет, в кино раз в год сходить решили.

Галина стояла неподалеку от проходной и улыбалась.

— Тут недавно из проходной ваш шеф выскочил, весь красный, как ошпаренный, всё платком утирался, а потом плюнул и ушел. Фёдор расхохотался.

— Получил свое за всё, и за лампочки точечные в том числе.

Совершенно ясно, что означал для Фёдора этот разговор, ведь он был всего-навсего простым инженером.

11. Первая квартира.

Сразу же после получения постоянной прописки Фёдор подал заявление на получение жилья. Его никто и не спрашивал молодой он специалист или нет. Всем казалось это само собой разумеющимся. Очередь молодых специалистов двигалась быстро, и уже к концу лета он должен был получить квартиру. О такой возможности он Галине не говорил, так как не хотел ее разочаровывать в случае неудачи. Он то хорошо понимал, что стоит в этой очереди незаконно. Близился сентябрь, очередной дом сдали под заселение, и жилищная комиссия поехала в райисполком утверждать кандидатов на получение квартир. Но его не утвердили и потребовали подтверждение того, что он молодой специалист. И вот тут то Фёдор и вспомнил опять, что говорил ему отец. Птица счастья опять над ним только покружилась.

Естественно он рассказал об этом Дмитриеву, идти к шефу по этому вопросу было бесполезно. Виталий сказал, что сам пойдет к директору. Опять где-то далеко впереди забрезжил огонек надежды. Сколько бы Фёдор дал сейчас за положительное решение этого вопроса. Но на проверку оказалось, что своим трудом он все эти вопросы уже давно предрешил. Директор был хорошо осведомлен о результатах работ по ускорителю, и, хоть они были не очень утешительны, но в печать была направлена статья с его соавторством и он понимал какой героический поступок совершили ребята.

Когда Виталий вернулся от директора, лицо его сияло.

— Директор напишет письмо в райисполком, что ты являешься молодым специалистом.

Через неделю Фёдор получил ключи от однокомнатной квартиры. В тот день он пришел поздно, Галина уже спала, он тихо тронул ее за плечё.

— Какой замечательный сон, — не открывая глаза, сказала она. — Мне приснилось, что мы живём в своей квартире.

Фёдор обнял её.

Это не сон, моё солнышко, мы действительно её получили.

12. Гуси-лебеди!

Сколько было радости, они понимали, что судьба, наконец, улыбнулась им широкой доброй улыбкой. Вскоре они получили место в садике, и Галина начала искать работу. Эпопея с ускорителем закончилась, и группа под руководством Дмитриева начала разрабатывать новое перспективное направление по исследованию сверхпроводящих резонаторов.

Утром, как обычно, Фёдор уезжал на работу, а Галина на ее поиски. Однажды, когда он пришел домой, она радостно сказала:

— На центральном телеграфе набирают на курсы механиков по обслуживанию телеграфного оборудования.

Фёдору давно хотелось приобщить жену к какой-нибудь технической специальности, ведь все-таки, если она будет разбираться с техникой, то и его понимать будет лучше. И он очень обрадовался такой возможности. Так Галина поступила на Харьковский центральный телеграф. Поначалу ей, конечно, было очень трудно, ведь с настоящей техникой она никогда до этого не сталкивалась. Но она была очень трудолюбивым человеком, и дела начали налаживаться, тем более у нее был неплохой консультант.

У Фёдора тоже были хорошие новости. Дмитренко, наконец, понял, что он не та фигура, с кем можно обращаться подобным образом и повысил его в должности, причем с должности инженера перевел сразу на должность вдущего инженера.

Вскоре у Фёдора появились печатные работы, и авторские свидетельства на изобретения, он предложил новый тип генератора, который давал возможность генерировать частоты высокой стабильности.

Еще через несколько месяцев Фёдор уже был главным инженером отдела.

Но время не заставило себя ждать, и вскоре группа Дмитриева была преобразована в отдел, Фёдор получил в свое распоряжение целую комнату и стал руководителем группы. Институт бурно рос и развивался. Новые задачи, стоящие перед новым отделом, и новая тематика требовали расширения научно – технических контактов, и ведущие сотрудники отдела часто бывали в командировках в Киеве, Москве, Ленинграде. Не обходилось в этих командировках и без курьезов.

В то время с продуктами питания было очень плохо. Купить в магазине курицу или гуся было невозможно по той простой причине, что там их просто не продавали, а на базаре они стоили бешеные деньги. Обычно, когда ездили в командировки в столичные города, то привозили оттуда и продукты, и одежду, и обувь, так как снабжение там было гораздо лучше.

Однажды группа ветеранов отдела Дмитриева во главе с ним самим перед самым Новым годом по служебным делам отправилась в Киев, и, конечно, каждый рассчитывал, что к празднику что-нибудь из командировки привезет. И куры, и гуси в гастрономах в продаже были, но кругом стояли громадные очереди. Уже перед самым отъездом все-таки решили попытаться счастье.

В гастрономе на Крещатике стояла громодная очередь, продавали гусей. До поезда оставалось около часа, и было понятно, что уедут они домой ни с чем, но все-таки решили в магазин зайти и купить хоть чего-нибудь к праздничному столу. В торговом зале, где продавали гусей, стояли две очереди: одна большая, где взвешивали гусей, а другая поменьше в общую кассу. При взвешивании, на завернутом в бумагу гусе, продавец проставлял цену, а покупатель, простояв еще определенное время в кассу, оплачивал покупку и с чеком шел получать своего гуся. И тут Фёдора осенила мысль.

— Ребятта, сильно они тут зажрались эти киевляне, пускай с нами немного поделаться, у нас ведь тоже люди живут! Все вопросительно посмотрели на него.

— Становитесь в очередь в кассу и ждите моих указаний, — не раскрывая своих замыслов, сказал он.

Конечно, такая операция была достаточно рискованной, но, кто, как говорится, не рискует, тот не ест гусятины. Ребята дружно стали в очередь, а Фёдор пошел к прилавок, где взвешивали гусей. Продавец, взвешивая очередного гуся, громко называл цену, которую и писал на обертке. Фёдор записал на бумажке цены на четыре очередные покупки, и, разорвав бумажку на четыре части, пошел к кассе. Ребята стояли уже почти у кассового окна.

— Платите в кассу что написано, — сказал он, раздавая бумажки, — и делайте как я.

Он первым сделал оплату, и, получив чек, пошел получать гуся. Его примеру последовали и остальные. Все степенно вышли из магазин, у каждого подмышкой был гусь. Многие киевляне, наверное, помнят как они оглядывались, не понимая, что происходит, когда по Крещатику в сторону станции метро, хохоча, бежали четыре парня, держа в руках по гуся. Наверное, помнят и те, кто требовал от продавцов своих гусей, а те не могли их найти. И сейчас, по прошествию многих лет, мы, хотим принести свои искренние извинения перед ними, и попросить у киевлян прощение за тот, хоть и вынужденный, но очень плохой поступок.

Был еще один случай, который чуть не стоил Фёдору всей карьеры. В то время экспериментальным отделам для технологических целей выдавали большое количество пищевого спирта. Совершенно ясно, что не весь он использовался для технологических целей.

Фёдор срочно был командирован в Ленинград, нужно было на заводе «Красный треугольник» достать вакуумную резину. Если срочно нужно было решить какой-то непростой вопрос, то обычно приходилось ехать ему. В такие командировки всегда он брал с собой спирт.

Фёдор выехал вечерним поездом в Москву, рассчитывая потом „Красной стрелой” добраться до пункта назначения. Но на поезд он опоздал и решил лететь самолетом. Купив на аэровокзале билет, он отправился в аэропорт и уже, когда объявили посадку, вспомнил, что у него в портфеле двухлитровая фляга со спиртом. Во время посадки при досмотре вещей её, конечно, же обнаружили бы. Перевозить в самолетах, как и сейчас,

взрывчатые и воспламеняющиеся вещества запрещалось. Фёдор решил сдать портфель в багаж, который в те времена не досматривался.

Спокойно долетев до Ленинграда, он пошел получать багаж. Его вывезли на тележке и начали выдавать. Но когда очередь дошла до его портфеля, оказалось, что из него течет спирт. Сдавая портфель в багаж, Фёдор не знал, что багаж грузят в негерметичный отсек, давление в котором при подъеме на блошную высоту сильно падает. А поскольку пробка во фляге была не очень плотно завинчена, то при понижении давления спирт начало выдавливать в портфель.

— Откройте портфель, — строго сказал выдающий.

Делать было нечего.

— А вы знаете об уголовной ответственности за перевозку горючих и взрывчатых веществ в самолетах?
молчал.

После выдачи пассажирам багажа, он взял портфель, и велел следовать за ним.

Фёдор понимал, что если он срочно не найдет выход из создавшегося положения, то это конец, так как судимость перечеркивала и прошлое и будущее одним махом. И речи не могло быть в будущем о работе в секретном институте, разве только в какой-нибудь конторе рога и копыта.

— Послушай, парень, — обратился он к сопровождающему, — ведь ты ломаешь мне всю жизнь, да и рисковал я не ради себя, а ради дела. Ты же сам видишь, самолет не упал, а кто знает кроме тебя, что я вез спирт. Конечно, я сильно рисковал, но еще раз повторяю, ради дела, теперь давай рискнем вместе и разделим этот риск пополам.

— А как это? — спросил сопровождающий.

— Да очень просто, давай по братски поделим спирт пополам. Где ты сейчас можешь достать литр пищевого ректификата.

Сопровождающий помялся, а потом сказал:

— Давай.

С тех пор Фёдор никогда в жизни больше в самолете спирт не возил. Хотя, впрочем, нет, все-таки, был еще один очень курьёзный случай.

13. Высокие визиты.

Неожиданным для Фёдора стал тот факт, что Юру Чюрилова посылают на стажировку в США. Никто никогда об этом в группе не говорил, и вдруг ни стого, ни с сего стажировка в Америке. Когда Фёдор спросил об этом Дмитриева, он тоже развел руками. Юрий много не распространялся по поводу своей поездки, известно было только то, что он едет в Стенфорд.

Вскоре поползли слухи, что институт должен посетить президент Союзной Академии наук Келдыш. Уже по тому, как в институте начали все чистить и драить, было видно, что слухи эти имеют под собой почву. Говорили, что вместе с президентом приедет заместитель какого-то генерального конструктора Мишин. Никто не знал, что скрывается под

названием генеральный конструктор, но всем было понятно, что если его заместитель прибывает вместе с президентом, то это величина не маленькая. Всем сотрудникам выдали белые халаты. Представительная комиссия во главе с директором осмотрела все помещения и дала соответствующие указания по наведению порядка.

Принимали гостей с помпой. Вначале их провели по лучшим отделам института, в число которых попал и отдел Дмитриева и Фёдор рассказал делегации о новом типе высокостабильного генератора со сверхпроводящим резонатором. Затем на пятом этаже был организован прием, и когда гости поднялись туда, там уже висел фотомонтаж об их посещении. За время, пока они ходили по институту, фотографы успели отпечатать фотографии. Конечно, тогда не было такой техники фотографирования, как сейчас, но, что можно быстро высушить и фотопленку, и фотоснимки при помощи спирта, тогда знали.

Атмосфера встречи была непринужденная и доброжелательная, и Президент, шутя, даже спросил директора, сколько клиник города пришлось раздеть, чтобы одеть всех сотрудников института в белые халаты.

Но посещения такого уровня никогда не бывают случайными, они обычно предшествуют каким-то важным событиям для посещаемой организации. На заключительном банкете Президент сказал, что институт ему очень понравился и что в ближайшее время будет рассмотрен вопрос о мерах по его дальнейшему развитию. Не обошел он стороной и ту идею, которую постоянно пропагандировал директор, о максимально быстром внедрении результатов фундаментальных исследований в практику.

В последующем последовали идругие важные визиты. Приехал в институт секретарь Харьковского обкома партии Ващенко и, наконец, приехал сам первый секретарь компартии Украины Шелест. Этот визит тоже не миновал Федора. СВЧ генераторы, разработанные его группой, были настолько чувствительны, что при использовании их в качестве виброметров, регистрировали малейшие вибрации здания. Демонстрируя эти качества генераторов Шелесту, Фёдор сказал:

— Вот видите, Петр Ефимович, вы вроде на вид и невысокого роста, а здание у нас вон какое громадное, Но вы не знаете, что своим весом вы даже его можете расшатать.

Шелест удивился и сказал, что в это трудно поверить.

— Выйдите на середину комнаты и топните ногой!

И когда после этого генераторы нежно запели, регистрируя колебания пола, Шелест был в восторге, и сказал, что партия и его и институт не забудет. И слово своё Шелест сдержал.

Фёдор тогда не очень понимал, почему происходит постоянное разделение фундаментальной и прикладной науки и вообще, где находится та грань, за которой кончается фундаментальная наука и начинается прикладная. Ему казалось, что, чем больше пользы принесла людям данная отрасль знаний, тем она фундаментальнее. На западе никто никогда такого деления не проводил. Например, в Англии в Королевском обществе, по сути

дела Английской академии наук, в галерее выдающихся ученых наряду с такими учеными, как Ньютон, Фарадей, Максвелл, висят портреты изобретателя паровой машины Джеймса Уатта, и изобретателя микроскопа Антони ван Левенгука. Уже значительно позже, будучи искушенным человеком, хорошо понимающим внутренние рычаги научно-технического прогресса в СССР, Фёдор начал понимать, где собака зарыта.

Фёдор и Галина уже давно жили в своей квартире, Галина работала на центральном телеграфе. Они по тем временам получали приличную заработную плату. Приближалось лето. Нужно было думать об отпуске. Родители Фёдора к тому времени временно переехали в небольшой посёлок Красногоровка, который был расположен на реке Псел, где отец в сельскохозяйственном техникуме читал курс геодезии. Туда и решила отправиться на отдых семья. Автомобиля у них, естественно, не было, но оказалось, что в том же направлении на отдых на автомобилях едут и его непосредственный начальник Дмитриев и начальник мастерской отдела Дмитренко Геннадий Степаненко. Конечно, все хорошо друг друга знали, и решили ехать вместе.

Перед самым отъездом к Фёдору зашел Геннадий и попросил дать ему борную кислоту, использовал он ее, чтобы травить рыбу. У Фёдора было много различных химикатов, и он дал ему целую пачку.

Выехали на следующий день рано утром, погода была прекрасная. Только начались свежие помидоры, и по краям дороги то тут, то там стояли люди и продавали помидоры. Кто-то предложил попробовать их.

В передней машине за рулем ехал Геннадий, рядом с ним сидела его жена. На заднем сидении ехали Фёдор и Галина с дочерью. Купили помидоры. Геннадий решил попробовать их сразу, а Фёдор и Галина, чтобы не испачкать салон новой машины, решили отложить еду до остановки.

В одной руке Геннадий держал помидор, другой управлял машиной, а жена ему помидор солила.

— Ты чего так мало солишь, — несколько раз сделал ей замечание Геннадий, — соли больше.

Съев один помидор, он взялся за второй.

— Я же тебя просил, соли больше, — в очередной раз попросил Геннадий.

— Как еще больше? посмотри, весь помидор белый.

Геннадий оторвал глаза от дороги и посмотрел на помидор, который хотел укушать.

— А ты чем солишь, — подозрительно спросил он.

— Да, вот, — сказала жена, вытаскивая из бардачка пачку борной кислоты.

Заскрежетали тормоза, машина почти мгновенно остановилась, идущая сзади машина чуть не врезалась в впереди идущую. Все повскакивали из машин. Геннадий кричал, что жена его отравила, как сумасшедший бегал вокруг машины и, закладывая пальцы в рот, пытался рвать.

Фёдор начал всем объяснять, что для человека борная кислота абсолютно безвредна, но на всякий случай следует промыть желудок. Благо вода была под рукой.

Родители очень гостепреимно встретили гостей и тоже подтвердили, что борная кислота для человека не опасна. Геннадий, понимая, что не умер в дороге, и, получив подтверждение о безвредности кислоты, совсем успокоился. Приготовили хороший ужин, нашлась и бутылка, и не одна. Где-то к полночи все улеглись спать, кто на кроватях, кто просто на полу.

Ночью Фёдор проснулся и перепутал открытое окно с дверью. Понял он это только тогда, когда босые ноги коснулись сырой земли. «Ну, и погуляли», — подумал он.

14. Вождь краснокожих.

Семья каждый год на летний отпуск ездили к родителям. Там была хорошая река, где ловилась большая рыба, был прекрасный песчаный пляж и была забота родителей. Все очень любили Зайчика, бабушка в ней души не чаяла. Называла она ее вождь краснокожих, и не зря. В течение дня этот вождь куда-нибудь несколько раз исчезал. Памятуя собачью будку, все начинали ее искать, и находили в самых неожиданных местах.

— Ну, что мне с этим вождем делать, — как-то, задыхаясь от смеха, войдя в комнату, сказала бабушка.

— А что случилось?

— Да пошла я в погреб за помидорами, а она за мной идет. Я ее спрашиваю: «Куда ты деточка идешь». « Помогать тебе бабушка иду», — отвечает. Я ее хвалить, вот говорю молодец, вот умница, вот помощница, кто бы еще бабушке помог. « Я всегда тебе буду помогать, вот увидишь, бабушка». Я от таких слов чуть не прослезилась. «Ты замечательная внучка, говорю. Дошли до погреба, я в погреб полезла, а она меня снаружи ждет. Взяла я банку с помидорами и начала из погреба вылазить, а она меня уже ждет: «Давай, — говорит, — поддержи». Я ей: «Урониш, деточка». «Низачто не уроню, я же тебе помогать пришла, а ты не даешь». Ну, дала я ей банку, она ее в погреб и уронила.

— На войне не без убитого, — рассмеялись дети.

— Що робе дочка? Шие та співає. А що робе мати? Поре та плаче. — тоже засмеялась бабушка.

Конечно, проводить большую часть дня у реки, купаться и ловить рыбу, что может быть лучше. Тем более, рыба действительно была, что называется. За утро Фёдору удавалось поймать три – четыре крупных леща, а иногда и больше. Их жарили, сушили, коптили, но лещи все прибывали и прибывали. Галина никогда рыбу не ловила, но по характеру была азартным человеком, и Фёдор решил заразить ее рыбной ловлей.

Лучшим способом в этом случае является дать возможность самостоятельно поймать крупную рыбу. Однажды он пригласил ее на сижу, закинул три удочки, поставив на них очень прочные лески, а сам поехал на

лодке на другую сторону реки. Он точно знал, что скоро начнется клев, и сказал Галине, что если поплавок утонет, то нужно удочку вытаскивать.

Издали можно было наблюдать за ее действиями. Спустя минут десять он увидел, что Галина бежит по берегу и что в руках у нее крупная рыба. Затем он опять увидел, что она снова бежит по берегу, и в руках у нее опять крупная рыба. Когда он вернулся, то чуть не плача, на берегу содела Галина и держала в руках живого леща колограмма на два, а рядом лежали еще два, но они почему-то не подавали признаков жизни.

—Что случилось?

—Не успел ты уехать, как на левой удочке утонул поплавок, я начала тянуть, а она не вытаскивается. Тогда я побежала на берег, таща за собой удочку. Когда оглянулась, так даже испугалась, там на крючке такая рыба была, что страх. Не успела я эту рыбу вытащить, как второй поплавок утонул, что было делать? Я схватила живую рыбу, представляешь живую, и головой об дерево. Не успела вытащить вторую рыбу, как опять на третьей поплавок утонул, так я и ее убила. Вот теперь с третьей сижу и тебя жду.

Фёдор расхохотался.

— Да, тебе смешно, а я вот двух живых рыб убила, никогда больше на рыбалку не пойду.

15. Полковник КГБ.

Не успел вернуться из заграничной командировки Юра Чурилов, как туда же уехал Виталий Дмитриев. И опять почти внезапно. Как мы потом узнаем, где-то через год, туда же уедет и Женя Христенко. Вся бывшая группа побывает в Штатах, а он нет. Конечно, Фёдора это не могло не задевать, ведь работал он далеко не хуже других. Но вскоре он начал догадываться, в чем дело, и дальнейшие, не очень приятные события не заставили себя ждать.

Вскоре Фёдора назначили начальником отдела, и он получил в свое распоряжение не только прекрасный кабинет, но и третью часть производственных площадей всего пятого этажа лабораторного корпуса. В числе комнат, которые получил его отдел, была и комната, в которой когда-то располагался тот самый кабинет директора, в котором решался вопрос о создании сверхпроводящего ускорителя. Так была отмечена хорошая его работа.

У Фёдора в кабинете раздался звонок, говорил знакомый голос. Это был тот самый Владимир Васильевич Репка, который принимал его на работу, только теперь он был уже не начальником отдела кадров, а заместителем директора по режиму. Он был очень хороший человеком, и в его функции теперь входили не только вопросы охраны, но и вопросы режима секретности, и он всегда умел очень деликатно решать сложные вопросы своей службы.

— Фёдор Федорович, вы могли бы сейчас зайти ко мне, — вежливо спросил он.

— С удовольствием, — не подозревая ничего плохого, ответил Фёдор и пошел на первый этаж.

В кабинете рядом с Владимиром Васильевичем сидел незнакомый плотный мужчина лет пятидесяти. При виде Фёдора заместитель директора вдруг неожиданно встал и вышел. Фёдор даже не успел задать ему вопрос, по какому поводу он оставляет их в кабинете. Неловкое молчание прервал незнакомец.

— Я полковник Комитета государственной безопасности, моя фамилия Гончарко, — и он подал Фёдору удостоверение. — Я знаю, что вы хороший специалист и организатор, я также знаю, что у вас в отделе имеется закрытая тематика. Просьба моя заключается в том, чтобы вы написали на мое имя докладную записку, указав основные направления этой деятельности, а также основных специалистов, которые обеспечивают эту деятельность.

— Но я имею право писать секретные данные только в специальном блокноте в первом отделе, и я давал соответствующую подписку.

— Не беспокойтесь, этот вопрос согласован с соответствующими органами, ваш заместитель директора по режиму предупрежден. Сколько вам нужно времени, чтобы такую записку подготовить.

— Думаю, что к концу недели.

— Хорошо, я вам на следующей неделе позвоню.

Выйдя из кабинета, Фёдор понял, что его ловят на крючок, в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств разглашение секретных данных налицо. Но делать было нечего.

В понедельник утром раздался звонок.

— Вы выполнили нашу договоренность?

— Да.

— Выйдите, пожалуйста, к центральному входу, я сейчас подъеду.

Минут через десять к центральному входу подъехала белая волга, и Фёдор отдал Гончарко докладную.

Он не понимал, чего от него хотят, к чему эти докладные записки, к чему эти почти детективные встречи с высокопоставленным чиновником КГБ, и эта неопределенность сильно его беспокоила. Он понимал, что шутить это ведомство не любит, и это тем более беспокоило Фёдора.

Но все эти тревоги и беспокойства, чуть не оборвались однажды навсегда. Мы уже писали, что Фёдор закончил Ворошиловскую среднюю школу. И вот однажды он получил письмо, в котором его приглашали приехать на встречу с будущими выпускниками. Отказать он в этом не мог, хотелось повидаться и со своими преподавателями. Особенно хотелось встретиться с преподавателем физики Александром Ивановичем Самковым. Было это зимой, в феврале месяце. Встреча закончилась около восьми часов и он полностью попадал на автобус до Харькова, которые ходили до десяти часов вечера. Когда Фёдор вышел на улицу, то увидел, что начинается пурга, но значения этому не придал и пошел на остановку автобуса. Не знал только

он, что по Харьковской области прошло штормовое предупреждение. Начинался знаменитый пыльный буран 1967 года, который унёс с полей Кубани почти десять сантиметров поверхности грунта.

На остановке никого не было, ветер крепчал. Будучи в одних ботинках, Фёдор начал змамерзать и решил, чтобы согреться, идти по направлению Харькова, в расчёте на то, что его догонит и подберёт автобус. Ветер кпепчал, автобуса не было, а до Харькова было 25 километров. Сугробы становились всё больше, ботинки забивались снегом, ветер дул практически в лицо. Уже пройдя половину пути он начал понимать, что силы покидают его, но он продолжал идти. До самого последнего момента не считай положение потерянным, шептал он слова отца. А ветер крепчал и крепчал, и буря превратилась в буран. Временами Фёдор падал, потом вставал и всё шел и шёл. Наконец полностью обессилив он упал в снег и почувствовал, что замерзает. Очнулся он от того, что кто-то лизал ему лицо. Над ним стоял громадный пёс.

16. Кандидатская.

Страна развивалась быстрыми темпами. Государство тратило громадные средства на оборону и науку. Это хорошо было видно по тому, как быстро рос институт. После посещения Келдыша начали строить отдельный корпус для специального конструкторского бюро. Видно директору удалось убедить гостей в необходимости быстрее внедрения научных достижений в практику.

Вскоре Фёдор защитил кандидатскую диссертацию, он был одним из самых молодых диссертантов в институте, средний возраст сотрудников которого не превышал тридцати лет. Правда и тут не обошлось без курьезов.

Высшая аттестационная комиссия рассматривала кандидатские диссертации достаточно быстро, обычно на принятие решения уходило не более двух трех месяцев. Однако прошло уже почти пол года после отправки документов в ВАК, а ответа не было. Это сильно беспокоило Фёдора. В одну из очередных командировок в Москву он решил посетить ВАК. Куратор его направление, после того, как он назвал свою фамилию, рассмеялся и сказал, что секретаря Ученого совета института нужно выгнать с работы, и показал автореферат, который был приложен к его диссертации. Его автором значился некий Менабде, и название автореферата не соответствовало названию диссертации.

— Повидимому, в вашем институте, на каком-то другом совете защищался еще и Менабде, вот секретарь при отправке и перепутал ваши авторефераты.

— Что же мне делать?

— Я думаю, что при рассылке автореферат вы посылали его и в московские организации. Обратитесь к ним, и если вы привезете мне ваш автореферат сегодня, то мы вас завтра утвердим.

Из Москвы Фёдор уезжал уже кандидатом наук.

17. Конференция в СОАН.

Масштабы капиталовложений в науку в то время можно себе представить хотя бы на том примере, что Сибирское отделение академии наук, целый город под Новосибирском со своими институтами и со всей инфраструктурой был построен всего за несколько лет.

Конечно, это был в значительной степени пропагандистский шаг, направленный на то, чтобы показать всему миру могущество СССР, способного осуществлять такие масштабные проекты. Военные проекты по своему масштабу были и покрупнее, но все они были засекречены, и кричать о них на весь мир не было возможности. Зато здесь для пропаганды было широчайшее поле деятельности. В СОАН на стажировку приглашались зарубежные специалисты, здесь с широким участием зарубежных ученых проводились конференции и съезды.

На русскояпонскую конференцию по физике низких температур институт снарядил большую делегацию. У Фёдора тоже был доклад. Ехали до Новосибирска на поезде. Основное впечатление, которое осталось от этого путешествия так это нищета населения в глубинке, которая начала ощущаться сразу же после того, как поезд пересек границу между Украиной и Россией. На станциях никаких продуктов, и даже за пирожками с мясом выстраиваются длинные очереди.

Зато сама конференция была обставлена с шиком. Прилавки магазинов в акадегородке ломились от продуктов и дефицитных виноводочных изделий. Там, например, Фёдор впервые увидел хорошо известное красное вино «Бычья кровь». Но самое интересное было в конце конференции, когда наняли теплоход и повезли участников на пикник на какой-то остров. Там уже на скатертях, разостланных на траве, в обилии стояла и закуска и выпивка, мол, знай наших. И действительно японцы узнали наших. Непривыкшие к русским дозам, они так понапивались, что некоторых из них грузили потом на теплоходы при помощи носилок. Но наша братва тоже в долгу не осталась, многие так и не поняли, как же им все-таки удалось вернуться в гостиницу. Юра Чурилов даже потерял брюки, которые привез из Америки, и домой добирался в спортивных штанах.

Но самое неприятное началось, когда на обратном пути все приехали в аэропорт. Он битком был набит народом, так как в связи с сильным туманом не принимал и не отправлял самолеты. Оставалось только ждать, причем прогноз погоды был неутешительным. У Фёдора были особые основания для беспокойства, через два дня у Галины был день рождения, и опаздывать на

него никак не хотелось, тем более что на этот праздник к ним всегда приезжали Виктор и Тамара.

Прождали почти сутки, и вот, наконец, объявили, что аэропорт открывается, и что из Читы прибывает самолет Чита – Москва. Все вздохнули с облегчением, но нужно было еще много самолетов, чтобы разгрузить аэропорт. А Фёдору, во что бы то ни стало, на следующий день нужно было быть дома.

Когда по погодным условиям происходят задержки рейсов то, чтобы скорее разгрузить аэропорт, все делается максимально быстро. Не успели пассажиры выйти с читинского рейса, как снова объявили посадку, и Фёдор решил попытать счастья. Один из пассажиров рассказывал провожающему, что его дополнительно взяли на Читинский рейс только по разрешению его друга, начальника аэропорта. Подойдя к турникету, он предъявил билет и показал отметку на билете, его пропустили. Фёдор отошел в сторону и поставил себе в билете такую точно отметку, подошел к турникету, предъявил билет, и сказал:

— Мне разрешил начальник аэропорта, вот отметка.

Проводница бегло глянула в билет и пропустила.

Когда в самолете все заняли свои места, стюардессы начали считать пассажиров, пересчитали раз, пересчитали второй, наконец, пересчитали третий раз.

— На борту лишний, — наконец сказала одна из них, — признавайтесь кто.

Конечно, Фёдор и не думал признаваться. Стюардесса пошла в кабину к пилотам. Вышел пилот.

— Кто заяц, признавайтесь.

Все молчали. В это время из кабины вышел второй пилот и сказал, что дали добро на взлет.

— У нас посадка в Свердловске, мы этого сукиного сына там выловим, — сказал пилот и удалился.

У Фёдора отлягло от сердца: «Долетим до Свердловска, а там видно будет», — подумал он.

Когда самолет совершил посадку, то, как это всегда бывает, пассажиры начали вставать со своих мест, снимать вещи с полок, и о проверке билетов не могло быть и речи.

— Мы зайца при посадке выловим, — сказала стюардесса.

Но на свой самолет Фёдор уже не пошел, а пошел к начальнику аэропорта и сказал, что отстал от читинского рейса. На очередном самолете, прибывшем в аэропорт, он уже летел в Москву, и в тот же день был уже дома.

18. Не забыли!

Ну, а что же Комитет госбезопасности? Что там так и забыли про него? Нет, в этой организации никогда и никого не забывали.

Не прошло и недели после возвращения из Новосибирска, как в кабинете снова раздался телефонный звонок.

— Вас беспокоит полковник Гончарко, — услышал он вежливый голос. — Не могли бы мы с вами встретиться?

— Где, и во сколько? — спросил Фёдор, понимая, что выбирать не приходится. Он до настоящего времени так и не понимал, что же от него хотят.

— Приезжайте сегодня к пяти часам в гостиницу Харьков, я буду ждать вас в холле.

Все это начинало напоминать какой-то детектив. Фёдор приехал к назначенному времени, но Гончарко не было. Побродив по холлу и купив на прилавке киоска брошюру о достопримечательностях города, он начал ее машинально листать. В брошюре была информация и об институте и даже была фотография заместителя директора Маслова. Не успел он досмотреть брошюру, как за спиной раздался знакомый голос:

— Город изучаете?

— Да, вот даже про наш институт написано, вот посмотрите.

— Хороший у вас институт и хороший заместитель директора, — улыбаясь сказал Гончарко.

— Ничего себе, — подумал Фёдор, — даже заместителя директора в лицо знает.

— Давайте поднимимся наверх, — дружелюбно сказал полковник.

Достав из кармана ключ, он открыл номер, и они вошли.

— Садитесь, — указывая на стул, тем же дружелюбным голосом сказал он и сам сел напротив.

— Фёдор Федорович, теперь я должен вам сказать о главной цели нашей встречи. Нам вас характеризовали и как квалифицированного специалиста, и как опытного руководителя, но мы бы хотели сделать из вас еще и опытного разведчика, из вас получиться прекрасный чекист.

Слово чекист резонуло по мозгам, одного такого чекиста он уже видел, когда лечился от тифа.

— Мы будем посылать вас на различные международные конференции для установления связей с иностранными учеными с целью их вербовки, а также на стажировку за рубеж. Нас будут также интересовать сведения о том, как ведут и что делают наши ученые, когда находятся за рубежом, ведь вы сами понимаете, что иностранные разведки поже не дремают. За время пребывания наших ученых за рубежом они тоже пытаются активно их вербовать.

Чем больше говорил Гончарко, тем больше понимал Фёдор, что ему предлагают. А предлагали ему, в том числе, и роль тихаря по наблюдению за нашими учеными за рубежом. Конечно, он знал, что и в стране существует громадная сеть осведомителей, и что в институте они тоже есть и не один, но такую деятельность он просто презирал, и никакие посулы и выгоды не могли толкнуть его на этот путь.

Бывают в жизни моменты, когда на кон поставлено очень много, и от того, как поступит человек в этот решающий момент, зависит очень многое. Именно для того, чтобы помочь человеку мобилизоваться в такие моменты и существует адреналин. Этот естественный стимулятор заставляет все системы организма и физические и умственные работать на предельном режиме, именно это и спасает часто человека. Известен случай, когда во время постановки военным тральщиком мин у мины разбился взрывной колпачек, и через несколько секунд мина должна была взорваться. Так двое моряков, а мина весила как – никак 800 килограммов, выбросили ее в море, перебросив через поручни.

Нечто подобное нужно было совершить Фёдору и сейчас, только бомба эта была замедленного действия. Он понимал всю мощь и силу КГБ, и что, в случае необходимости, с ним сделают все, что угодно, но не мог он стать тихарем, хотя и очень высокого ранга.

Мысль работала лихорадочно. Когда Чарко закончил, Фёдор вежливо сказал.

— Вы на меня не обидьтесь, но у меня к этой работе душа не лежит. Полковник КГБ побагровел.

— Как не лежит, вы знаете, что такое КГБ, с нами нужно дружить!

— Конечно, знаю, и мне хотелось бы с вами дружить, но есть одно существенное препятствие.

Полковник вопросительно посмотрел на него.

— Я думаю, что о нашем сотрудничестве никто не должен знать, но я разговариваю во сне.

Полковник помрачнел, как туча. И Фёдор, понимая, что аргументов может не хватить, добавил.

— К тому же я еще и лунатик.

— А это кто –нибудь может подтвердить? — вызывающе спросил полковник.

— Вы знаете Дмитриева?

Гончарко утвердительно кивнул головой. И тут Фёдор всё понял, в том числе и причины зарубежных командировок его товарищей.

— В прошлом году мы вместе с ним проездом были у моих родителей, и там заночевали. Так вот ночью я пытался выйти на улицу не через дверь, а через окно.

Наступило тягостное молчание.

— Я могу идти? — вежливо спросил Фёдор.

Полковник немного колебался:

— Идите!

19. Хозрасчёт.

Численный рост института продолжался, и численность его уже доходила до пятисот человек. Академический институт уже действовал в полную силу. Было создано опытное производство, строился корпус под

конструкторское бюро. Но под конструкторским бюро все понимали в будущем специализированный НИИ физики низких температур и криогенной техники со своими экспериментальными и конструкторскими подразделениями. Естественно, что бюджетное финансирование, ввиду его ограниченности, начало тормозить дальнейшее развитие этого по сути дела научно – технического комплекса. Нужны были деньги на заработную плату, на оборудование, на материалы, на капитальное строительство. Деньги эти можно было взять у военных, но это означало, что значительная часть подразделений института должны переходить на хозяйственный расчет. Но что такое хозрасчет? Это хозяйственные договора с оборонными предприятиями, со всеми вытекающими последствиями. Против этого многие возражали, так как понимали, чем это грозит. Конечно, решится на работу с оборонными предприятиями в рамках академического института, могли только самоубийцы, но и другого пути дальнейшего развития тоже не было.

Существенным препятствием являлось и то, что военные просто боялись работать с академическими учреждениями Союза, не веря в то, что они могут выполнять работы на уровне военной приемки. И действительно они были правы, так как для выполнения работ на требуемом уровне нужна обширная инфраструктура, обеспечивающая эти работы. Получался замкнутый круг: для проведения работ нужна инфраструктура, а чтобы создать инфраструктуру, нужны деньги, которые можно взять только у заказчика. Нужно было как-то разрубить этот gordiev узел. И директор решил решить эту проблему волевым путем. Он перевел на хозрасчет сразу несколько отделов с наиболее перспективной тематикой по принципу, кто выплывет, тот выплывет, а, кто утонет, тот утонет. Так началась новая жизнь отдела на полном хозяйственном расчете, когда зарплата и все остальное зависит только от самих себя.

Ничто и нигде не происходит на пустом месте. Для того чтобы получить деньги, нужны связи, нужно чтобы тебя уже знали и тебе доверяли. Но, как же получить эти самые деньги, если у тебя нет связей, и тебя никто не знает. Оказалось, что и на этот раз господин случай, который указывает нам, в каком месте и когда мы должны появиться, опять помог Фёдорову.

Как-то, будучи в командировке в Москве, ему пришлось познакомиться с человеком, который и дал путевку в жизнь его хозрасчетному отделу, это был Владимир Григорьевич Пешехонов. Познакомились они в номере гостинице. За бутылкой мужчины знакомятся очень быстро. Его новый знакомый был тоже молодым начальником отдела очень богатой организации ЦНИИ электроприбор в Ленинграде, которая занималась разработкой навигационных систем для атомных подводных лодок. Эта проблема была не менее важна, чем создание самих лодок и баллистических ракет, так как без знания точных координат местонахождения лодки нельзя попасть в цель. Но все автономные навигационные системы в связи с неизбежным дрейфом в то время требовали коррекции по звездам. Для этих целей лодке приходилось всплывать на поверхность, что её

демаскировало. Ну, а если над морем туман или облака на небе, что тогда. Так вот новый знакомый Фёдора и собирался решить эту проблему очень простым способом. Каждая звезда излучает не только видимый свет, но и так называемую линию водорода, которую излучают атомы водорода в раскалённой звёздной атмосфере. Эту линию можно принять при помощи высокочувствительного СВЧ приемника, но для этого нужен высокостабильный гетеродинный генератор. Как раз такой генератор и может быть создан при помощи криогенной техники.

Эта идея очень заинтересовала нового знакомого, и они договорились встретиться и обсудить техническое задание, а затем заключить хоздоговор на выполнение работы.

Но вернемся немного назад. Мы уже давно не видим старого друг Фёдора Виктора. Что они перестали дружить, или поссорились? Ни то, ни другое. Просто закончилась юность, возникли новые задачи и хлопоты. Виктор успешно закончил радиофак и вел практикум на физтехе, он женился на замечательной девушке Тамаре, которую мы уже знаем, они дружили семьями, правда, встречались гораздо реже. Но обязательно они встречались два раза в год на именины Галины и Тамары. Поэтому так и спешил домой Фёдор после конференции в СОАН.

Как только Фёдор стал начальником отдела, он предложил Виктору перейти к нему сразу на должность ведущего инженера, и теперь они работали вместе. Им—то вдвоем и предстояло вынести основные тяготы перехода на хозрасчет. Виктор был верным другом, и Фёдор знал, что он не подведет. Основной трудностью являлось то, что он жил очень далеко от института, и на дорогу ему приходилось тратить более часа.

Когда был заключен первый договор, все радовались, понимая, что судьба улыбнулась отделу, и что, может быть, они и выплывут. Но никто и не подозревал, какие трудности подстерегают отдел. Главным исполнителем договора был назначен Виктор. Предстояло всего за год создать принципиально новый СВЧ криогенный генератор, таковы были условия договора. Фёдор тогда не понимал, что даже для сложившегося коллектива, при наличии хорошо работающего производства для создания такого генератора требовалось не менее двух лет. Говорят, что умные люди учатся на ошибках других, а глупые — на своих. И в данном случае Фёдор попал сразу в разряд вторых.

На протяжении года ведущие сотрудники отдела раньше двенадцати часов ночи домой не уходили. Особенно трудно было Виктору, так как ему еще нужно было добираться домой. Работали и в выходные дни. Оглядываясь назад, Фёдор никак не может понять, как все—таки они всё это выдержали. Но точно к сроку, указанному в договоре генератор был готов.

Пешехонов лично приехал принимать тему. Подписывая акт приемки, он сказал:

— Приеду домой и скажу своему директору, что в вашем институте работают, а у нас пособие по безработице получают.

Но у любой медали всегда есть и другая сторона.

Это только на бумаге иногда все выглядит просто и красиво. В действительности в жизни коллектива, особенно такого, который находится в процессе становления, да еще в таких трудных условиях, все гораздо сложнее. При этом роль внешнего фактора, той атмосферы и духа, который царит вокруг, имеет очень важное значение. У людей возникает законный вопрос, почему они должны вкалывать день и ночь, в то время как рядом люди в бюджетном подразделении целыми днями просиживают на подоконниках в тоске от безделья и получают такую же зарплату. И это противоречие между бюджетным и хозрасчетным финансированием сразу же дало о себе знать.

Решению поставленных задач, конечно, способствовало то, что основным костяком отдела была та группа, которая была у Фёдора еще у Дмитриева. Это были закаленные бойцы, и никто из них не дрогнул во время этой эпопеи. Но в отделе были и временные люди, которые при певых же трудностях ушли из отдела. Фёдор был жестким руководителем и умел держать ситуацию в руках, хотя это было и не просто. Основным его аргументом в пользу жесткой политики было то, что он сам всегда был вместе с соратниками на передовой. С работы он уходил последним, а приходил первым. В кабинете его практически не бывало, работал он всегда со своими сотрудниками на самом трудном участке. Одни его любили и боготворили, другие ненавидели, третьи просто боялись, но не было к нему равнодушных.

После успешной сдачи темы генератор отправили в Ленинград, а оттуда на испытательный полигон заказчика, который находился на Ладожском озере. Но ни Виктор, ни Фёдор даже не предполагали, что основные испытания еще впереди.

Вскоре после отправки генератора уехал в Ленинград и Виктор. Поскольку испытания проводились на Ладоге, связь с ним прервалась. Фёдор думал, что для запуска генератора понадобится максимум неделя, но шла уже третья неделя, а вестей от Виктора не было. В конце третьей недели позвонил Пешехонов и сказал, что генератор не запускается. На следующий день Фёдор уже ехал в Ленинград.

Пешехонов встретил его очень дружелюбно, понимая, что техника есть техника, и никто не застрахован от ошибок, ведь в Харькове генератор прекрасно работал. Но для того, чтобы помочь Виктору, до полигона нужно было еще добраться. Фёдору подробно рассказали, как это сделать. Для этого нужно было около двух часов ехать на электричке, а далее по грунтовой дороге добираться на попутном транспорте. На станцию назначения он прибыл уже ночью. Ни о каком попутном транспорте и речи быть не могло.

Вправо от станции в лес уходила проселочная дорога, по которой и нужно было идти. Проблема, с которой сразу же столкнулся Фёдор, были комары. Такого он еще никогда не видел. Туча комаров следовала за ним, они лезли в глаза, в уши, в нос. В лесу раздавались непривычные звуки, и это тоже все время настораживало. Для человека, привыкшего к ночному лесу,

все это, наверное, вполне естественно, но ему просто никогда ранее в такой ситуации бывать не приходилось.

Когда идешь по незнакомой дороге, тем более, ночью, да еще в глухом лесу, то она кажется очень длинной. Уже давно должна была появиться Ладога, но она не появлялась. Он уже прошел около десяти километров, но озера не было. Фёдор понял, что заблудился. Единственным правильным решением было вернуться назад и начать все сначала. По тому, как ему рассказывали, километров через пять от станции должна была быть развилка дорог, и ему в этом месте нужно было повернуть налево. Ее то он в темноте и пропустил. Возвращаясь назад, он внимательно приглядывался к дороге и, где-то на половине пути заметил узкое ответвление от основной дороги. Пройдя километра два, он с правой стороны увидел ложбину, заполненную туманом, и понял, что это Ладога. На полигон Фёдор пришел, когда уже расцветало.

Видно было, что Виктор сильно устал, он сильно осунулся, бессонные красные глаза на похудевшем лице говорили о многом. Но самым страшным было то, что в то время, пока Фёдор блудил в лесу, он чуть не погиб, попав под напряжение в две тысячи вольт. На плече прогорела рубашка, мезинец, через который прошел разряд не двигался. От смерти спасло только то, что разряд прошел не через туловище, а через руку.

Встретил его Виктор с радостью.

— Ничего не понимаю, наш генератор работает, а измерить частоту не могу, биений на экране нет. Я плохо знаю ШГВС и поэтому не пойму в чем дело. Фёдору сразу стало ясно, что причина не в их генераторе, а имеются неполадки в измерительной аппаратуре.

— А ты вскрывал ШГВС, ведь это же в нем неполадки?

— Да я хотел это сделать, но ведь у них нет схемы.

— Подумаешь, нет схемы, знаешь старый радиолюдительский прием, открывай телевизор и смотри, горят ли все лампы.

Открыли прибор, одна лампа не горела. Заменяли ее.

— Есть биения, есть биения! — кричал Виктор.

Фёдор посмотрел на индикатор, там плясала и извивалась фигура Лиссажу.

Фёдор открыл портфель и бостал бутылку.

— Вспомним молодость.

— А ты знаешь, здесь не хуже, чем под фикусом, — сказал Витор, когда бутылка была пуста.

— Зови представителей заказчика, будем сдавать тему, — рассмеялся Фёдор.

Утром на следующий день они уже ехали в Ленинград. Их привезли прямо на вокзал к отправлению поезда. Сели в вагон, кондуктор собрал билеты и Фёдор опять достал бутылку.

— За победу, Виктор, за твою победу.

— За нашу победу, Фёдор, — и они чекнулись.

Когда поезд прибыл на Ленинградский вокзал, они с трудом держались на ногах. Особенно плохо было Виктору, бессонные ночи, большие

физические и моральные перегрузки, наконец, электрический удар сделали свое дело. Они с большим трудом добрались до Курского вокзала, и тут Фёдор понял, что Виктор дальше идти не может. Он усадил его на скамейку в зале ожидания, а сам пошел за билетами. В то время пьяная пошесть бушевала в стране, и пьяных, тем более на вокзале, милиция не забирала. Когда он вернулся с билетами, Виктор спокойно спал, откинувшись на спинку лавочки.

20. Звезда в бутылке.

На следующий день по прибытии позвонил Пешехонов и передал Фёдору благодарность от себя лично и от дирекции института, сказал, что путь для сотрудничества открыт, и, что их директор приглашает дирекцию института посетить их организацию в любое удобное время.

Конечно, это был прорыв, без какого-либо задела, никогда до этого не выполняя никаких хоздоговоров и сразу такое. Фёдор доложил директору.

— Конечно, поедem, всю дирекцию повезу, чтобы учились, — не задумываясь ответил Веркин, — готовьте поездку.

О согласии дирекции Фёдор сразу же сообщил Пешехонову и договорился о том, что о точной дате посещения он сообщит дополнительно. Можно было немного расслабиться. Виктору он дал недельный отпуск, а сам на субботу купил билеты в цирк, решив хоть раз за год доставить дочери и жене удовольствие и побыть с семьей.

Но на следующий день ему опять позвонил Пешехонов и сказал, что гостей приглашают на понедельник к девяти часам утра. Это означало, что выезжать нужно было в субботу, но это срывало планы похода семьи в цирк. Фёдор опять пошел к директору, сообщил о приглашении, и попросил разрешения ехать не в составе делегации поездом, а прилететь в воскресенье самолетом. Директор посомневался, но разрешил.

Делегация уехала в субботу.

Четырехтурбинный всепогодный ИЛ-18, следовавший по маршруту маршрутом Ашхабад-Ленинград, уже стоял на поле аэродрома, когда Фёдор прибыл в аэропорт, погода была прекрасная, на душе тоже было радостно. Но посадку все не объявляли. Наконец, прошло сообщение, что рейс задерживается на два часа, затем на два, и затем еще на два. Положение дел становилось угрожающим, если в четыре утра самолет не улетит, он опоздает на назначенную встречу.

Фёдор всю ночь не спал, а рейс все откладывали и откладывали. Более дурацкую ситуацию трудно себе было представить. Вся дирекция сидит в Ленинграде и ждет его, в принимающей организации ждут гостей, а он сидит как идиот в аэропорту и не может ни связаться с директором, так как не знает, куда звонить, ни сообщить о сложившейся ситуации Пешехонову.

А рейс все переносили и переносили. Наконец, дождавшись восьми утра, Фёдор позвонил в институт, там уже был переполох, все его искали, так как из Ленинграда позвонил директор и велел его срочно найти. Ему дали телефон директора. Не без страха он крутил диск телефона, когда набирал номер. Наконец, длинные гудки закончились и кто-то поднял трубку. Он хорошо знал голос директора, но это был не его голос. Он представился. Телефон молчал несколько минут, и, зная взрывной характер директора, Фёдор мог рассчитывать на что угодно, тем более что всех подчиненных, включая и ближайшее окружение, он постоянно разносил в пух и прах, не стесняясь самых красноречивых эпитетов. Каково же было его удивление, когда он услшал в трубке спокойный голос директора. Тот объяснил ему, что там уже вторые сутки держится сильный туман, и они договорились, что Фёдор выедет поездом. Сразу же после этого он позвонил Пешехонову и объяснил ситуацию. Встречу перенесли на вторник на пятнадцать часов.

Результаты посещения превзошли все ожидания. Гостям показали все основные подразделения. Масштабы организации впечатляли, только одних комнат с надписью «Представитель заказчика» Фёдор насчитал более десяти. «Какой же объем военных заказов у этой организации?» — подумал он. К концу дня всех повезли в Гатчину - филиал, где изготавливались берилиевые пустотелые шары для гироскопов атомных подводных лодок. Им объяснили, что когда атомная подводная лодка уходит в поход, котрый длиться до полугода и более, ей, с целью скрытности, не разрешается всплывать на поверхность. Но, в то же время, она всегда должна точно знать свои координаты, так как, не зная их, нельзя задать программу для запуска баллистических ракет. Поэтому лодка имеет свою автономную систему инерциальной навигации, в состав которой входят гироскопы, основным элементом которого и является берилиевый пустотелый шар. Именно этот шар называют звездой в бутылке, так как до изобретения гироскопов только звезды давали возможность точно установить местонахождение лодки.

Фёдора удивило то обстоятельство, что о таких секретных вещах говорили так просто и даже обыденно.

Работа с берилием требует особых мер предосторожности, так как он очень ядовит, а его пыль вызывает очень тяжелую и неизлечимую болезнь — бериллез легких, которая очень быстро заканчивается летальным исходом. Поэтому на время посещения полностью остановили все производство. Предприятие тоже потрясло воображение: длинные светлые корридоры со стеклянными боксами по обе стороны. «Сколько же все это стоит?» — подумал Фёдор.

Он начинал догадываться, что весь этот показ неспроста, что после этого должны последовать какие-то важные предложения, но гиды все рассказывали и рассказывали. Наконец, всех пригласили в просторный кабинет директора, там уже стоял накрытый стол. После перво рюмки директор сказал:

— Мы очень хорошего мнения о ваших сотрудниках, никто и не предполагал, что за такие мизерные деньги и, главное в такие сроки мы

получим столь необходимый нам генератор. Если мы осуществим задуманный проект, то это даст возможность лодке не всплывая уточнять свои координаты. Вы люди науки, а мы люди военные и нам Нобелевских премий не дают, так вот, чтобы было понятно по вашим меркам, решение этой проблемы равноценно не одной Нобелевской премии.

При этих словах Фёдор рассмеялся.

— Мы уже одну Нобелевскую премию получили, — и он посмотрел на директора. Тот тоже рассмеялся.

Близились развязка, выпили еще по рюмке.

— Так вот, основной проблемой, которую пока не удалось решить при обычных температурах, является трение в системе поддержания во взвешенном состоянии этого самого бериллиевого шара. Трение приводит к неконтролируемому дрейфу. Если же шар выполнить из сверхпроводника, и подвесить его в магнитном поле, трение, а значит и дрейф, будет отсутствовать. На эти работы мы можем выделить большое финансирование.

Фёдор увидел, как у его директора загорелись глаза.

Встреча прошла в теплой дружеской обстановке.

21. Снова в неизведанное.

Несмотря на первые успехи все понимали, что впереди долгие годы упорного и каторжного труда. И Фёдору и руководству института было ясно, что одними только лозунгами людей долго не удержишь, может ли выдержать любая семья, любая жена то, чтобы муж практически не живет дома. Отдел спасал пока чистый энтузиазм, но он когда-то заканчивается. Первым из обоймы выпал Виктор. После недельного отпуска он пришел к Фёдору и сказал, что в дальнейшем такого темпа не выдержит и что принял решение уйти из отдела. Очень жаль было терять такого сотрудника, жаль было, что рядом не будет верного соратника и друга. Другой стал бы уговаривать и что-то обещать, но Фёдор понимал, что еще несколько лет ситуация в отделе не измениться. Они обнялись.

— Витя, я не говорю тебе прощай, я говорю тебе до свидания.

Он запер кабинет и отключил телефон.

Сегодня меня ни для кого нет, — сказал он.

Канистра спирта всегда стояла в сейфе. Налили по пятьдесят и выпили не разводя. Да, много чего было им вспомнить. И только поздно вечером они вышли из института.

— Я буду всегда помнить отдел и Ладогу, — сказал Виктор.

— Я тоже — ответил Фёдор.

Если вы хотите эффективно управлять коллективом, то всегда должны помнить, что у вас должны быть соратники, причем соратники не на словах, а на деле, которые действительно разделяют ваши взгляды. Но трудно бывает отличить истинных сподвижников от попутчиков и прилипал, которые в случае беды побегут, как крысы с тонущего корабля. Конечно, Виктор к

такой категории не относился, он честно выполнил свой долг, и честно сказал, что не выдерживает. Они остались друзьями на всю жизнь, хотя работать вместе им уже никогда не довелось.

В состав его соратников входили еще Алексей Трубицын, Виктор Чаркин и Ваня Баранов, все они были из той группы, которой руководил Фёдор еще в отделе Дмитриева. При создании отдела все они получили должности ведущих инженеров и у них были свои группы, а Алексей Трубицын был назначен заместителем начальника отдела.

Время не заставило себя ждать, вскоре из ЦНИИ Электроприбор пришло техническое задание на создание сверхпроводящего гироскопа на основе сверхпроводящего подвеса. Все закрытые работы в то время подвергались так называемому легендированию, то-есть разрабатывалась некая вполне правдоподобная легенда о том, что по данной теме проводятся работы, для решения задач научного или народнохозяйственного характера. Легенда по данной теме предполагала, что будут проводиться работы по созданию сверхпроводящего гравиметра для геофизики. Такая легенда была выбрана не зря, так как в гравиметре тоже есть сверхпроводящий подвес с полый сверхпроводящей сферой, но используется она по другому назначению.

Фёдор не мог не взяться за эту работу по двум причинам: во – первых это была очень интересная научно- техническая задача, решение которой давало возможность создать принципиально новый гироскоп, а, во – вторых, под нее давалось крупное финансирование. Однако, было совершенно не ясно, кто возьмется за создание пустотелого шара, выполненного из такого технологически трудного материала, как ниобий. Договор был подписан, и отсчет времени начался.

22. Беда.

И опять в отделе произошло событие, которое было чревато очень тяжелыми последствиями и для всего отдела, и лично для его руководителя. Отдел быстро рос по численности, в отдел приходили молодые специалисты и уже имеющие производственный опыт. Для того чтобы превратить всю эту массу в работоспособный коллектив, нужен был знающий умудренный жизненным опытом руководитель. Но откуда мог быть у Фёдора такой опыт, ведь он только начинал свою карьеру на этом поприще. Приобретение навыков руководителя происходило методом проб и ошибок. Но хороший руководитель должен уметь не только управлять коллективом, но, что очень важно, уметь предвидеть и предвосхищать те опасности, которые и его, и сотрудников, и весь коллектив подстерегают на каждом шагу. Не даром на производстве так необходимо соблюдение правил техники безопасности, пожарной безопасности, и других мер предосторожности порой даже не связанных с производством. Сколько людей получают травмы, или даже гибнут на производстве, сгорают в огне пожаров, или попадают в совершенно непредвиденные ситуации, которые заканчиваются очень

печально. И за все это в ответе руководитель, потому что ему поручены судьбы его подчиненных. И вот непонимание этой ответственности, особенно молодыми руководителями, часто приводит к трагическим последствиям. Так было и на этот раз.

Из молодых специалистов, которые уже почти год работали в отделе, особенно выделялся Олег Козловский. Он тоже был выпускником радиофака, окончил университет с красным дипломом, и получил он этот диплом не зря. Отличная подготовка выделяла его среди других молодых специалистов, пришедших вместе с ним. Если добавить к этому то, что он был очень трудолюбив, то станет ясно, как к нему относился Фёдор. Он быстро сдружился с этим замечательным парнем, хорошо знал его родителей.

Начальник отдела и его подчиненные не очень отличались по возрасту и поэтому со многими из них были дружеские отношения, и в наибольшей степени это относилось к Олегу. Не знал только Фёдор одной его особенности, не сказали об этом ему и родители. Олег не был алкоголиком, но, иногда сильно выпивши, переставал контролировать свои действия. Жил он за городом, и было несколько случаев, когда он, заснув в электричке, проезжал свою остановку.

Както Фёдор и его ближайшие соратники решили поехать за грибами, пригласили и Олега. Конечно, на таком мероприятии без бутылки не обходилось. После обеденного перерыва, будучи уже прилично навеселе, всей гурьбой дружно двинулись собирать грибы. Дальнейший путь преградила небольшая речушка, но мостика через нее нигде не было. Тогда Фёдор разогнулся и прыгнул. И, хоть речушка и казалась неширокой, он оказался почти по пояс в воде. За ним последовали и его товарищи, но и их постигла такая же участь. Но Олег прыгать не стал, он пошел вдоль реки, нашел иву, росшую над самой водой, залез на нее. Раскачавшись, он отпустил руки и цел и невредим оказался на другом берегу. Все очень похвально отнеслись к его изобретательности.

— Фёдор Федорович, вот видите, я сухим из воды вышел, я вообще умею живым и невредимым выходить из любых ситуаций, — похвастался он.

Непонятно почему, но последние слова почемуто врезались в память Фёдора.

« Живым из любых ситуаций. Живым из любых ситуаций.....» — тревожным эхом откликнулись эти слова в душе.

Далее Олег рассказал, что его однажды уже считали погибшим, а он оказался цел и невредим, хотя мог погибнуть. Еще, будучи студентом, он поехал на зимние каникулы на лыжную базу на Карпаты. Не очень прислушиваясь к наставлениям инструктора о том, что в горах легко заблудиться, он с группой товарищей отправился на лыжную прогулку. Спускаясь с одной горы и взбираясь на другую, они не заметили, как потеряли ориентиры и заблудились. Вечерело, а они все пытались и пытались найти путь обратно, но не находили. Наступила ночь. Кроме лыжных костюмов на них ничего не было. Уже в первую ночь они бы замерзли, но спасло то, что у одного из ребят совершенно случайно оказалась коробка с

двумя спичками. Олег даже похвастался, что ему доверили разжечь костер, и он не подвел друзей. Четыре дня и четыре ночи они поддерживали огонь в костре и поэтому остались живы. На базе все думали, что они все погибли и даже вызвали их родителей. Но все закончилось благополучно.

Фёдор не знал почему, но какой то тревогой откликнулся в его сердце этот рассказ.

В те времена в коллективах отмечали практически все праздники. Собирались вместе, накрывали столы. Всем было весело пили, гуляли. Эти праздники устраивали прямо в производственных помещениях, что, конечно, было нарушением правил трудового распорядка, но что поделаешь, таковы были традиции. Конечно, о таких нарушениях хорошо знали руководители предприятий, но смотрели на это сквозь пальцы.

Приближались октябрьские торжества. Решили, как и все, отметить праздник. Готовились несколько дней, и праздник получился на славу. Где-то к полночи все довольные и пьяные разошлись. Но Олегу нужно было ехать еще на электричке.

На следующий день все пришли на работу, но Олега не было. Этому значения не придали, но вскоре позвонила очень взволнованная жена и сказала, что Олега до сих пор нет дома. Фёдор сразу же позвонил в линейное отделение вокзальной милиции и объяснил ситуацию. Его спросили, кем он доводится разыскиваемому, и потом сообщили, что Олег попал под поезд, и смертельно травмирован.

Известие всех ошеломило. Фёдор сразу же уехал на вокзал для выяснения обстоятельств гибели. Оказалось, что Олег заснул в электричке и проехал свой станцию. Ему пришлось выйти на следующей остановке, и ждать обратную электричку. Ждал он ее на той платформе, на которой сошел. При виде встречной электрички он попытался перебежать на противоположную платформу, но его нога застряла между досками переходного настила.

Какое страшное стечение неблагоприятных обстоятельств. Не будь одного из них, и все бы кончилось благополучно, но факт остается фактом. Все эти обстоятельства собрались вместе, и Олега сбил пассажирский поезд, идущий по параллельным путям.

Когда Фёдор вернулся с вокзала, он пошел к директору и рассказал о случившемся. Директор очень расстроился и сказал, что существует большая вероятность того, что все это кончится плохо. Фёдор знал, что он ошибается редко.

— Фёдор Федорович, ситуация очень серьезная, почти уверен, что будут крупные неприятности не только у вас, но и у института. Вы, как и все праздновали в отделе? — Фёдор кивнул головой. — Поэтому в сложившейся ситуации я вынужден объявить вам выговор. Чтобы вы были не одиноки в этом, я также узнаю, в каких еще отделах праздновали, и объявлю этим начальникам отделов выговора. В случай чего это смягчит ваше наказание, когда этим вопросом займется следствие, так как вы уже раз наказаны. С другой стороны и мои действия будут истолкованы правильно, так как я как

директор не должен проходить мимо таких фактов. А сейчас берите мою личную машину и постарайтесь сделать все возможное и невозможное, чтобы спасти себя.

— Спасибо, я постараюсь.

— Какие у вас отношения с его родителями?

— Очень хорошие.

— Ну, тогда есть хоть какая-то надежда.

Именно то, что у Фёдора были хорошие отношения с родителями и спасло его от суда. Они не стали предпринимать никаких действий по поводу привлечения к ответственности виновных, а милиции тоже не хотелось заводить лишнее уголовное дело, так как все это портило количественные показатели отчетности по уголовным делам.

Но Фёдор прекрасно знал, что его, в конце концов, вызовут в милицию для дачи показаний. Но случилось так, что следователь сам приехал в институт. Перед его приходом Фёдор пригласил в кабинет своего заместителя Алексея.

Следователь долго выяснял обстоятельства дела и заносил их в протокол, а потом задал вопрос, который не мог не задать.

— А где вы отмечали праздник?

— У нас в институте есть столовая, и, обычно, праздники мы отмечаем там, — последовал ответ.

Следователь немного поколебался.

— Подпишите, пожалуйста, протокол, — сказал он, подавая его Фёдору.

Фёдор взял ручку, не читая, подписал его и подал следователю. Тот положил его в папку и распрощался.

— Алексей, проводи, пожалуйста, следователя до проходной.

— Ты знаешь, я чуть в штаны не наложил, когда ты сказал, что мы отмечали в столовой, — сказал он возвратившись.

— Нет, Алексей, я и ответил и не ответил на поставленный вопрос, ведь я сказал обычно. Следователь, конечно, все прекрасно понял, но думаю, что ни в его интересах раздувать это дело.

23. Погуляли.

Жизнь устроена так, что коль уже начались неприятности, так начались. Приближался Новый Год и, памятуя прежний праздник, его решили отметить в ресторане. Неподалеку от института был уютный ресторан «Ручеек». Он находился в немногочисленном месте, там и решили собраться тридцатого декабря всем отделом. Решили пригласить на праздник и жен, хотя отдел был еще очень молод, и многие сотрудники были не женаты. Женщин в то время в отделе практически не было, Фёдор считал, что экспериментальная работа это не женское дело, поэтому в отделе было

только две женщины, но и они были не замужем. Он позвонил Виктору и пригласил его с Тамарой прийти на вечер.

Намечалось очень веселое мероприятие, и к нему начали готовиться заранее. В отделе умели не только работать. Каждому участнику был приготовлен подарок, сделали много сувениров, сделали памятные медали. К тому времени Фёдор уже получил двухкомнатную квартиру, и она была расположена недалеко от «Ручейка». Дочери было пять лет, и оставлять ее надолго одну было страшновато, поэтому Фёдор и Галина решили немного побыть в ресторане, а потом уйти домой.

Вечер удался на славу. Всем официантам и оркестру подарили сувениры, и они с душой обслуживали и играли. Были организованы различные игры, и уже через час весь ресторан превратился в единый веселый коллектив. Фёдор обратил внимание на то, что в углу стоял столик, за которым сидели четыре крепких парня. Они много пили и в общих мероприятиях участия не принимали.

Очень не хотелось уходить, но дома остался пятилетний ребенок, и Фёдор с Галиной распрощались.

Прошло часа два, и в доме уже собирались ложиться спать, когда раздался стук в дверь. На пороге стоял запыхавшийся Трубицын.

— В ресторане произошла драка, — с порога сказал он.

— Какая драка? — с недоумением спросил Фёдор.

— Ты знаешь нашего Томенко, когда он выпьет, его всегда на подвиги тянет. Так вот он пошел приставать к мужикам, которые в углу сидели. Почему не танцуете, да вы нас не уважаете. Те ему, мол отвали черешня, а он опять. Тогда один встал и врезал ему. Ну, а что бывает, когда наших бьют. Кинулись наши ребята на помощь, но не тут — то было. Оказалось они не только на вид сбитые, их всего четверо было, но всем нам на орехи досталось. Жаль там тебя не было.

— Думаю не жаль, а очень кстати, ты мой характер знаешь, бойня бы началась, если верить твоим рассказам. Ведь сколько нас было, а сколько их?

— Я тебе ещё не всё сказал, у Чаркин весь глаз заплыл, а жене Виктора под глаз так врезали, что синяк пальца на три.

— Да ты что, ведь ей завтра на доску почета фотографироваться. Ну и ну!

— Но я не договорил, милиция приехала, те смылись, а наших забирать хотели, так благо официантки заступились, видать, они там все друг друга знают, потому и не забрали.

— Ой, Алексей, доиграемся мы с этими праздниками, говорят снаряд в одну и ту же воронку два раза не попадает, а тут два раза подряд. Завтра весь институт об этом знать будет, что я директору скажу?

24. Пожар.

Чаркин почти месяц пролежал с сотрясением мозга. Пришло лето. Близились время отпусков. В кабинет вбежал запыхавшийся Чаркин.

— Фёдор, что делать? Жена гладила белье, кто-то постучал, она вышла, а дверь за ней и захлопнулась.

— Но утюг у тебя хоть с терморегулятором?

— В том - то и дело, что нет.

— Ну, хоть на подставке она его оставила?

— В том – то и дело, что не помнит.

— Да, дела плохи, но чем я могу помочь?

Чаркин жалобно смотрел на Фёдора и молчал.

Фёдор колебался. Но, немного подумав, наконец, сказал:

— Бежим.

Они выбежали из института, навстречу шла Галина. В то время она была в положении, и семья вот-вот ждала пополнения.

— Куда вы на ночь глядя? — удивилась она.

Фёдор только махнул рукой, и они побежали дальше.

Жил Чаркин рябом с институтом в девятиэтажном кирпичном доме, квартира находилась на шестом этаже. План был простой. Спуститься с балкона седьмого этажа на балкон шестого, а затем через форточку залезть в комнату. Трудность заключалась в том, что балконы были встроены в сам дом, но было и одно полезное обстоятельство. Балконы были широкие, и посреди балконов кроме ограждений была расположена вертикальная металлическая стойка, достающая до перекрытия верхнего балкона. По ней то и можно было спуститься с верхнего балкона на нижний.

Постучали в дверь верхней квартиры и объяснили ситуацию. Хозяйка охотно впустила их, открыла балкон. Фёдор посмотрел на Виктора. Глаза полные страха, бледное лицо. «Нет ему нельзя», — подумал Фёдор и начал перелезать через ограждения балкона. Посмотрел вниз, там растянув одеяло, стояли Галина и жена Виктора Людмила. «Вот чудачки, — подумал Фёдор, — как будто это одеяло спасет, когда вниз грохнусь».

Повиснув на руках, он начал нащупывать ногами стойку, но стойки не было. И тут он оказался примерно в таком положении, как когда-то Виктор на стене разрушенной церкви. И внизу опоры нет и пути вверх тоже. Вот тут он и понял, что пережил тогда Виктор. Ну, сколько времени можно провисеть на руках, ну, пять минут, ну, десять. Он уже когда-то пробовал держать в руке плоскогубцы, всёравно пожарные снять не успеют.

Мысль работала лихорадочно, адреналин рекой вливался в кровь.

«До самого последнего момента не считай положение потерянным!» — услышал он снова слова отца. «Я же промахнулся, стойка где-то слева или справа», и он начал, перхватываясь руками, сдвигаться вправо, и вдруг нога наткнулась на стойку.

Фёдор не упал и не сорвался, пожара в квартире Чаркиных не случилось, но Галину в ту же ночь забрала скорая, и наутро Фёдор был уже отцом двух дочерей. У Зайчика появилась сестричка Юля.

25. Госпожа Наполитано.

Фёдор часто думал, что ему удалось родиться в самый интересный период развития человеческой цивилизации. Практически на его глазах произошли, пожалуй, самые интересные события, когда общество переходило от мракобесия феодализма к нормальному цивилизованному состоянию, когда научно-технический прогресс шагал вперед семимильными шагами, когда буквально на его глазах сказка превращалась в быль. Учась еще в школе, он читал научно-популярную литературу о спутниках Земли, о полетах на другие планеты, и ему казалось, что все это несбыточная фантастика. Нет, и то, что он родился именно в это время, без провидения не обошлось. А разве без трудов этого самого провидения ехал бы он сейчас в этом поезде?

Стучали колеса, отбивая такты на стыках рельсов, вагон покачивало, а поезд все мчался и мчался на юг. Большой честью для института явилось то, что он получил пять приглашений на Международный астронавтический конгресс, который должен был состояться в Баку. В то время космонавтика достигла потрясающих успехов. Космос бороздили обитаемые станции, человек высадился на Луну, и его имя было так же хорошо известно, как и имя Гагарина. В числе делегатов 24-го Конгресса ехал и Фёдор.

Баку встретил их очень приветливо, на вокзале висел большой транспорант, приветствующий делегатов Конгресса. О масштабах приготовлений можно было судить по тому факту, что для его проведения в центре Баку специально построили дворец съездов имени Ленина. Число участников более двух тысяч тоже поражало.

Уже первое знакомство с программой Конгресса давало представление о масштабах происходящего. Целый раздел составляла ранее не известная программа Шатл, в соответствии с которой американцы собирались создать челнок многоразового действия для доставки на орбиту различных грузов. Эта программа тоже казалась фантастикой, так как сам челнок весил несколько десятков тонн, и его нужно было то забрасывать на орбиту, то возвращать обратно на Землю. Но люди в то время уже перестали чему-либо удивляться, все казалось достижимо, все возможно.

Предполагалась работа большого числа секций, начиная от проблемы полетов на Марс, и кончая поиском внеземных цивилизаций. Проблема «Карнавальная ночь» есть ли жизнь на Марсе, да и за компанию в других галактиках тоже стояла на повестке дня. Фёдор всегда относился к тем людям, для которых этот вопрос был очевиден. Если только в нашей галактике около ста миллиардов звезд, то есть почти по десять звезд на каждого жителя Земли, то почему только вокруг нашего Солнца вращаются планеты с живыми существами? Несомненно, и другие звезды имеют свои планеты, и там, конечно, может быть жизнь, или когда-то была. Единственным вопросом, который вызывал недоумение и даже страх был вопрос о бесконечности вселенной и вопрос откуда все это взялось. Создал бог? Но тогда, кто создал бога. Если у вселенной есть конец, ну, например, стена, то, что находится за этой стеной. Иногда, когда Фёдор начинал

пытаться представить себе эту самую бесконечность, эту грандиозность Вселенной, в которой уже сейчас люди могут видеть галактики, от которых свет летит до нас сто пятьдесят миллиардов лет? Нет, такие вещи не подвластны человеческому разуму, и когда о них начинаешь думать, становится страшно.

Для размещения участников Конгресса были предоставлены лучшие гостиницы города, и когда вечером собирались у кого-нибудь в номере, то хозяин спрашивал:

— Не пора ли нам поддать, — и все соглашались, что пора.

Расселение гостей производилось по интересной схеме, номера уже заранее были забронированы за гостями, и всех сотрудников института поселили в номера с незнакомыми делегатами. Фёдору попался, как он представился, сотрудник ГУКОСА, звали его Игорь. «Неужели здесь полно осведомителей, такие уважаемые делегаты, и на тебе, — думал Фёдор, и сам себе ответил. — Конечно да». Не даром же ему в свое время пришлось стать лунатиком.

Жизнь Конгресса шла своим чередом. Фёдор удачно выступил со своим докладом и теперь ходил на другие секции ради удовлетворения своего любопытства. Он побывал на секции, где докладывался проект создания Шатла. На секции по внеземным цивилизациям он узнал, что есть люди, которые думают, как и он и считают, что жизнь очень распространенное во вселенной явление. Интересными были доклады, в которых докладчики пытались доказать, что на Земле уже были пришельцы из космоса.

Культурная программа тоже впечатляла. Приемы и фуршеты, осетрина в любых видах и конечно спиртное, делали свое дело. Развязывались языки, завязывались откровенные беседы, делегаты делились адресами, приглашали друг друга в гости. «Неужели и здесь идет вербовка? — спрашивал себя Фёдор и сам себе отвечал. — Еще и как, а где же еще, как не здесь?»

Но самыми интересными мероприятиями были экскурсии. Программа была большой, и можно было выбирать.

Очень интересной оказалась экскурсия на Шамахинскую обсерваторию, она была расположена в горах, и туда нужно было добираться несколько часов по узким горным дорогам, и эта поездка была очень впечатляющей, особенно для людей, которые до этого времени не ездили по горным дорогам. Телескопов Фёдор тоже до этого времени никогда не видел, и эти великаны, обращенные своими зеркалами в небо, напоминали ему внеземные существа, задумчиво глядящие в будущее.

Но с некоторых пор Фёдор начал замечать некоторую особенность комплектования экскурсионных групп. Получалось так, что делегаты от Союза всегда ездили не в то время, когда возили иностранцев. Делалось это очень просто. При получении карточки на экскурсию указывались номера автобусов, в какие нужно было садиться, но при посадке в автобусы никто эти карточки не проверял. И ему очень захотелось нарушить это неписанное правило. Он поделился своими соображениями со своим партнером по номеру, и предложил на следующий день поехать на экскурсию с

иностранцами. Его партнер долго колебался и сказал, что подумает. Утром он сказал, что согласен.

После того, как уехали автобусы с советскими делегатами, прошел почти час прежде, чем пришли автобусы за иностранцами. Это были комфортабельные автобусы и в никакое сравнение с теми, на которых возили наших делегатов, не шли. Фёдор и Игорь, сели в один из них.

Предполагалась экскурсия в винодельческий совхоз имени Ленина. Винные погреба поразили всех. Громадные бочки, в каждую из которых влазило несколько тонн вина, стояли по обе стороны подвала, и конца им видно не было. Экскурсовод рассказывала на английском языке, из ее рассказа Фёдор и Игорь поняли немного. Но вот один рассказ, который переводчица переводила со слов директора совхоза, запомнился. Директор рассказывал, что погреба существуют еще со времен Екатерины Второй, и что здесь в свое время служили лучшие дегустаторы России и Европы. Однажды во время посещения винных погребов высокопоставленными чиновниками между ними произошел спор о том, чьи дегустаторы лучше, русские или европейские. Прodeгустировали вино из одной из бочек, европеец сказал, что он слышит привкус железа, а русский сказал, что не только железа, но и вкус сыромятной кожи. Разбили бочку и там нашли железный ключ на сыромятном ремешке.

Позже Фёдор узнал, что программа посещения винных погребов для наших делегатов была такая же и им тоже рассказывали про сыромятный ремешок. Но вот дегустировать вино в совхозный клуб их не повезли.

В просторном зале совхозного клуба, которому мог позавидовать любой городской клуб, в виде буквы П стояли столы. Видно было, что хозяева не пожалели денег, чтобы удивить гостей. Посреди центральной части стола сидел господин Наполитано, президент Международного астронавтического общества, слева от него сидела его супруга, а справа астронавт Стафорд, который побывал на Луне. Открыл заседание председатель совхоза, далее слова благодарности сказал господин Наполитано, и заседание началось. В конце правого крыла П-образного стола сосредоточилась очень немногочисленная рускоговорящая фракция, и очень скоро все уже чувствовали себя, как дома. Начались межрегиональные контакты, при которых одни приглашали в свою компанию других. Дегустация шла полным ходом. И тут Фёдора потянуло на подвиги.

— Игорь, пойду к жене Наполитано и возьму у нее автограф.

— Ох, Фёдор, я бы очень не советовал тебе это делать, нам же еще домой возвращаться.

Но ведь известно, кому море по колено? Фёдор встал и направился к центру стола.

Госпожа Наполитано вежливо согласилась, и спросила на чем написать автограф. И тут Фёдор понял, что дал маху, ни бумаги, ни блокнота у него не было. Он порылся в карманах, достал регистрационную карточку и подал ей. Та улыбнулась и попросила ручку, но ручки тоже не было. Тогда Фёдор

подошел к Стаффорду и попросил ручку. Тот улыбнулся, достал ручку и подал. Красный, как рак, вернулся Фёдор на свою половину стола.

— Нука, покажи? — обратился к нему Игорь.

На регистрационной карте, чуть ниже числа, месяца и года проведения Конгресса женским чётким почерком было написано: Liliaana Napolitano.

Фёдор понимал, что теперь только от Игоря зависит вопрос о том, будут ли у него неприятности после возвращения домой.

26. Королёв.

Веркин был очень инициативным директором, он жил институтом и все свои силы отдавал ему. Он прекрасно, как и другие руководители командно - административной системы, понимал, что главным бичем этой системы является уравниловка, когда нет возможности поощрять материально за хорошую работу. Если на бюджете все сходило, что ни сделал, то и хорошо, всеравно государство зарплату заплатит, то на хозрасчете нужны были конкретные результаты, да еще и в заданные сроки.

Для оборонных предприятий существовало так называемое шестое приложение, которое предусматривало не только высокую заработную плату, но и возможность прогрессивного премирования. Перед директором и стояла именно эта задача, добиться распротране этого приложения на подразделения, радотающие на хозрасчете. В составе института уже существовало Специальное конструкторское бюро, которое по сути дела являлось межотраслевым НИИ физики низких тенператур и криогенной техники. Но вопрос о введении шестого приложения мог решить только Совет Министров СССР.

Говорят, что под лежащий камень вода не течет. И если хочешь какой-то вопрос решить, то этого нужно добиваться. Единственной возможностью решить поставленную задачу было получить поддержку такого человека, которому Совет Министров не смог бы отказать. В те годы все знали, что существует человек-легенда, который запустил первый спутник и запустил в космос первого космонавта. Но его фамилия нигде и никогда не упоминалась и была известна только очень узкому кругу людей, во всех же газетах его называли просто Генеральным конструктором. Это был Сергей Павлович Королёв. К нему и решил обратиться Веркин, тем долее, что и сам институт был построен в значительной степени именно благодаря его поддержке, и для его организации институт выполнял большой объём работ. В эту поездку директор взял с собой Фёдора.

В небольшом кабинете сидел плотно сложенный невысокого роста человек. Он встал из - за стола и за руку поздоровался с гостями. Фёдору почемуто показалось, что он немного сутулиться.

Беседа длилась не более получаса. Ставились конкретные вопросы, на которые давались конкретные ответы.

— Подготовьте письмо в Совет Министров, я подпишу его, — наконец сказал он.

Это был нонсанс, так как ни одно академическое учреждение, а, тем более, какая-то его часть, не пользовалась такими привилегиями.

27. Пусть бегут сверхпроводно электроны свободно!

Работать в СКТБ теперь хотели многие, хотя не каждый понимал, что такое хозрасчет в академическом учреждении. Мы уже говорили, что на начальном этапе освоения хозрасчета действовал принцип «кто выплывает», но многие и утонули. Отдел Фёдора выплыл не только благодаря тому, что он встретил Пешехонова, но в значительной степени и потому, что люди все-таки сумели выдержать нечеловеческие нагрузки. Но были отделы, которые и утонули. В частности отдел Дмириева не смог выполнить заключенные хоздоговора и дирекция была вынуждена вернуть отдел на бюджет.

В отделе криогенных резонансных систем, которым руководил Фёдор была строгая дисциплина, каждая группа в письменном виде составляла план работ на месяц, и он требовал неукоснительного выполнения этого плана. В конце каждой недели комиссия в составе всех руководителей групп обходила все помещения, замеченные недостатки записывались в журнал, и определялся срок их устранения. С целью повышения квалификации в отделе работал еженедельный семинар, на котором все сотрудники должны были поочередно докладывать наиболее актуальные новые публикации по их тематике. В отделе была своя библиотека, в которой были собраны все новые публикации по тематике отдела. Работать в отделе было тяжело, многие не выдерживали и уходили, но и зарплата, которую получали сотрудники, была, самая высокая в институте. Такой подход давал возможность отбирать наиболее работоспособные кадры, и сотрудники, которые умели или хотели работать, оставались в отделе. В любом коллективе всегда и везде есть недовольные, и чем выше требования, тем больше недовольных. Но бороться с недовольными административными методами это всеравно, что бороться с ветряными мельницами, и безрезультатно и небезопасно. Если начинаешь загонять в угол человека только потому, что ты начальник, то тебя может и будут бояться, но уважать уж точно не будут. Пример Дмитренко лучшее тому доказательство.

По результатам работы за год отдел всегда занимал призовые места. Но большие успехи порождают и большие трудности, причем порой самые неожиданные. В институт часто приезжали различные высокопоставленные гости, и их всегда вели в лучшие отделы. Но каждый показ это, прежде всего время, которого всегда не хватало. Недоволен был и Фёдор, недоволен был и коллектив. Но если он воспринимал это как неизбежное зло, которое приносило и пользу, то у руководителей групп эти посещения вызвали полное неприятие. Ведь в хоздоговора не заложишь эту непроизводительную трату времени.

В отделе к каждому празднику выходила стенная газета, делалась она при участии всего коллектива, причем со стороны руководства отдела не

было никакой цензуры, и сам Фёдор узнавал о содержании газеты только после ее выхода. Он был сторонником древовидной системы управления, когда у каждого начальника в непосредственном подчинении находиться не более четырех - восьми человек. Как начальник отдела он не мог доходить до каждого сотрудника, которых в отделе уже было более пятидесяти, он никогда не давал распоряжения через голову непосредственного начальника. В этих условиях стенная газета как раз и была выразителем общественного мнения, и давала возможность судить о существующих в отделе настроениях, конечно, такой орган был и рупором оппозиции, которая всегда существовала в отделе. Фёдор, конечно, не очень любил оппозицию, но был к ней терпим.

Насколько надоели всем частые посещения, можно было судить из одного достаточно ядовитого стиха, который появился в одной из стенных газет. Начинаясь он так:

Пусть бегут сверхпроводно
Электроны свободно
По скинслою и глубже рекой,
И неясно проходим
В этот день непогожий,
Почему же я грустный такой.

Далее в том же стиле описывались все беды и трудности, связанные с посещениями, и заканчивался стих словами:

Из отдела я уйду,
Потому что посещений много раз в году.

В отделе работал очень способный и интеллигентный парень, но по своему складу характера он всегда был оппозиционером, есть такие люди от природы.

Фёдор понял, что это сигнал, пройти мимо которого он как руководитель не имеет права. Конечно, против автора стиха он никаких мер предпринимать не стал, но на очередном собрании коллектива отдела стих прокомментировал. Он сказал, что полностью согласен с тем, что для отдела это большая дополнительная нагрузка, но в то же время этот фактор приносит отделу и много пользы, потому что только лучшие отделы часто посещают. Но лучшим отделам дают и лучшую премию, которая в отделе всегда самая высокая в СКТБ. Затем он предложил провести тайное голосование и ответить на один из вопросов. «Вы за высокую премию» или «Вы против частых посещений». Мы даем возможность читателю самому догадаться, какой ответ поддержало большинство сотрудников отдела.

Да, сильная власть всегда находится под огнем критики, такую власть не любит большая часть общества, но парадокс заключается в том, что у общества, у которого нет сильной власти, нет ни нормального настоящего, ни надежного будущего.

Конечно, разработка сверхпроводящего гироскопа давала хорошее финансирование, но все-таки это была односторонняя тематика, которая к радиоэлектронике прямого отношения не имела. Вся электроника в этой теме сводилась к созданию вспомогательных радиотехнических систем обеспечения. Нужно было искать тематику не только с хорошим денежным,

но и радиоэлектронным наполнением, соответствующим основному тематическому направлению отдела и квалификации его специалистов.

Однажды в отдел прибыл в командировку подтянутый военный в чине полковника. Это был сотрудник военного НИИ, который занимался разработкой систем связи для военноморского флота. Он обрисовал проблемы, которые имели место в этой области, и сказал, что некоторые из них, как он считает, можно решить только с помощью использования явления сверхпроводимости. Чувствовалось, что это эрудированный и знающий специалист. Есть люди, которые умеют расположить к себе и умеют убеждать. Именно таким был Юрий Александрович Иванов, он заведовал отделом электромагнитной совместимости в указанном НИИ.

Действительно, то, что он предлагал, выглядело очень заманчиво. Если на входе приемника поставить узкополосный сверхпроводящий перестраиваемый преселектор с полосой пропускания всего лишь в несколько сотен герц, то можно избавиться от большого количества помех, которые создают собственные передатчики на кораблях радиоуправления. Этот вопрос в то время не была решена ни у нас, ни за рубежом, и Фёдор решил взяться за эту проблему.

С представителем НИИ договорились, что они в ближайшее время подготовят и вышлют в адрес института техническое задание по данной проблеме. Так появилась в отделе новая перспективная тематика.

Открытие нового направления всегда связано с существенными трудностями. Поскольку кадры всегда и везде решают все, то, в первую очередь, нужно было найти кандидатуру руководителя нового направления и укомплектовать его кадрами, выделить помещения, заказать оборудование. Но решение таких организационных вопросов всегда наталкивается, прежде всего, на человеческий фактор. Большинство людей по своей натуре консерваторы, им всегда больше нравится двигаться по уже проторенной дороге, да это и понятно. Другим не хочется уступать свои производственные площади. Третий начинают думать, что может появиться конкурент, который отнимет лидерство, и так далее. Но для того и существует руководитель, который должен взвесить все за и против, обсудить вопрос с ведущими специалистами отдела и принять решение. И, коль уж решение принято, то уметь его выполнить.

Ломать уже сложившиеся группы Фёдор не стал, а пригласил человека со стороны, получив при этом хорошие отзывы о нем от своих знакомых. Первое впечатление от знакомства с Владимиром Орейничем не было положительным. Чувствовалась какая-то застенчивость и даже неуверенность, но ответы на профессиональные вопросы были грамотными. Поколебавшись немного, Фёдор решил взять его на работу, и сразу назначил руководителем группы, дав возможность самому набирать себе сотрудников. Он видел, как у Владимира загорелись глаза.

28. Крейсер «Жданов».

Трудно представить все неурядицы и трудности при постановке нового направления, да это заказчика и не интересует. Его интересует сухой остаток. Другими словами выполнено ли техническое задание. Но техническое задание на поисковую научно-исследовательскую работу иногда писалось так, что после завершения работы никто сразу не мог определить, получен ли ожидаемый результат или нет. Читатель спросит, что же это за такая работа, на которую потрачено уйму государственных денег, а результат непонятно какой.

Мы уже сказали, что однажды в институт прибыл в командировку подтянутый военный в чине полковника, звали его Юрий Александрович Иванов. Это был представитель в/ч 60130, военного НИИ, который отвечал за все связные системы в ВМФ. Он рассказал о проблемах связи в военноморском флоте и предложил взяться за разработку связной системы, дающей возможность избавиться от помех собственных передатчиков на кораблях радиоуправления. Для этого необходимо было создать перестраиваемые сверхпроводящие резонансные системы, которые осуществляли бы узкополосную селекцию сразу по входу приёмника. Проблема была не из простых, т.к. требовалась чрезвычайно точная и быстрая настройка. Проблема осложнялась ещё и тем, что необходимо было создать криогенные гелиевые криостаты, обеспечивающие работу системы на весь срок плавания. Фёдор долго не соглашался взяться за такую работу, т.к. понимал всю сложность поставленных задач. Тогда и договорились написать техническое задание на НИР с неопределённым результатом.

Сверхсекретная аппаратура предназначалась для установки на флагмане Черноморского флота крейсере «Жданов», на котором находиться все командование во время походов или боевых действий. Главной задачей флагмана является координация действий всех боевых единиц, которая осуществляется посредством радиосвязи. При этом возникают самые различные задачи. Очень часто необходимо иметь одновременную двухстороннюю (дуплексную) связь со всеми кораблями. Но это в то время было невозможно. Основная трудность заключалась в том, что при одновременном включении на корабле высокочувствительных приемников и мощных передатчиков передатчики глушили свои же приемники. Выход был только один, нужно было в несколько тысяч раз увеличить избирательность по входу приемника, не дать возможности мощному сигналу передатчика, создающему помехи, прорваться на гетеродин приемника.

Испытать созданную аппаратуру можно было только непосредственно на самом флагмане, который в то время находился в Средиземном море. То были очень трудные времена для Черноморского флота, когда корабли уходили на многие месяцы в Средиземное море и там лицом к лицу встречались с флотом США. Вот тогда то и поняли, что не только хорошее вооружение необходимо кораблям. Оказалось, что на кораблях должны обеспечиваться элементарные нормы гигиены, моряки в условиях похода должны хотя бы раз в неделю принимать душ. А для этого нужна пресная

вода, запасы которой на корабле ограничены, да и душевых тоже не было. Казалось бы, мелочь, а из-за этой мелочи корабли просто долго не могли находиться в плавании.

Возвращение в Севастополь крейсера «Жданов» ожидалось на конец апреля, и именно к этому сроку туда должна была быть доставлена сверхсекретная аппаратура, разработанная в отделе. К этому времени уже состоялась группа во главе с Владимиром Орейничем, он оказался не только прекрасным специалистом, но и хорошим организатором. Говорят, что если вы видите на трибуне человека, который не обладает высокими ораторскими способностями, не обращайтесь на это внимание, а лучше спросите, какую он получает зарплату. На то время самую высокую зарплату не только в отделе, но и в институте получала именно радиотехническая группа Орейнича.

Не будем описывать здесь все трудности доставки в Севастополь криогенных электронных систем, заправленных жидким гелием, оставим этот вопрос на суд специалистов. Но, так или иначе, к назначенному сроку указанное оборудование ждало прибытия флагмана в Севастопле. И Фёдор, и его сотрудники никогда не бывали на военных кораблях, тем более, на таких, и все с нетерпением ждали его прибытия. В военном флоте существует правило, что только очень ограниченный круг командования знает время ухода в поход и время возвращения корабля или подводной лодки. Делается это в целях секретности. Уходя утром на службу, морской офицер не знает, вернется ли он домой сегодня, или через пол года.

Прождали крейсер целую неделю, а его все не было. Погода была холодная, купаться было рано, от непривычной скуки спасала только канистра спирпа, которую случайно захватили с собой. Фёдор сильно простудился. Кашель и высокая температура донимали его. Пробовали его лечить спиртом, но и это не помогало. Наконец, он пошел в больницу и врач назначил ему антибиотики и банки. Это приносило облегчение, но не надолго. Каждый день он ходил в поликлинику.

Прошло еще несколько дней и, наконец, проснувшись утром и выйдя на набережную, все увидели вдали приближающийся военный корабль. Крейсер приближался и приближался, наконец, он начал медленно разворачиваться и стал на рейде на якорь. Да, такого красавца ребята еще никогда не видели. Длина его составляла около трехсот метров, три пушки главного калибра, расположенные в башне, грозно смотрели в море. Вдоль борта были расположены бортовые пушки меньшего калибра. Даже издали было видно большое количество различных антенн на палубных надстройках.

Два дня ушло на согласование вопросов перевозки оборудования на крейсер. К этому времени Фёдор уже начал выздоравливать, но температура еще держалась.

29. Командир БЧ-4.

Трудно было передать волнение ребят, когда с крейсера прибыл специальный катер, и моряки в белых матросских робах начали грузить оборудование. Спустя час катер отшвартовался от пристани. Фёдор трудно представлял себе, как матросы будут переносить громоздкие криостаты на борт крейсера по узкому трапу, когда катер подошел к борту крейсера. Но вопрос оказался очень простым. Башенный кран, который был смонтирован прямо на палубе, зацепил крюками троса катер и поднял его на борт со всем оборудованием и пассажирами.

В военном порту и на военных кораблях без специального разрешения фотографировать запрещено. Но, не смотря на это, Фёдор распорядился взять с собой фотоаппарат. Хотелось по прибытии показать в институте эти кадры.

На испытания прибыл и Иванов. Видно было, что он не первый раз на крейсере. Оказалось, что он хорошо знаком с командиром БЧ – 4 (так называется на кораблях служба связи), капитаном первого ранга Фищуком, которому и представил Фёдора и его сотрудников. Фищук оказался очень доброжелательным и общительным человеком.

— Ну, что ж, спасайте нас, — в шутку сказал он.

Сотрудников Фёдора и его самого разместили в каютах на юте рядом с бортовой пушкой. Тем временем Юрий Александрович получил талоны на питание в офицерской столовой, и все отправились на обед. Кормят моряков четыре раза, утром и вечером чай и хлеб с маслом, а в середине дня два обеда с перерывом между ними примерно в четыре часа. Офицеры питаются в столовой, моряков кормят бочковые. Это моряки, которые в боченках разносят еду в специально выделенные места, где моряки и питаются.

Еще одной особенностью жизни на военном корабле является то, что во всех каютах, рубках и на верхней палубе установлены громкоговорители. Все команды, распоряжения и любая другая информация передается по этим громкоговорителям, причем выключить громкоговорители нельзя.

Вечером все собрались в каюте у Фёдора, пригласили на чашку чая и командира БЧ – 4. И тут выяснилось, что Фищук очень веселый человек и хороший рассказчик. После первых 100 граммов все уже чувствовали себя как дома, и он начал рассказывать различные морские истории,

— В самом начале карьеры служить мне довелось на малом противолодочном корабле, — начал он улыбаясь. — А в то время только начинали создавать ракетные комплексы, и наш корабль определили как экспериментальный для испытания ракет типа земля – земля.

— Какая земля–земля, если вы в море стрелять должны? — перебил кто-то из слушателей.

— Ну, считайте море – море, не в этом суть. Суть в том, как эти испытания проходились. Все это было такое несовершенное, что даже до сих пор страх берет. Помню, привезли на испытание какую-то спецракету с самонаведением. Смонтировали пусковую установку, зарядили ракету, начали пускать, а она не летит. Расстелили они на палубе свои схемы и начали разбираться, в чем дело. Один говорит одно, другой другое. Спорили,

спорили, наконец, решили, что какое-то реле неисправно. Поставили новое, включили, а из реле дым идет. А ракета стояла, стояла, а потом как зоревет и ушла со станка. Тот, кто ставил реле, кричит: «Мы же реле перепутали!» — и дерг его из разъема. «Ох, черт, — кричит, — пальцы обжог!» А другой ему в ответ: «Хрен с ними, с твоими пальцами, ты в небо посмотри!» Подняли мы головы, а она разворачивается и прямо на нас. Тот, который с осмаленными пальцами как закричит: «Она же с самонаведение! Спасайтесь, кто как может!» и все за борт попрыгали. А капитан с перепуга полный вперед дал, корабль даже присел. Мы так все на палубу и попадали. А она, зараза, прямо на нас прёт. Он право руля он лево, а ей все по барабану, всеравно прёт, и по правому борту как ухнет, слава богу, что в воду. Волной чуть корабль не перевернуло, а нас всех за борт смыло. Целый час нас и ракетчиков в море вылавливали.

— Так это же байки! — расхохотался Фёдор.

— Ничего себе байки? до сих пор на левое ухо плохо слышу.

— А почему на левое? ведь ракета по правому борту ухнула.

— В том - то и дело, что когда капитан полный газ дал, так корабль так рвануло, что мы все головой к корме упали.

Все покатывались от смеха, хоть и понимали, что корабль как автомобиль с места рвануть не может. Мишук тоже смеялся от души, понимая, что перестарался.

— А то еще случай был уже на нашем крейсере. Палили както из главного калибра, от залпа крейсер на пол метра в воду садиться. А правила такие. После последнего залпа заряжающий должен доложить, что стрельба окончена и в стволах снарядов нет. Должны мы были по программе стрельб произвести три выстрела по очереди.

— А почему не сразу, ведь пушки то три?

— Э, сразу нельзя, башню сорвет, ведь калибр то 200, один только снаряд больше ста килограммов весит.

— А как же заряжающий один его зарядить может?

— В том то и дело, что имеется специальный транспортер, который снаряд со склада привозит и в пушку заряжает.

— Ну, и что же дальше?

— Так вот, произвели третий залп, заряжающий докладывает: «Стрельбу закончил, в стволе первого орудия снаряд». Но пушку заряженной оставлять нельзя, и снаряд обратно не вытащишь. Что делать, ведь по программе стрельб всего три выстрела. Думал, думал командир и дает команду: «Из первого орудия огонь и закончить стрельбу». Гахнули из первого орудия ещё раз и заряжающий опять докладывает: «Стрельбу закончил, в стволе второго орудия снаряд». Не выдержал капитан, и на весь крейсер заряжающего обматерил. Но снаряд то в стволе оставлять нельзя. Он опять: «Из второго орудия огонь и закончить стрельбу». Пальнули опять и заряжающий докладывает: «Стрельбу закончил, в стволе третьего орудия снаряд». Капитана чуть кандрашка нехватила, а тут еще радиogramма из центра: «Почему нарушаете регламент стрельб? В обстреливаемый квадрат

вошло гражданское судно». Капитан кричит боцману: «Беги в башню, я вам всем за такие дела яйца поотрываю». «А мне за что, — кричит боцман, — это командиру БЧ – 2». «И ему тоже, поотрываю!» Боцман только на палубу выскочил, а капитан ему вслед по громкоговорящей связи кричит: «Если из третьего орудия огонь будет, так я вас всех кончу »! Но заряжающий первого слова не расслышал, но четко услышал «из третьего орудия огонь.....», и пальнул третий раз.

Все покатывались от смеха.

— Так что, вы, наверное, и гражданский корабль потопили? — держась за живот, спросил Юрий Александрович.

— Чуть не подбили, корабль то болгарским оказался. Пришлось улаживать скандал по дипломатическим каналам.

— Ну, а что же дальше произошло?

— Что, что? Боцман только на палубу выскочил, а тут главный калибр гахнул, так боцмана и контузило, до сих пор заикается.

— А снаряды как в стволы попадали?

— Да транспортер был неисправен.

Мищук говорил совершенно серьезно, но было совершенно непонятно, правду он говорит или шутит.

Хохот в каюте стоял такой, что сотрясались стены. Но все все-таки решили пообщаться с боцманом на предмет заикания. Потом оказалось, что боцман действительно заикается. Так до самого отъезда и не выяснилось, действительно ли чуть болгарский корабль не подбили.

Рассказывал Мищук и очень интересные вещи о пребывании Черноморского флота в Средиземном море, где наш флот лицом к лицу встретился с американским.

— Кстати, — заметил он, — а знаете Фёдор Фёдорович, почему у Вас кровать длиннее чем у других?

Все посмотрели на кровать, и действительно она была длинее, чем остальные.

— И к чему бы это, — удивился Фёдор, — неужели и здесь испытания спецракет проводили?

— Да нет. Рост нашего министра обороны маршала Гречко под два метра, и когда он выходил на нашем крейсере инспектировать флот в Средиземном море, специально для него и удлинили кровать.

— Ничего себе, — удивился Фёдор.

— Так вот, у нас в то время авианосцев еще не было, только недавно был построен авианесущий корабль «Москва», на котором базируются самолеты с вертикальным взлетом. Представляете, примерно в километре от нас находится американский авианосец, причем наш крейсер по сравнению с ним мошка, и вот ночью начинаются учения. Несомненно, они это делали, чтобы показать нам свое превосходство, но действительно это впечатляет. Когда объявляются боевая тревога, то все огни на авианосце гаснут. И вдруг мы слышим, что с него начинают взлетать самолеты, через некоторое время мы слышим, что самолеты не только взлетают, но и садятся. И все это в кромешней тьме. Затем на самолетах включаются огни, и видно несколько

огней, приближающихся к авианосцу и несколько удаляющихся, но самого авианосца не видно. Создается впечатление, как будто самолеты просто падают в море и через некоторое время оттуда взлетают.

30. А стрельбы подождут!

На следующий день начались испытания. Нужно было провести большой объем исследований в разных режимах, с разными приемными комплексами, в разное время суток. Работать всем было не привыкать. Трудились в две смены по два человека. Через неделю уже можно было судить о первых результатах. Помехозащищенность связных систем возрастала более чем в сто раз. Приемники надежно работали во время работы собственных передатчиков. Когда об этом доложили Фисчуку, он не поверил, и сам несколько часов подряд проверял полученные результаты.

— Невероятно, — наконец сказал он, — Так что же выходит, у нас теперь будет дуплексная связь со всеми кораблями одновременно? Вот это да! Мы удивлялись их самолетам, а они теперь будут удивляться нашей связи. То-то голову поломают, как мы этого достигли! Вот теперь мы их зачешем!

— Им и в голову не придет, что здесь криогенная техника работает, — добавил Юрий Александрович.

Настроение у всех было приподнятое, и Фёдор понял, что сейчас как раз то время, чтобы попросить разрешения сделать на корабле снимки.

— Валяйте, — весело сказал Фисчук, — только на глаза капитану с фотоаппаратом не попадайтесь.

Близилось время отъезда, как вдруг, совершенно неожиданно, все услышали команду сниматься с якоря. Уже вечерело, загрели якорные цепи. Не успел крейсер сняться с якоря, как объявили учебную боевую тревогу. Это означало, что все должны задраться в своих боевых рубках, выходить оттуда до особого распоряжения запрещалось. Фёдору и его сотрудникам повезло, так как жили они на верхней палубе в каютах, двери которых не задраивались и они свободно могли наблюдать все, что происходит на корабле.

Вскоре проследовала команда навести бортовые орудия на Севастопольский маяк.

— Неужели по маяку палить будут, — подумал Фёдор.

Но по маяку палить не стали, и крейсер вышел в открытое море. Вскоре стало совсем темно, кругом ни огонька, начинался дождь, ветер усиливался. Ребята заперлись в каюте и начали обсуждать результаты испытаний. Было ясно, что у них в руках целое новое научно-техническое направление, со всеми вытекающими последствиями. Судьба улыбнулась отделу во второй раз. В канистре оставалось еще немного спирта, и его решили допить. Позвали Юрия Александровича. В это время по громкоговорителю прошла команда: «Спасательной команде построиться ют правый борт», и всем стало

интересно, что это означает. Все вышли на палубу. Темно, хоть глаза выколи, сильный ветер и идет дождь, крейсер прилично качает. Восемь моряков в спасательных желетах выстроились около палубной надстройки.

— А что им предстоит делать? — спросил кто-то у Юрия Александровича.

— Видите, вон на кронштейнах висит спасательная шлюпка, в нее и предстоит прыгать спасателям, а потом шлюпку опустят в море.

Фёдор посмотрел на кронштейны, на них на тросах качалась шлюпка, в темноте были видны только ее контуры, она висела немного ниже палубы на расстоянии около метра от борта крейсера.

— А если кто —нибудь промахнется или поскользнется, ведь скользко же?

— Если кто-нибудь промахнется, то это почти верная смерть, так как крейсер сразу не остановишь и поэтому найти человека ночью во время шторма почти невозможно. Вы ведь знаете, что родные военнослужащих иногда получают официальные письма, в которых сообщается о гибели при исполнении служебных обязанностей. Но спасательная команда это очень тренированные моряки, берут туда лучших, и они проходят специальную программу подготовки. И, как бы, в доказательство этих слов моряки начали прыгать в шлюпку. Крейсер качало, шлюпка тоже сильно качалась на тросах, но матросы как тренированные кошки бесстрашно пригали в темноту. Под сильным впечатлением от увиденного все вернулись в каюту.

— Давайте выпьем за море и за моряков, — предложил Фёдор.

Ветер крепчал, качка усиливалась, и вскоре все почувствовали, что их укачивает. И вот тут то все поняли, что во время качки нельзя употреблять спиртное. Мы не будем рассказывать, что было дальше, но к утру все чувствовали себя ужасно. Голова шла кругом, все время тошнило. Утром пришел Фишук, в утешение сказал, что все новички болеют морской болезнью, и что крейсер идет на патрулирование полегона по обеспечению ракетных стрельб.

Где-то к обеду ветер начал стихать, выглянуло солнце, ребята повеселели. Но тут, как будто громадным молотом, кто-то грохнул по стенке каюты. Все выбежали наружу. Около бортовой пушки стоял боевой расчет, а рядом на палубе валялась дымящаяся гильза от снаряда, а моряки заряжали в орудие следующий снаряд. Всем велели закрыть уши пальцами, и пушка выстрелила вторично.

Конечно, всем это все очень нравилось. Где бы еще довелось побывать на военном корабле, посмотреть, как стреляют из орудия, побывать на боевом дежурстве.

Крейсер все время двигался по периметру заданного квадрата, примерно каждые пол часа меняя курс. Где-то к концу дня вдруг все увидели, что впереди по курсу крейсера прямо в охраняемый квадрат движется гражданское судно, крейсер прибавил ход и вскоре был недалеко от нарушителя. По мощному громкоговорителю на английском языке последовало предупреждение, но судно не меняло курс. Все разглядели на

борту название судна «Wapna». Опять последовало предупреждение, и опять никакой реакции. Судно продолжало идти тем же курсом. Фёдор обратился с вопросом к Юрию Александровичу.

— Обычная история, ведь мы находимся в нейтральных водах, у капитана нет никакого желания менять курс и опаздывать в пункт назначения. В то же время он прекрасно понимает, что никто стрелять не будет, пока он находится в опасном квадрате. Думаю, что наш капитан уже сообщил в штаб о сложившейся ситуации, теперь мы будем это судно сопровождать до тех пор, пока он не выйдет из опасной зоны.

И, действительно, крейсер изменил курс и смиренно поплелся за нарушителем.

— Ну, а стрельбы как же?

— А стрельбы подождут.

31. И я уверен, если что-нибудь....!

Все с нетерпением ждали возвращения домой. Но нужно было еще отправить назад оборудование, а для этого должны были прийти грузовые машины. Пришлось немного задержаться, и это дало возможность участникам испытаний увидеть первый советский авианосец «Москва». Проснувшись утром на второй день по прибытии в Севастополь, и выйдя на палубу, все увидели громадный корабль, который стоял на рейде недалеко от крейсера. Хорошо была видна взлетная полоса, на обрубленном носу красовалась эмблема в виде орла с распростертыми крыльями. Фёдор не стал говорить другим, но ему показалось, что эмблема чем-то напоминает орел на фашистских штандартах. Эту же точку зрения в последующем подтвердил и Фищук, морякам эмблема не нравилась.

Всем очень хотелось посмотреть, как взлетают с авианосца самолеты, но такой возможности так и не представилось. Юрий Александрович объяснил, что процесс освоения любого, а тем более такого корабля, длительный, и не следует рассчитывать на то, что в ближайшее время начнутся испытания палубной авиации.

Напоследок пришлось понаблюдать и то, как моряков отпускают в увольнение. На палубе недалеко от башни главного калибра в строю стояло человек тридцать моряков. Начался осмотр, после которого в строю осталась примерно только половина, приче придирки были самые нелепые: у одного пугвицы плохо начищены, у другого ботинки плохо блестят, у третьего воротничек не белоснежный. После осмотра оставшихся заставили маршировать, и тоже еще нескольких моряков отсеяли.

— Бедные, бедные, — подумал Фёдор, — такая служба, а как в увольнение, так вон как.

И, как бы читая его мысли, Фищук сказал:

— Это еще ничего, а то бывает и всех завернут. Но как строго не отбирай, не было еще такого случая, что бы кто-то в комендатуру не попал, или выпивши не вернулся.

— Кто молодым не были, тот не хулиганил, на то и молодость, — улыбаясь, заметил Фёдор.

В институте всех встречали как победителей, и Фёдор решил еще раз нарушить режим секретности. Через день по прибытии на стене против его кабинета висел громадный фотомонтаж. Сверху по всей его длине было написано: «И я уверен, если что-нибудь, мне брося круг спасательный матросы!». А ниже висели фотографии, где на фоне главного калибра около криостатов стояли моряки в белых робах, причем видны были даже их служебные номера. Было еще множество фотографий, сделанных в радиорубках, на палубе. На одних фотографиях матросы спускали по трапам криостаты, на других выливали на палубу неизрасходованный жидкий азот, и клубы белого пара застилали палубу. Были виды Севастополя, и, конечно же, на практически всех снимках были и сотрудники отдела.

Смотреть фотомонтаж приходил весь институт. Конечно, Фёдор понимал, что это серьезное нарушение режима секретности, и, по всей вероятности, его могут наказать, но он также понимал, что это сильно поднимет авторитет отдела и его сотрудников в глазах всего института. Он ждал реакции режимных служб.

Наконец, пришел смотреть фотомонтаж заместитель директора по режиму Репка. Он долго рассматривал фотографии, и на его лице все время светилась улыбка. Затем он зашел в кабинет к Фёдору.

— Ты знаешь, я как будто на тридцать лет помолодел, я ведь тоже во время войны служил в морской пехоте. Знаешь, как моряки шли в атаку? Снимали каски и надевали бескозырки, фашисты нас черной смертью называли. Молодец, что сделал такой фотомонтаж, это для всех большая польза. Пускай все знают, что может наш институт. Ко мне уже приходили некоторые и доказывали, что ты разглашаешь секретные данные. Я им сказал, где это написано, что достижения науки не могут использоваться для целей обороны.

— Владимир Васильевич, большое вам спасибо за поддержку, я, правду сказать, долго думал — делать это или не делать.

32. Кому давали ордена?

Было совершенно ясно, что решение проблемы сверхпроводящего гироскопа упирается в одну неразрешимую проблему. Будучи в ЦНИИ Электроприбор все видели, что для создания берилиевых пустотелых шаров было создано целое производство. Но для создания гироскопа нужен был пустотелый ниобиевый шар. Ниобий хоть и не ядовит, но очень плохо обрабатывается, более того температура плавления у него почти как у вольфрама. Так что, нужно было отказываться от этой идеи? Наверное, другой бы это и сделал. Но у Фёдора была одна очень нужная для дела черта, он был упрям. И его упрямство иногда доходило до фанатизма. Все говорили ему: «Мы эту задачу не решим», а он отвечал: «Плох тот солдат, который не хочет стать генералом». Его убеждали: «Нет в Союзе технологии создания

таких сфер», а он отвечал: «Если бы была, так и вопроса бы не было». Его пугали: «Взять эту тему означает гибель для отдела», а он отвечал: «До самого последнего момента не считайте положение потерянным». Ему говорили: «Ты нас своими афоризмами задолбал», а он отвечал: «Так меня так учили».

Если чего-то очень хочется, то, оказывается, что это сделать можно, если даже все убеждены, что это сделать нельзя, нужно только очень, очень захотеть. Отделу нужна была эта тема, очень нужна. С ЦНИИ Электроприбор была заключена поисковая НИР, то есть, работа по исследованию возможности создания такого устройства. Результат такой работы мог быть и положительным и отрицательным и деньги бы все равно за нее заплатили. Но не хотелось терять попусту несколько лет работы отдела только ради денег. И Фёдор продолжал искать. Он внимательно изучал все публикации, касающиеся технологии и исследования сверхпроводящих свойств ниобиевых поверхностей. Оказалось, что далеко недостаточно изготовить только пустотелую сферу, а для получения необходимых сверхпроводящих свойств ее еще необходимо и отжечь в сверхвысоком вакууме при температуре около 2000 градусов.

У Фёдора начали опускаться руки. Но он твердил и твердил слова, которые ему часто говорил отец. И, в конце концов, где-то впереди загорелся маленький огонек. Ему встретила публикация немецких авторов из ГДР, в которой сообщалось об исследовании свойств ниобиевых поверхностей отожженных в высоком вакууме. По публикации было видно, что работа выполнена очень квалифицированно. Это вселяло надежду. Но Германия далеко, и туда добраться непросто, тем более поручить изготовление каких-то там шаров. Тем более все контакты даже с народно - демократическими республиками были совсем непростым делом. И Фёдор понял, что единственным человеком, которому по плечу решение этого вопроса, является директор.

В приемной директора всегда было полно народу, даже начальники отделов ждали приема часами, а иногда и днями, таковы были принципы командно - административной системы. Фёдор позвонил секретарю и попросил доложить директору, и уже через пол часа он сидел в его кабинете. О результатах севастопольских испытаний он ему уже докладывал, и директор был в хорошем расположении духа. Тот вопрос, который сразу задал он, ошарашил:

— Фёдор Федорович, Вы почему до сих пор не в партии?
От неожиданности Фёдор даже опешил, но сразу же нашелся.

— Я еще не готов поступать в эту организацию, — последовал ответ с явным ударением на последних двух словах, — а что это так важно?

— Очень важно, и не столько для вас, как для того коллектива, которым вы руководите, ведь дорогу дают в первую очередь членам партии. Мы недавно представляли вас к награждению орденом «Трудового красного знамени» так райком партии вашу кандидатуру не утвердил.

— Борис Еремеевич, я к вам пришел по совершенно другому вопросу, — и Фёдор начал излагать свои соображения.

Директор внимательно выслушал, и, немного подумав, сказал:

— Единственная возможность попробовать решить этот вопрос это поехать мне в ГДР.

— Борис Еремеевич, у меня к вам есть еще одна просьба. Я вам докладывал о результатах испытаний на крейсере «Жданов», и тогда вам говорил, что к осени крейсер уходит в Средиземное море на боевое дежурство, и было бы очень важно испытать аппаратуру там. Военные очень хотели бы этого.

Директор с болью и сожалением посмотрел на него.

Ох, Фёдор Фёдорович, Фёдор Фёдорович, вы же знаете, что для этого необходимо оформить разрешение на выезд в капстраны. Мы сделали все возможное и невозможное, чтобы получить для Вас такое разрешение, но они боятся, что вы где — нибудь там можете из илюминатора выпрыгнуть, — и директор с укором посмотрел на Фёдора, а потом сказал. — Запомните, любое серьезное дело не обходится без разумных компромиссов.

Выходил Фёдор из кабинета директора с тяжелым сердцем и с тяжелыми мыслями: «Сколько же теряла и теряет эта многострадальная страна от того, что не доверяет своим гражданам».

33. ГДР.

Прошел месяц. Фёдора вызвали к директору.

— Фёдор Фёдорович, через несколько дней я уезжаю в ГДР, подготовьте мне, пожалуйста, всю имеющуюся у вас информацию по поводу технологии обработки ниобия.

Да, директор был человеком дела, и Фёдор понимал, что дело сдвинется с мертвой точки.

Поездка директора оказалась очень результативной, действительно в АН ГДР уже давно велись исследования по изучению свойств и методов обработки ниобия. Правда, Фёдор никак не мог понять, почему в таком маленьком государстве занимаются такими, казалось бы, экзотическими исследованиями. Но факт оставался фактом, и уже через месяц Фёдор летел в Берлин, а еще через сутки он уже был в Дрездене.

ГДР поражала своей чистотой, магазинами и дисциплинированностью пешеходов. Даже в телефонных будках лежали телефонные книги и никто их не воровал. Ему не раз приходилось наблюдать удивительную картину. Для пешеходов горит красный свет, на проезжей части нет ни единой машины, но все пешеходы стоят и ждут. Такое поведение пешеходов ему было абсолютно непонятно, и он однажды попытался нарушить это правило, но ему тут же сделали замечание сами пешеходы. И тут он вспомнил рассказы отца о немецкой аккуратности. Вспомнил он и рассказ одного из сотрудников отдела, который в свое время участвовал в боевых действиях на территории фашистской Германии.

— Представляете, — говорил он, — только прошла передовая, выезжает на телеге из леса на асфальтированную дорогу немец. Колеса у телеги естественно грязные, сзади висит ведро с водой. Телега останавливается, с нее слезит извозчик и начинает мыть колеса.

Эту аккуратность Фёдор в Германии наблюдал во всем, начиная с общественных туалетов, и кончая соблюдением распорядка рабочего времени. Русские и живут и работают импульсивно, нужно работать день и ночь, значит будут работать, нужно пить день и ночь, значить будут пить. У немцев же все разложено по полочкам, никому и в голову не придет задержаться на работе, а, тем более, отмечать на работе праздники. Однажды ему довелось увидеть такую картину, было это в Потсдаме. Идя по тротуару, он вдруг увидел, что значительная его часть устлана совершенно новыми обоями. Не понимая в чем дело, он начал оглядываться по сторонам, но, только подняв голову вверх, понял, в чем дело. На втором этаже немец красил окна, и чтобы не збрызгать тротуар краской, устлал его новыми обоями. Заметил Фёдор и еще одну особенность, практическое отсутствие заборов. За тротуаром сразу начинается палисадник, а за палисадником стоит дом. Заметил он и то, что в воскресный день практически никто не отдыхает и все занимаются какими-нибудь работами по дому или во дворах.

Но основная задача, которую было необходимо решить, заключалась в понимании того, смогут ли немцы взяться за решения столь необычной задачи. Технологические возможности, которыми они располагали, его приятно удивили. Начались переговоры, и здесь тоже был не очень привычный для Фёдора подход. Все технические детали сотрудничества выяснялись до мельчайших подробностей, начиная от целей исследования, до возможностей совместных публикаций результатов исследований. Переговоры длились почти неделю, но зато после их окончания у него почти не оставалось сомнения в том, что ниобею сферу немцы сделают. Это была большая победа. К тому же они искренне верили в то, что сфера будет использована для создания гравиметра. Удалось также договориться о том, что до окончательных испытаний гравиметра результаты совместных исследований публиковаться не будут. Это их очень удивляло, но Фёдор был непреклонен, и им пришлось согласиться.

Ответственными исполнителями по теме были с немецкой стороны назначены Геральд Андерлайн и Александр Гладун. Это были образованные специалисты, Геральд до этого уже несколько лет стажировался в Союзе в Дубне и хорошо знал русский язык. Александр, несмотря на свою русскую фамилию, языка не знал. Оба они были примерно такого же возраста, как и Фёдор, и уже перед самым отъездом пригласили его в ресторан. И здесь он тоже почувствовал немецкую специфику, все было очень скромно, пили только пиво, а из ресторана он вышел практически голодным. Ну и ну, подумал он, у нас так не угощают.

34. ОВИР.

Детективные истории, связанные с КГБ, к сожалению, для Фёдора не закончились. В любой крупной режимной организации в то время в обязательном порядке работали и представители КГБ. Были они и в институте. Что можно было сказать о них. Это были образованные люди, они быстро и легко находили общий язык с теми, кто им был нужен, и несмотря на прошлые не очень положительные результаты взаимодействия с Фёдором, о которых они конечно знали, относились к нему очень дружелюбно. И вот на этом дружелюбии Фёдор однажды и попался.

Окна его кабинета выходили к садам садового товарищества, и из них весной открывался замечательный вид на цветущие сады. В то время главным инженером отдела был сотрудник, которого Фёдор взял по рекомендации заместителя Веркина, фамилия его была Сокольский, и Фёдору всегда казалось, что он представлен к нему в качестве информатора, который информировал дирекцию о происходящем в отделе. Так это было, или нет трудно сказать, но ему так казалось.

И вот в один прекрасный день к Фёдору в гости пришел Игорь Васильевич Мычак, сотрудник выше упомянутой службы, и стал говорить, что сейчас разрабатывается аппаратура для наблюдения за удаленными объектами и им нужно ее испытать.

— Но в чем вопрос? — спросил Фёдор.

Он объяснил, что вид из его окна дает возможность очень хорошо это сделать и далее последовало очень длинное объяснение почему это так. Далее Фёдору было сказано, что аппаратура секретная, потому и выбран в качестве места установки его кабинет. Он не очень хорошо понял, какие именно задачи будут решаться при помощи этой аппаратуры, но много и не спрашивал, так как сам имел дело с секретными разработками, и знал, что всегда существует легенда прикрытия, которую, может быть, ему и излагают. Сотрудник попросил дать им возможность установить аппаратуру в его отсутствие, и Фёдор, уходя на перерыв, оставил ему ключи от своего кабинета. Его также попросили, чтобы о факте установки аппаратуры никто не знал.

Не успел Фёдор прийти на перерыв, как раздался телефонный звонок. Позвонил Сокольский и сообщал, что в его кабинет вошли неизвестные люди. Фёдор сказал ему, что он об этом знает.

Вернувшись с перерыва, то обнаружил, что за его книжным шкафом на присосках спрятан плоский ящик, от которого к телефонной линии идут коаксиальные кабели. Фёдору сразу это не понравилось, так как наличие коаксиальных кабелей указывало на то, что это какая-то широкополосная радиоаппаратура. Но деваться было некуда, и вскоре о непонятной системе он забыл.

Но каково же было его удивление, когда на одном из заседаний Учёного совета слово для информации попросил уже известный нам сотрудник КГБ. Он сказал, что ему доподлинно известно, что в институте в отделах ведутся антисоветские разговоры, и что он очень просит дирекцию предпринять соответствующие меры.

И тут Фёдор все понял, в его кабинете стоит широкополосная подслушивающая система, которая прослушивает через телефонные аппараты помещения института. Сообщение взбудоражило весь институт, а главный инженер, однажды зайдя в кабинет, заглянул за шкаф.

Фёдор понял, что сам того не желая, стал глобальным осведомителем. Нужно было срочно принимать какое - то меры. Но какие, тем более его еще и предупредили, что бы он ни в коем случае не выключал прибор из сети и никому ничего не рассказывал.

Фёдор не устал думать об этом, и всё-таки решил рассказать об этом директору. Но, где это сделать, ведь если прослушиваются телефонная сеть, то уж кабинет директора точно прослушивается, так как именно оттуда может поступать наиболее ценная информация.

Но такой случай вскоре представился. Позвонила секретарь и сказала, что директор едет в Москву и просит его поехать с ним. Фёдор еще некоторое время колебался, так как понимал, чем рискует, но, все - таки, наконец, решился. Директор внимательно выслушал Фёдора и задумался.

— Об этом разговоре никому не рассказывайте, я сам предприниму необходимые меры.

Директор уехал, а он еще на несколько дней задержался в Москве, но когда вернулся и заглянул за шкаф, то обнаружил, что ящика там нет. Но через очень короткое время в кабинете раздался телефонный звонок. Звонил Мычак.

— Фёдор Федорович, вы кому - нибудь рассказывали о том, что в вашем кабинете мы установили аппаратуру? — последовал прямой вопрос. Нужен был мгновенный ответ.

— А что, об этом кто - то узнал?

— Да, Веркин.

— Вы сами виноваты в этом, когда в свое время вы вошли в мой кабинет, то это видел мой главный инженер Сокольский, и он сразу же позвонил мне об этом по телефону, а потом заглядывал и за мой шкаф. Все знают, что он в очень близких отношениях с дирекцией. А тут еще ваше выступление.

Ответа не было, Фёдор слышал еще некоторое время как на другом конце собеседник дышит в трубку, а затем пошли длинные гудки, и он понял, что сражение выиграл, так как прекрасно понимал, что никто его главного инженера по этому поводу спрашивать не будет.

И опять о провидении! Так есть ли оно, все таки, или его нет?

Казалось бы хватит этих почти детективных историй, так нет же, Фёдору еще дважды приходилось иметь дело с Мычаком, и однажды по очень серьезному вопросу.

Поскольку Фёдору часто приходилось бывать в ГДР, то ему очень хотелось повезти туда и Галину. В то время это было практически невозможно, но он все-таки попытался это сделать. В один из приездов он попросил Геральда и Александра, чтобы они прислали ей личное приглашение. В ГДР тоже действовали жесткие ограничения на посещения

страны иностранцами, но к удивлению такое приглашение пришло. Контроль за выездом за границу осуществляли районный и обласной ОВИР. Чтобы оформить загранпаспорт, нужно было пройти эти две инстанции. Уже на первом этапе произошел сбой, в выдаче паспорта было отказано.

Тогда Фёдор вспомнил о своих связях с такой могучей организацией, и позвонил Мычаку.

— Игорь Васильевич, у меня к вам есть просьба. Мы всегда с вами находили общий язык, я даже вам когда-то помогал.

— Да уж помогли, ничего не скажешь.

— Игорь Васильевич, да что старое ворошить, ведь вы же нормальный, приличный человек, да и просьба у меня не сложная. Помогите мне, пожалуйста, протолкнуть через ОВИР разрешение на выезд вместе со мной в ГДР моей супруги. Приглашение из ГДР у меня имеется.

— Но ведь я никакого отношения к ОВИР не имею.

— Игорь Васильевич, да вы же там все друг друга знаете.

— Фёдор Федорович, ничего определенного обещать вам не могу.

На этом разговор закончился, но через неделю позвонили из районного ОВИР-а и сказали, что разрешение на выезд имеется. Оставалось пройти областной ОВИР. Но все попытки сделать это окончились безрезультатно. Не хотело государство общения своих граждан с гражданами даже демократически республик.

35. Я угощу сегодня по-русски!

Сотрудничество с АН ГДР было рассчитано на пять лет и шло точно в соответствии с достигнутыми договоренностями, немцы точно в срок выполняли свои обязательства, отдел Фёдора тоже не отставал, почти половина отдела работало на этой теме. Через пол года он снова был командирован в ГДР. Для граждан, едущих в командировку за границу, были установлены четкие правила, об их соблюдении отъезжающих всегда информировали. С собой разрешалось брать три бутылки водки, не разрешалось брать советские деньги, и конечно предупреждали о необходимости достойного поведения за рубежом.

Фёдор взял с собой три бутылки пшеничной водки по 0,7. Поселили его на этот раз не в гостинице, а в частном секторе. Практика такая существовала и в дальнейшем, и это было гораздо удобнее, так как предоставлялась отдельная комната, выделялась отдельная ванная, можно было пользоваться кухней. В первый же день пребывания к концу рабочего дня Геральд и Александр сказали ему, что приглашают его в ресторан.

— Нет, ребята, я вас сегодня хочу угостить по-русски, приезжайте ко мне сегодня вечером на квартиру.

Фёдор отправился в гастроном и купил закуску, кстати гастрономы тоже поражали, одних только сортов колбасы в продаже можно было насчитать штук двадцать, а может быть и больше.

Приехали Геральд и Александр на машине, и были приятно удивлены тем, что увидели. В комнате стоял накрытый стол. Выпили по рюмке за дружбу, затем за сотрудничество, затем Где-то к одиннадцати часам в последней бутылке оставалось не больше половины. Немцы уже и лыка не вязали. Александр оказался покрепче, но о том, чтобы вести машину не могло быть и речи. Геральд жил за городом и все вместе решили проводить его на автовокзал. Фёдор плохо знал Дрезден, и когда начал возвращаться обратно, никак не мог понять, куда идти, языка он тоже не знал. С большим трудом уже глубокой ночью он добрался домой.

Рабочий день в организации начинался в семь утра. Фёдор и Александр приехали на работу вовремя, Геральда не было. Явился он только к обеду. Видно было по всему, что чувствует он себя плохо.

— Сел я вчера в автобус, чувствую мне плохо. Пришлось выйти. Но потом автобусов больше не было, и мне пришлось идти пешком.

Долго еще вспоминали и Александр, и Геральд угощение по русски, и всегда очень смеялись.

Фёдор много раз бывал в ГДР, и однажды ему пришлось наблюдать следующую картину. Жил он в гостинице «Астория», и приехала из Союза туристическая группа. Что там было. Многие напились до невменяемости, шум и гам стоял в гостинице до утра. Вот что значит выпустить нашего брата на волю. Вот что значит долго не выпускать пар из котла, может и взорваться.

Сотрудничество с ГДР длилось почти шесть лет. За это время все ведущие сотрудники отдела побывали в ГДР, ездили и по одиночке, ездили и группами, но последняя поездка запомнилась больше всех. У Демьяна Бедного есть не совсем приличное стихотворе, которое заканчивается словами: «Русский ум изобретет, и назло Европе, самогонка потечет прямо в рот из жопы». В конце концов, додумались до того, что вмесо бутылок с водкой брали с собой бутылки со спиртом, особенно, когда ехали на две три недели. Было понятно, что Союз вот вот рухнет, Фёдор понимал, что летит они в ГДР последний раз и летел он туда с ближайшими соратниками. Настроение било отвратительное. На троих в портфелях было девять бутылок спирта по 0,7. Места им достались в конце салона. Обслуживание на международных линиях было приличным, всегда можно было заказать не только напитки, но и пиво. Добавили в пиво немного, выпили, стало веселей, добавили еще. Начали оборачиваться впереди сидящие соседи. Мы уже рассказывали о событиях в гостинице «Астория», оказалось, что в самолете летит туристическая группа. Все начали друг друга угощать. Когда подлетали к Шенефельду девяти бутылок спирта уже не было, а весь самолет дружно пел поистенне патриотическую песню «Расцветали яблони и груши».

Чем же закончилось сотрудничество с немцами, на которое были потрачены громадные средства, и в течение почти шести лет, непокладая рук, трудилась половина отдела. А ничем не закончилось, его постигла та же участь, что и весь Советский Союз. С развалом Союза закончилось

финансирование оборонных работ, вот и все. В связи с известными обстоятельствами по данной теме не было опубликовано ни одной работы, хотя по другим направлениям было опубликовано большое количество работ.

Так что же, все впустую? Да, но не совсем, как и в любом деле, всегда находятся ловкачи, которые умеют даже из таких ситуаций извлекать пользу. Как говорить «Кому война, а кому мать родна». Но об этом мы расскажем несколько позже.

36. Заместитель директора СКТБ.

Но вернемся опять на грешную землю, и сдвинемся по времени немного назад. Фёдор защитил докторскую диссертацию и стал доктором наук. Дела в отделе шли хорошо, были перспективная тематика, было много, очень много денег. Но отдел не сбавлял обороты.

Как-то утром, он уже собирался идти на работу, раздался звонок. Трубку взяла Галина и немного растерянным голосом сказала: «Тебя спрашивает директор». Фёдор, совершенно не понимая, что бы это могло означать, взял трубку.

— Фёдор Федорович, вы могли бы прийти ко мне к десяти часам.

— А можно поинтересоваться по какому вопросу?

— Приходите и узнаете.

Фёдор с нетерпением ждал назначенного времени, теряясь в догадках, к чему бы это. Ровно в назначенное время он зашел в приемную.

— Заходите, — вежливо сказала секретарь.

В кабинете никого не было и видно было, что директор в хорошем расположении духа.

— Вчера на дирекции мы обсуждали кандидатуру заместителя директора СКТБ по начной работе и все пришли к единодушному мнению, что вы являетесь наиболее подходящей кандидатурой, и я прошу вас принять это предложение.

Сказанное для Фёдра было как гром среди ясного неба.

— Но я абсолютно не готов к ответу на этот вопрос, для меня это полная неожиданность.

— А я и не прошу от вас мгновенного ответа, даю вам неделю на обдумывание, но повторяю, что мне очень хотелось бы, чтобы ответ был положительным.

Да непростую задачу поставил перед ним директор. В СКТБ в то время уже насчитывалось около полутары тысячи человек, СКТБ полностью загружало заказами опытное производство численностью около семисот человек. Исследования велись по семи крупным направлениям, работало несколько проблемных советов, было патентное бюро, своя издательская группа. В СКТБ кроме него уже было семь докторов наук и около сорока кандидатов. Браться за руководство такой машиной было непростым делом.

Но, перебрав все возможные варианты, Фёдор и сам пришел к выводу, что его кандидатура является оптимальной. Он пользовался уважением среди руководителей отделов, он был прилично подкован теоретически, хорошо понимал прикладные аспекты деятельности, имел обширные связи с военными. Конечно, в такой ситуации нагрузка возрастала многократно, но работать ему было не привыкать. В назначенный день он пришел к директору и дал согласие.

Фёдора не был человеком, который долго раскачивается, он сразу взялся за текущую работу, которой было предостаточно. Первым делом он наладил контроль исполнения принимаемых решений, по каждому решению обязательно назначалось ответственное лицо, контролирующее его исполнение. Он внимательно изучил положение дел по каждому направлению деятельности СКТБ и совместно определил ближайшие задачи и перспективы с руководителями направлений. И опять в течение почти полугода раньше десяти часов вечера он домой не приходил. Увеличилось число командировок. Все это тяжелым бременем легло на плечи Галины. Двое детей, работа, муж, которого никогда нет дома. В конце концов, решили, что ей придется временно оставить работу.

Веркин умел грузить людей, у него всегда действовал принцип, кто тянет, того и грузят. Через пол года у Фёдора было уже более двадцати служебных нагрузок. Было нелегко, но он всё успевал, директор был им доволен.

Как-то после очередного совещания директор попросил Фёдора остаться.

— Фёдор Федорович, я хотел бы вернуться к вопросу о ваше членстве в партии, я думаю, что вы очень правильно сделаете, если положительно решите этот вопрос. Фёдор спорить не стал.

После прохождения всех формальностей и кандидатского стажа был назначен день его приёма в партию. Секретарь райкома, машинально пролистав дело, вдруг нахмурился и гляде в упор сурово спросил:

— Так что, ваш отец на немцев работал?

Фёдор нагло посмотрел ему в глаза:

— Да, работал, но не каждого за такую работу правительственными наградами награждали.

Вопросов к нему больше не было.

37. Сплошные воронки.

Пьянство засасывало страну. Пили дома и не дома, пили на работе и после работы, пили в гостях и в подъездах, пили кругом. Как-то Фёдору довелось выехать из Москвы где-то в районе шести часов вечера, было еще светло, осенне солнце склонялось к горизонту, на предприятиях закончился рабочий день. Делать было нечего и он смотрел в окно вагона на пробегающие мимо строения. Справа по ходу поезда показалась лесополоса,

за которой виднелись заводские корпуса. И что удивительно, вдоль нее буквально через каждые пятнадцать-двадцать метров стояли группы мужчин по два три человека и выпивали. Лесополоса оказалась довольно длинной, а группы все стояли и стояли и им не было видно конца.

— Да, страна спивается, — подумал Фёдор, и сам себе ответил, — А, разве у нас в институте по другому?

Наступали горбачевские времена. Смутные надежды и смутные ожидания виделись где-то впереди. Но даже невооруженным глазом было видно, что Горбачев не сильный политик, тем более лидер. Всем было понятно, что его мнение часто формирует жена, а это людям не нравилось. Зато запад быстро понял, что это именно тот политик, который им нужен. Действия Горбачева по демократизации строя очень напоминали действия Хрущева, они были импульсивны и непоследовательны. Ярким примером таких действий была борьба с алкоголизмом. Не обошла эта компания и институт.

Защита докторской диссертации даже в таком большом институте всегда была событием. И надо же было такому случиться, что одна из таких защит совпала по времени с началом борьбы с алкоголизмом. В институте уже висело объявление о закрытом партийном собрании, правда о повестке дня никто не знал. Все терялись в догадках по поводу повестки дня.

В это время секретарь партийной организации института Швец берет директорскую машину и в компании троих человек едет на вылазку с диссертантом Пересадой, который накануне защитил докторскую диссертацию.

Вернулись они к концу дня, будучи хорошо выпивши, немного опоздав к началу собрание. В президиуме уже сидела вся дирекция, а также представитель обкома партии, когда в зал, чуть пошатываясь вошел секретарь и направился в президиум. Ничего не подозревая представитель обкома партии открыл собрание. В его вступительном слове говорилось о вреде, который приносит стране алкоголизм, что партия должна объявить войну этому злу. Далее он сказал, что ЦК КПСС приняла по этому вопросу специальное постановление, которое и попросил прочитать секретаря партийной организации института Швеца. Тот взял письмо и пошел к трибуне, и когда он начал читать, все увидели, что он абсолютно пьян. Он заикался, пропускал строчки, в зале многие не могли удержаться от смеха. Большой позор трудно было себе представить.

Для него все это закончилось очень плохо, его исключили из партии и выгнали с работы. Директор отделался строгим выговором.

Не прошло и месяца, как секретарь партийной организации Опытного производства в пьяном виде изнасиловал секретаршу своего директора. Оргвыводы последовали незамедлительно. Секретаря исключили из партии и выгнали с работы, уволили и директора Опытного производства.

— Что за напасть, — жаловался Веркин, ведь в одну и ту же воронку два снаряда попасть не могут, а тут тебе на.

Прошло еще два месяца, ударили ранние морозы, в поле неубранной осталась сахарная свекла, и все организации города бросили на уборку урожая. Поехал в поле со своим отделом и Фёдор. Что такое уборка вмерзшей в землю сахарной свеклы знает только тот, кто ее убирал. И надо же было такому случиться, что как раз на этот день было назначено партийное собрание по итогам работы института в зеленом цехе (так назывались работы, которые институт выполнял в подшефных колхозах).

Борьба с алкоголизмом борьбой, а холод в поле холодом. Грелись несколько раз, и к концу дня все были прилично тёплые. Благо на поле был с машиной главный инженер отдела и он повез Фёдора и еще трех сотрудников домой. Уже подъезжая к дому он вспомнил о партсобрании.

— Совсем забыл, сегодня же партсобрание, — спохватился Фёдор. — Заедем домой, предупреджу жену, и отвези меня, пожалуйста, в институт.

— А, может, не нодо? — предостерегающе спросил тот.

— Да я только посижу для приличия.

Когда Галина увидела Фёдора, то всячески пыталась его отговорить ехать на собрание, но он ее не послушал.

Собрание уже началось, и Фёдор сел в последнем ряду и начал слушать. В президиуме он увидел незнакомого человека. Доклад от института закончился, и слово взял незнакомец, это был представитель райкома партии, а обычно такие представители приезжали не с добрыми намерениями. И, действительно, он начал ругать и дирекцию, и партийную организацию за плохую работу в колхозе. И тут в Фёдоре разыграл патриотизм.

Когда докладчик закончил, на вопрос, кто хочет выступить, Фёдор поднял руку.

— Пожалуйста, Фёдор Федорович, сказал председательствующий.

Фёдор встал и пошатываясь пошел к трибуне. Он умел хорошо говорить с трибуны, так как часто по долгу службы выступал на собраниях, никогда при этом не лил воду и его всегда внимательно слушали. Когда он пошатываясь начал подниматься на трибуну, зал зааплодировал. Начал он с того, что показал всем грязные руки и сказал, что сам только с поля. Зажигать публику он умел. Далее последовал рассказ о том, как самоотверженно все работали на поле, но, несмотря на это он считает, что тратить время ученых на уборку урожая крайне непроизводительно. И закончил он тем, что посоветовал представителю райкома, прежде, чем критиковать, самому побывать на полях и посмотреть, что там творится. После этих слов зал взорвался аплодисментами. Хлопали все время пока он шел на свое место. Посмотрев опять на сцену, Фёдор увидел, что представитель райкома что-то доказывает директору, тыча в его сторону пальцем.

Когда председательствующий объявил, что собрание закрыто, Фёдор быстро встал, не оглядываясь вышел из зала и быстро направился к выходу.

На следующий день, когда он пришел на работу, позвонила секретарь и сказала, что его вызывает директор. Когда Фёдор зашел в кабинет, его встретил улыбающийся директор.

— Спасибо, Фёдор Федорович, что хоть вы выступили в защиту института, а то привыкли все учить, — а потом хитровато посмотрел на него и добавил. — А не кажется ли вам, что бывают случаи, когда снаряд и в третий раз в одну и ту же воронку попадает.

Понимая, что у сверхпроводникового приборостроения большое будущее, Фёдор начал создавать новые профильные отделы и подразделения их обслуживающие. Такие отделы были созданы Михаилу Четаеву, Николаю Иванову и Вадиму Павлюку. Решение технологических проблем было поручено вновь созданным лабораториям, которые возглавили Борис Александров и Игорь Бондаренко. Но на создание таких отделов требовались деньги и не малые. На начальной стадии становления, особенно технологических подразделений, их финансирование легло на плечи 67 отдела. Помогли и те связи, которые были у Фёдора со многими почтовыми ящиками и военными частями. Когда нужно было создавать отдел Павлюку, Фёдор повёз его в командировку в Омск на предприятие, которое изготавливало связную аппаратуру для флота и прямо сказал директору, что ему нужен миллион. Ответ был незамедлительный, миллион, так миллион, пишите ТЗ. Вот так решались в то время вопросы, когда заказчики доверяли.

Объёмы хоздоговорных работ неуклонно росли и не только в 67 отделе. Всем было ясно, что для их выполнения уже недостаточно того опытного производства, которое было у института, нужен был свой опытный завод. И вот эту практически неподъёмную задачу и поставил Веркин перед руководством института. Неподъёмной она была потому, что у Украинской академии просто не было денег на такое мероприятие. Был только один путь добиться решения Совета Министров СССР, в то время его председателем был Косыгин. Нужно было попасть к нему на приём. Но даже украинскому академику, которым был Веркин, было совсем непросто попасть на приём к такому высокопоставленному функционеру. Опять помог Королёв. Он написал ходатайственное письмо на его имя.

Когда Веркин изложил суть проблемы, Косыгин немного подумал и сказал, что даже он не может решить этот вопрос, т.к. подобных прецедентов, чтобы строились целевым образом академическим институтам заводы, как он информирован, не было. А потом в шутку добавил:

— Вот если вы такой прецедент мне разыщите, будет вам завод.

И всё-таки подобный прецедент нашёлся. Ещё во времена атомной эпопеи по распоряжению Берия был построен опытный завод для Ленинградского физтеха и Косыгин дал распоряжение готовить постановление. В Совете Министров институту была выделена специальная комната, которая и стала своего рода штабом. Вышло Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС, вскоре началось в районном центре Валки Харьковской области строительство завода и уже через три года он начал выпускать продукцию. Так в советское время решались такие непростые

задачи. И не все правы, ругая по чьему свет стоит командно-административную систему Союза. Были в ней и положительные качества.

38. Калугин.

Но мало-помалу отношения с директором начали портиться. У директора был особый стиль руководства, говорили, что он сначала смешает человека с дерьмом, а потом начинает с ним взаимодействовать. Директор сделал Фёдору очень много хорошего, более того, на него лично, за исключением первого знакомства, он никогда в жизни голос не повышал. Но Фёдору приходилось участвовать в самых различных совещаниях, когда Веркин унижал и оскорблял людей, и особенно это относилось к руководству СКТБ. От этого руководства он требовал беспрекословного подчинения. В какой-то мере это можно было объяснить. В то время в институте уже насчитывалось около четырех тысяч сотрудников, причем бюджетным финансированием было обеспечено только семьсот человек. Все вспомогательные службы, включая административно-хозяйственные подразделения, спортивный лагерь, вычислительный центр, висели на балансе СКТБ. Кроме этого СКТБ было обязано обеспечивать заказами опытное производство и опытный завод. Все это тяжким бременем лежало на СКТБ. Руководство СКТБ это хорошо понимало, но никто кроме Фёдора этот вопрос поставить не мог, просто все боялись. И однажды Фёдор этот вопрос перед директором поставил, предлагая хоть какую-то часть накладных расходов переложить на бюджет. Ответ был резкий.

—Вы отвечаете за научную деятельность СКТБ, вопросы финансирования находятся не в вашей компетенции.

С тех пор кошка пробежала между ними. Веркин хорошо зная характер Фёдора, прекрасно понимал, что этот вопрос он не оставит, и начал постепенно отстранять его от руководства СКТБ. Фёдор прекрасно видел это, но очень то и не переживал. Административная работа ему не нравилась, и его вполне устраивало только руководство отделом.

С таким дискриминационным подходом к СКТБ был не согласен и Калугин, который нес ответственность за работу хозрасчетных подразделений в системе Украинской Академии наук. В его очередной приезд в институт Веркин решил и его поставить на свое место, и собрав всех начальников отделов и руководство СКТБ, в его присутствии начал распекал всех за плохую работу. Но для всех присутствующих это указывало и на плохую работу Калугина. Это было уже слишком. Фёдор видел, как неловко себя чувствовал гость, когда его, хотя и косвенно, при всех вычитывал директор. Понимал Фёдор и то, что ни у кого не хватит смелости встать и возразить директору. Когда Веркин закончил говорить он взял слово. Убеждать он умел, тем более фактов, что СКТБ хорошо работает

было предостаточно. После этого выступления Фёдор понял, что в руководстве СКТБ ему больше не бывать.

39. Квартирные страсти.

Но вернёмся ещё на два года назад. За время существования института, вблизи него было построено большое количество жилых домов, которые так и называли хутором Веркина. В то время Фёдор уже получил двухкомнатную квартиру но не на хуторе Веркина, а за счёт квоты, выделяемой институту городом. Это была прекрасная двухкомнатная квартира по проспекту Ленина в так называемой китайской стене. Дом так называли за его большую длину. На квартирный фонд, который строился на средства Академии распространялось правило, заключающееся в том, что все освобождаемые квартиры в нём опять получали сотрудники института. На те же квартиры, которые выделялись институту из городского фонда, такое правило не распространялось. Строился очередной дом, и поскольку Фёдор знимал уже очень высокую должность, дирекция решила выделить ему трёхкомнатную квартиру в очередном доме. Вопрос был непростой, т.к. в жилищной очереди он не состоял. После долгих согласований с районными властями жилищная комиссия Дзержинского района дала согласие на выделение такой квартиры. Но при такой комбинации институт по сути дела терял две квартиры, одну, которую получал Фёдор, а другую, которую он освобождал, т.к. она отходила городу. И директор СКТБ Медведев попросил Фёдора фиктивно обменяться своей квартирой с начальником отдела Ильичёвым, который жил на хуторе Веркина, что Фёдор и сделал. Но в самый последний момент, когда уже нужно было выписывать ордер, всю жилищную комиссию, с которой были достигнуты указанные договорённости, переизбрали, а новая комиссия на такой шаг не решилась. И Фёдор остался у разбитого корыта в всячем положении в своей но не своей квартире.

Заканчивалась целая эпоха и в жизни Союза и в жизни советской науки. Видно было что государство уже не может тянуть такие громадные расходы на оборону, многие программы или сильно урезались, или вообще закрывались. Институт строил последний жилой дом. Фёдор прекрасно понимал, что если не получит квартиру в этом доме, то не получит ее уже никогда. Он обратился с этим вопросом к директору, но тот особого энтузиазма не проявил. Сказал лишь, что если Фёдор будет добиваться такого решения, то он будет всячески помогать. Но это была по сути дела вежливая отговорка. Тогда Фёдор решил обратиться за помощью к Калугину так как знал, что он пользуется расположением у Патона. Он позвонил ему по телефону, и тот ответ, который услышал Фёдор был для него полной неожиданностью.

— Фёдор Федорович, я вам очень признателен и у вас в долгу за ваше выступление на собрании руководства СКТБ в кабинете Веркина. Представляете в какое неудобное положение поставил меня ваш директор, ведь своими действиями он хотел тогда показать, что это его вотчина, в которую никому нельзя вмешиваться. Все что от меня зависит я сделаю. Напишите, пожалуйста соответствующее письмо в адрес Патона и дайте мне его исходящий.

Фёдору представлялась возможность помочь не только себе. Он составил письмо и включил в него еще троих. Один из них, Валентин Вакуленко, был начальником отдела СКТБ, второй, Игорь Свечкарёв, руководил отделом в физмат секторе (так собственно называлось бюджетное подразделение института). Это были его хорошие знакомые и друзья. Включил он в письмо и директора СКТБ Михальченко. Тот жил в трёхкомнатной квартире на хуторе Веркина с двумя взрослым сыновьями, один из которых был женат. Веркин внимательно прочел письмо, пожал плечами и подписал. Фёдор отдал письмо в канцелярию и сразу же позвонил Калугину, дав ему исходящий.

— Позвоните мне, пжалуйста, через неделю, последовал ответ.

Когда через неделю Фёдор снова позвонил ему, тот сообщил, что Патон дал поручение управляющему делами академии Пузику обратиться в Совет Министров Украины с соответствующей просьбой. На вопрос о том, какова вероятность положительного решения, Калугин ответил что стопроцентная.

Через месяц институт получил решение Совета Министров о внеочередном выделении квартир четырем сотрудникам института. В практике института такого еще не бывало. Когда Фёдор принес письмо директору, он долго его читал, и растерянность была написана на его лице.

— Как вам это удалось, — наконец спросил он.

— Не имей сто рублей, а имей сто друзей, — улыбаясь ответил Фёдор. Через месяц он получил ключи от четырехкомнатной квартиры.

Готовя письмо о внеочередном получении жилья, Фёдор прекрасно понимал, что даже в случае положительного решения никто из очередников не должен остаться без квартиры. Поэтому в письме он даже указал количество комнат, которые должны были получить указанные в письме. Четырёхкомнатные квартиры должны были получить он и Вакуленко, трёхкомнатную — Свечкарёв и двухкомнатную Михальченко. Вакуленко и Ильичёв жили на хуторе в двухкомнатных квартирах, поэтому квартиры после них оставались институту. Михальченко по сути дела получал квартиру для отселения сына. Нужно было откуда-то взять ещё две квартиры. На четырёхкомнатные квартиры претендовали многодетные семьи из льготной очереди. Расчёт был простой. Ежели решением вышестоящих органов льготники лишаются жилья, то эту недостачу должен компенсировать город. И как только дом был заселён, институт на основании Решения Совета Министров, которое льготных очередников лишило положенных им квартир, потребовал от города предоставить им квартиры. Жилья в то время строили очень много и уже через три месяца льготники получили четырёхкомнатные

квартиры. Таким образом в результате всех этих мероприятий институт получил за счёт города дополнительно три квартиры, одну двухкомнатную и две четырёх комнатные. После этого случая Веркин на одном из совещаний сказал, учитесь у Фёдора Фёдоровича, я ещё не встречал человека, который бы видел так далеко вперёд.

Так всё таки, есть это самое проведение или его нет?

40. Я скачу, но я скачу иначе!

В то время было принято отмечать юбилеи. Обычно юбиляру дарили адрес, приезжали гости и тоже дарили адреса. Масштаб мероприятия зависел от той должности, которую занимал юбиляр. После официальной части обычно вечером была неофициальная, которая затягивалась обычно до полночи. Приближался 50-летний юбилей заместителя директора СКТБ по конструкторской работе Филиппа Михайловича Бабенко. Это был очень грамотный специалист и порядочный человек, Фёдор с ним дружил, и хоть он и не был даже кандидатом, он никогда не боялся высказывать свою точку зрения в отличие от самого директора СКТБ Михальченко и главного инженера Крупника, который не выполнял функции главного инженера, а занимался финансовыми вопросами. По сути дела это и были те две марионетки, которые беспрекословно выполняли волю Веркина, и которых он за людей не считал. Фёдор, конечно, понимал, что и он и Бабенко являются препятствием на пути монополизации бесконтрольного расходования денег СКТБ.

На официальную часть юбиляра Фёдор попасть не смог, так как не успел вернуться из командировки, и прибыл на неофициальную часть, где-то часам к восьми вечера. Празднование было в разгаре, Фёдора встретили радостными приветствиями и налили штрафную. По обе стороны юбиляра сидели директор института и директор СКТБ, видно было, что все уже прилично выпили. Фёдор встал и обратился к юбиляру.

— Филипп, я знаю что ты очень любишь Высоцкого, я тоже его люблю, знаешь, какие стихи он написал для тебя?

После этих слов Фёдор сделал паузу.

Какие? — закричали гости.

Я скачу, но я скачу иначе,
По траве, по кочкам, по росе,
Говарят он иноходью скачет,
Это значит иначе, чем все.

Мне набили раны на спине,
Я дрожу боками у воды,
Ох, как я бы бегал в табуне,
Только не под седлом и без узды.

Мне сегодня предстоит бороться,
Скчки, я сегодня фаворит.
Знаю ставят все на иноходца,
Но нея, жокей на мне хрипит.

Он вонзает шпоры в ребра мне,
Зубоскалят первые ряды,
Ох, как я бы бегал в табуне,
Но не под седлом и без узды.

— Дорогой Филипп! Дорогие присутствующие, все вы знаете, как заканчивается это стихотворение. Так давайте же выпьем, за иноходцев!

Все на какое-то мгновение затихли. Первым очнулся Веркин.

— В табун их, в табун! — что есть силы закричал он.

41. Директор.

На следующий день началось изгнание в табун. Но снять сразу с должности Фёдора директор не мог, слишком много обязанностей было у него, и, если бы он это сделал, то сильно пострадали важные направления деятельности СКТБ. С другой стороны нужно было найти замену. Поэтому процесс изгнания в табун длился почти пол года. Директор постепенно начал передавать его обязанности другим.

Можно спросить, обидели ли Фёдора такие действия директора. Действительно ему было немного обидно, все-таки он очень много сделал для института, но Фёдор умел помнить добро, и прекрасно понимал, что Веркин сделал для него очень много хорошего. С другой стороны он так же понимал, что у директора просто нет другого выхода, просто не было других средств, чтобы содержать громадные вспомогательные службы, и что в такой ситуации ему действительно необходимо марионеточное руководство СКТБ. Но в таком руководстве принимать участие Фёдор дальше не мог.

И даже после того, как он снова стал обычным руководителем отдела, хорошие отношения между ним и директором сохранились. Он часто давал Фёдору поручения, которые другие выполнить просто не могли, они, как и раньше, ездили вместе в командировки, и часто засиживались на квартире, которая была у Веркина в Москве, обсуждая злободневные вопросы жизни института.

— Я не встречал еще такого человека, который бы так видел далеко, как Менде, — как-то ещё раз сказал директор на одном из собраний. И это была высшая похвала.

Институт для Фёдора был вторым домом, где он вырос и стал на ноги как специалист и состоялся как руководитель. Он был хорошо известен широкому кругу специалистов в его области, и в этом вопросе Веркин сыграл решающую роль. И Фёдор это помнил всегда.

Он очень тяжело перенес, когда у Веркина случился инсульт, и он по сути дела далее не смог руководить институтом. И тогда все почувствовали, что потеряли человека, который отдал все без остатка служению своему институту, и который так много для него сделал.

42. Шизофрения.

Мы уже говорили, что Фёдору пришлось еще раз столкнуться с КГБ по очень серьезному вопросу.

Всем известно, что шизофреники часто бывают очень талантливыми людьми. Блестящая голова была у Александра Спицына, Фёдор всегда удивлялся его способностям, но он был шизофреником. Хотя и очень редко, но у него появлялись различные навязчивые идеи. Однажды он пришел к заместителю директора по режиму Репке и начал доказывать, что, когда он едет в троллейбусе, то его подслушивают через линии питания. Другой раз он разбил телефон в своей комнате тоже по подозрению в том, что его подслушивают. Наконец, он всем начал рассказывать, что в институте существует мафия, которая работает на американскую разведку.

На эти все странности Фёдор внимания не обращал, Александр был блестящим теоретиком, и его странности никак не мешали работе.

Но однажды в кабинете раздался звонок, и известный нам уже Мычак сказал, что хочет встретиться с Фёдором. Договорились о времени встречи, и в назначенный час в кабинет постучали. Гость сел за стол перед Фёдором и подал ему лист бумаги.

— Читайте.

В письме сообщалось, что в институте существует мафия, которая работает на американскую разведку и передает ей секретные сведения, и что руководит этой мафией Менде. Далее следовал адрес и подпись Спицына.

— Ничего себе, — сказал Фёдор, в сталинские времена за это дали бы срок.

— Именно так, — согласился гость. — Но самое главное, что это письмо нам прислали из Москвы, и оно там в КГБ на контроле.

— А как же это случилось?

— Да бросил он, или кто-то, кому он поручил это письмо в почтовый ящик в Москве.

— Ничего себе.

— Дело очень серьезное, мы уже знаем, что он шизофреник, но если не будет медицинского доказательства этого факта, то начнется разбирательство, которое может для вас плохо кончиться, ведь найти факты разглашения вами секретных данных при желании всегда можно. Да и другие после этого будут остерегаться.

И тут Фёдор вспомнил, что он в свое время написал Гончарко открытым текстом секретную информацию о деятельности отдела. „Вот и приехали” — подумал он.

Делать было нечего. Либо медицинское заключение, что Спицын шизофреник, либо Фёдор шпион.

И опять помогло невидимое проведение. В его отделе уже некоторое время работал в прошлом заместитель начальника погранучилища Гамаюнов. Он ушел в отставку в чине полковника и был очень обязательным человеком. Гамаюнов всю жизнь занимался техникой, так как был заместителем начальника училища по технической части, но прошлые связи у него остались.

Фёдор вызвал его и объяснил ситуацию. Гамаюнов сказал, что прозондирует вопрос, и уже на следующий день повез Спицына в психиатрическую клинику на освидетельствование.

Кончилось это тем, что Спицыну пришлось провести в этой клинике почти три месяца, где его соответствующим образом лечили. После прохождения курса лечения он вернулся на работу.

43. НИИ криогенного приборостроения.

Человек устроен так, что ему свойственно надеяться. Полным ходом шла перестройка, и люди надеялись, надеялись на то, что жизнь станет лучше. Духом свободы веяло отовсюду. Надеялся и Фёдор.

С выходом постановления о кооперативах он сразу же создал при отделе кооператив «Криогеника», и, имея большие связи в стране, ему не составляло труда получать выгодные заказы. Зарплаты сотрудников выросли в несколько раз, это объяснялось тем, что деньги в оборонном комплексе не очень то считали, а их там пока было много. Но реакция на такой ход событий со стороны окружения последовала незамедлительно. Получилось как в Евгении Онегине:

Ярем он барщины старинной
Оброком лёгким заменил,
И раб судьбу длагословил,
Зато в углу своем надулся
Его зависливый сосед,
Увидив в этом страшный вред.

Но Фёдор не очень то обращал внимание на эти зависливые настроения, ему и прежде приходилось жить в не очень простой обстановке, потому что его лидерство во многих вопросах всегда приводило к самым различным трениям внутри института. Он знал, что его кости перемывали на многих подоконниках. В лице руководителей групп в отделе был прочный костяк, и это внушало уверенность. Но и здесь начали появляться трения. Новая система дала возможность полностью избавиться от уравниловки, люди, которые больше работали и получали больше. Но психологию человека не переделаешь за один день, сила привычек - большая сила, и тот

уравнительный подход к оплате труда, который воспитывался десятилетиями, жил в людях. Сразу появилась значительная часть недовольных, тем более, это недовольство подогревала окружающая среда. Управлять коллективом стало труднее, но и Фёдор уже был не тем новичком, когда начинал строить отдел. Руководителем он был достаточно жестким, и все знали, что смуты в отделе он не потерпит. Чтобы демократизировать вопрос оплаты труда он образовал финансовый совет, который распределял деньги по подразделениям отдела, а внутри самих подразделений деньги делили сами руководители. Хотя финансовое положение в отделе и коробило руководство института, но положение Фёдора было настолько прочным, что этот вопрос никто в руководстве не затрагивал. Кроме того, хотя и робко, но по его примеру начали образовываться кооперативы и в других отделах. Конечно, со стороны дирекции института на это движение оказывалось очень сильное давление, прежде всего потому, что сразу выяснилось, что бюджетные подразделения просто не в состоянии вести такого рода деятельность, и поэтому там нет резерва повышения заработной платы. В то время уже директором института был не Веркин, а Анатолий Илларионович Звягин, человек по своему складу характера гораздо более мягкий и демократичный, но все равно, как и ранее, СКТБ находилось в рабском положении, и руководство СКТБ в составе прежних главных лиц, привыкших делать все под козырек, защитить права организации не могли.

В сложившейся ситуации нужно было предпринимать шаги по приданию статусу СКТБ большей самостоятельности. Это было опасно но неизбежно, и Фёдор решил возглавить это движение.

Если вы человек мягкий и неопределенный, то не пытайтесь за собой вести людей, они просто за вами не пойдут. Для этого нужна твердая рука, вера в своё дело и организаторские способности. Кроме того, вы должны уметь убеждать людей и побеждать в публичной полемике на различных собраниях. Все необходимые предпосылки этого уже были у Фёдора. Но в то время он еще недооценивал умение адекватно реагировать на подобные обстоятельства со стороны руководства института. И хоть Веркин уже и не был формальным руководителем института, но он уже был почти в строю, находясь на положении консультанта, а рука у него была твердая. И вот тут-то и началась позиционная война. У Фёдора была небольшая группа руководителей отделов, которые были созданы по его личной инициативе еще тогда, когда он был заместителем директора. Они разделяли его взгляды, и готовы были бороться. Его поддерживал секретарь партийной организации СКТБ Анатолий Николаевич Свинарёв, и они начали продвигать свои идеи в массы. Постоянно выступая на различных собраниях, убеждая руководителей других отделов в правильности своих позиций, они постепенно склонили большинство на свою сторону. Было видно, что руководство института начинает сдавать позиции. Даже Веркин, который в бытность этих событий достаточно холодно начал относиться к Фёдору, однажды, встретив его в коридоре, спросил, почему он не заходит к нему в гости.

Руководство СКТБ, чувствуя что почва уходит из-под ног, начало применять запрещенные приемы. Как-то на доске объявлений появился листок, который назывался „Внимание глосность”, в нем сообщалось, что группа бывших сотрудников отдела Менде, собравшись по инициативе главного инженера СКТБ (в то время им был уже не Крупник, а Хораш), обсудила сложившееся положение дел, осуждает его действия по захвату власть в СКТБ. Утверждалось, что он хочет фашистские методы, используемые при руководстве отделом, распространить на всю организацию. В конце листка стояли подписи девяти бывших сотрудников отдела, пятеро из которых уже давно не работали в институте.

Но выход листка возымел обратное действие, тем более все знали, что главный инженер всегда был марионеткой в руках дирекции института.

В то время была введена выборность директоров предприятий и вскоре предстояли перевыборы директора СКТБ. Прошло еще немного времени и стало известно, что Михальченко отказался выставлять свою кандидатуру на очередных выборах. Это была полная победа.

При всей сложности и перепетиях борьбы интересов соратники Фёдора и он сам никогда не пользовались запрещенными приемами, они доказывали свой точку зрения открыто, а у самого Фёдора были многочисленные беседы и с новым директором института и с его окружением. Эти беседы всегда были конструктивными, где каждая сторона пыталась аргументировано доказать свою правоту и отстаивала свою точку зрения. Давно зная Звягина, Фёдор относился к нему с уважением, знал, что это человек слова и все происходящие баталии не повлияли на их добрые отношения, хотя и придерживались они разных точек зрения. Просто Звягин защищал интересы бюджетного подразделения, а он хозрасчетного. И опираясь на эти добрые отношения и понимая, что Михальченко проиграл, Звягин решил найти компромиссное решение вопроса. В то время уже вышло постановление правительства о малых предприятиях, которое открывало большие перспективы для коллективов умеющих эффективно работать. Разрешалось создание таких предприятий даже в составе действующих производственных структур. Конечно, при правильном подходе к этому вопросу это был путь к избавлению от пут командно – административной системы.

Вариант выхода из сложившейся ситуации, который предложил Звягин, заключался в следующем. Предлагалось создать при институте на основе отделов, желающих финансовой самостоятельности, малое хозрасчетное предприятие со всеми правами НИИ, и он гарантировал полную поддержку этому новому образованию. Вопрос ставился так: кто умеет и хочет работать переходите в новую систему, кто не хочет - доживайте в старой.

Конечно, с такой точкой зрения нельзя было не согласиться, тем более, что никто тогда и не предполагал, какие катаклизмы ждут и все государство и общество в целом в скором будущем.

Но вазникал вопрос, как же тогда быть с существующим СКТБ. Звягин предложил оставить его в прежнем виде со старым руководством. Но опять таки, как быть с тем, что Михальченко уже отказался выставлять свою

кандидатуру на выборах директора. Договорились, что Фёдор вместе с секретарем парторганизации пойдут к нему и попытаются убедить его выставить свою кандидатуру на том основании, что Фёдор свою кандидатуру выставлять не будет.

В выборах кроме Михальченко принимали участие еще два технических кандидата и его избрали директором на новый срок, а Фёдор создал при институте малое государственное предприятие Научно-исследовательский институт криогенного приборостроения. Кто тогда знал, что уже через год развалится Советский Союз и развалится весь военно-промышленный комплекс.

44. Подлецы.

Просуществовал новый НИИ всего полтора года, развалился Советский Союз, развалился военно-промышленный комплекс и в вильной Украине почти три тысячи народу остались без работы, и это только небольшой эпизод из жизни этой страны, вот что такое революции, которых только за прошедшее столетие было две. Какими же умными являются те нации, которые в своем развитии движутся эволюционным путем и в своем эволюционном развитии всегда оказываются далеко впереди других. Революционеры же в угоду своим амбициям и узкополитическим целям, разрушая все созданное до них, отбрасывают целые народы на обочину истории, заставляя их влачить жалкое существование.

Итак впереди была полная неизвестность и абсолютно непонятная и непредсказуемая ситуация. Но прежде, чем перейти к описанию дальнейших событий, мы должны сделать небольшое отступление.

По своей натуре Фёдор был доброжелательным но строгим и трудолюбивым человеком и никогда не помнил зла. Он часто помогал даже своим бывшим врагам или людям, которых никогда не уважал, когда они обращались к нему за помощью.

Когда сына Дмитренко выгнали из университета за то, что он в компании с такими же как он снимал шапки с прохожих, и Веркин запретил его принимать на работу в институт, Дмитренко, а он в то время был уже академиком, пришел к Фёдору, понимая, что в институте никто кроме него не сможет переступить через директорский запрет. Когда Фёдор сказал, что возьмёт сына на работу и сделает из него человека, у Дмитренко по щекам покатались слёзы.

Между Фёдором и Дмитриевым не всегда складывались доброжелательные отношения по разным причинам, но когда Дмитриеву не хватало денег для покупки квартиры, когда он женился вторично, он пришел к Фёдору, и Фёдор в ущерб своим собственным интересам нашел возможность ему помочь.

Когда сестре Галины нужно было купить дом для сына, и все остальные родственники отказали ей в помощи, она пришла к нему. Фёдор всю жизнь собирал деньги на автомобиль и вот-вот собирался ее купить, но

он не смог отказать в ее просьбе и отдал все деньги, так и не купив себе машину.

Таков был Фёдор. Совершая свои поступки, он прежде всего пытался войти в положение того человека, который обращался к нему с просьбой, он всегда понимал как ему трудно пойти на такой шаг, и как ему будет стыдно, если ему откажут.

Но Фёдор никогда не мог простить подлость. Подавляющее большинство людей, с которыми ему довелось встречаться, были обычными людьми со всеми присущими им положительными чертами и недостатками. Они жили, работали, ошибались и каялись, но в подавляющем своем большинстве не были способны на подлые поступки.

Но на протяжении всей своей жизни он не мог простить и не простил Дмитренко точечные лампочки. Был и еще один его поступок, который он не смог простить и не простил до сих пор.

В течение шести лет почти половина отдела работала совместно с ГДР над разработкой сверхпроводящего гироскопа. Было получено много новых результатов, которые по известным причинам нигде не публиковались. Так вот нашелся человек, который сумел опубликовать все эти результаты только под своим именем. Им оказался Виктор Чаркин, тот самый Чаркин, спасая квартиру которого от пожара, Фёдор рисковал своей жизнью. Сделал он это очень просто. Когда Фёдор образовал МГП НИИ криогенного приборостроения он перешел на работу в отдел к Дмитренко. А где-то через год в журнале *Criogenics* Фёдор увидел сразу несколько статей, в которых были опубликованы все основные результаты шестилетней совместной работы отдела и АН ГДР, причем в авторах значились всего два человека Чаркин и его помощник Пищиц, с которым он ушел в отдел Дмитренко. Вот и хочется спросить, как это называется, и можно ли такое простить.

45. Спасение.

Что же случилось дальше. Громадная масса людей, которая работала на хозрасчете, осталась без работы. Причем о том, чтобы найти работу по специальности, не могло быть и речи. Люди годами не получали зарплату, и как они жили один бог знает. Бюджетная часть, хоть и плохо, но как-то обеспечивалась минимальной зарплатой, но и речи не могло быть о покупке какого-то нового оборудования, работали на том, что осталось от Союза. Весь коллектив НИИ, которым руководил Фёдор, тоже полностью лишился финансирования, и сотрудники разбрелись кто куда. Его и Галину от голода спасали дети, которым приходилось торговать на рынке.

И вот в это тяжелейшее для него время его вызвали в институт. К этому времени от инфаркта уже умер Звягин и был новый директор академик Виктор Валентинович Ерёменко, с которым у Фёдора тоже были хорошие отношения. Когда Фёдор зашел в кабинет, там кроме директора был и его заместитель Маслов, и директор сказал:

— Фёдор Фёдорович, вы очень много сделали для института, мы знаем ваше положение и мы найдем вам должность, но мы тоже в очень затруднительном положении.

— В данной ситуации меня абсолютно не интересует должность, — ответил Фёдор.

В последующем он узнал, что когда обсуждался этот вопрос на дирекции, Дмитренко спросил:

— А где же мы возьмем для Менде деньги?

И Ерёменко ему ответил:

— Соберем с каждого отдела по десятке, а ему зарплату сделаем.

Фёдор не мог не спросить, чем ему предлагают заниматься, но ему сказали, что он может заниматься тем, чем считает нужным. Он спросил, в какой отдел его зачислят, ему сказали, в какой он захочет, в тот и зачислят. Бывший кабинет ему тоже оставили.

Когда Фёдор рассказал Галине о случившемся, она заплакала.

Фёдора провели через Ученый совет по конкурсу и дали должность старшего научного сотрудника, конечно не густо, но существовать на эту зарплату было можно, и он был безмерно благодарен руководству института.

Фёдор сам был прекрасным экспериментатором, он умел не только паяльник держать в руках, но умел работать и на всех станках, которые были в его мастерской. Имея неплохую теоретическую подготовку, он продолжил также изыскания по исследованию уравнений электромагнитной индукции, которые начал еще в бытность расцвета отдела. Он видел, что в данном фундаментальном вопросе имеется целый ряд противоречий и в трактовке самих уравнений, и в определении параметров, которые в них входят.

46. Беда одна не ходит.

Но беда, говорят, одна не ходит. Черные полосы в жизни Фёдора следовали одна за другой, причем каждая последующая была чернее предыдущей.

У него была дача в институтском кооперативе «Гелий», до которой нужно было ехать около часа на электричке, а потом ещё около получаса идти пешком, строил ее Фёдор сам. Свободного времени было много и он часто туда ездил. Денег было мало и поэтому приходилось использовать все накопившиеся остатки стройматериалов.

Около строгального станка лежала куча досок и он из них выпиливал рейки для будущей рамы. Ему все время приходилось обходить станок, когда он брал очередную доску для обработки. Идя за очередной доской, Фёдор споткнулся, рука скользнула по плите станка. Ножи рубанка неприятно фыркнули, и вместо двух пальцев на левой руке остались только ошметки. Кровь хлестала из раздробленных пальцев, кругом никого. Он понимал, что нужно остановить кровь и зажал остатки пальцев правой рукой, но это не помогло, кровь продолжала течь. Перевязочного материала под рукой не

оказалось. Как часто Фёдор учил своих подчиненных соблюдению правил техники безопасности, как строго принимал у них эти экзамены, и в его большом отделе за все время его существования был только один случай травматизма. Но одно дело учить других, а другое дело выполнять эти требования самому. Бинтов на даче не оказалось. Он снял с кровати простынь и, обливаясь кровью, оторвал от нее полосу. Потеряв много крови, он все-таки перевязал руку. Но до станции нужно было еще дойти. На станции оказалось, что электричка будет только через сорок минут. Фёдор сел на лавку и потерял сознание.

— Що з тобою, синок? — услышал он, открыв глаза.

Рядом стояла бабушка и вытирала его лицо мокрой тряпкой.

— Да вот пальцы отрезал.

В электричке он еще раз потерял сознание.

Домой, Фёдор никого не застал, и решил ехать в неотложку, там у него был знакомый хирург. Когда он вышел из дома, то увидел, что навстречу идет Галина, и быстро спрятал окровавленную руку за полу пиджака.

— Куда это ты на ночь глядя?

— К девушкам.

Она посмотрела на руку, спрятанную за полой пиджака, на рукаве была кровь. Глаза ее широко раскрылись.

— А это что? — дрожащим голосом спросила она.

— Да руку на станке поранил.

— Сильно?

Да еще и сам не понял, вот иду на перевязку. Но бледность лица выдавала.

— Нет, правда?

— Да, вроде как палец отрезал.

В неотложке знакомого хирурга не оказалось, и пальцы зашивал незнакомый хирург вместе с практикантом, и через час с перебинтованными пальцами Фёдор вместе с Галиной уже ехали домой, денег на такси не было, пришлось ехать на пролейбусе. Так появилось у него еще два шрама.

Не прошло и двух месяцев, как новая беда настигла Фёдора. Его родители уже несколько лет как умерли, но в Липцах они все-таки успели построить небольшой дом, где и проводила летние месяцы семья. Недалеко от дома протекала уже известная нам река, и заросли камышей подходили к самым домам, которые находились недалеко от речки. И он решил сжечь эти камыши, чтобы исключить возможность пожара. Он думал, что лучше их сжечь под присмотром, чем, если их кто-то подожжет в его отсутствие. Но Фёдор, хоть и был уже не мальчиком, совсем не представлял себе, что такое горящие заросли камышей. Как назло начинался ветер и Фёдор торопился. Вначале камыш горел медленно, и ничего не предвещало беды. Но ветер все усиливался и усиливался, и что самое страшное, дул он в сторону домов. Порывы ветра все усиливались, и стена огня начала двигаться в сторону строений. Он понимал, что если огонь при таком ветре дойдет до домов, то начнется пожар и сгорит не только его дом.

Спасло то, что он в этой ситуации не растерялся. О понимал, что для остановки огня нужно прорубить в камышах просеку. И он начал отчаянно рубить камыш. Огонь приближался, уже слышен был теск приближающегося огня, а Фёдор рубил и рубил. И вдруг при очередном порыве ветра море огня накрыло его. Он почувствовал, как лопается хожа на его лице, страшно жгло руки, но пламя огня еще раз, как бы вздохнув, вдруг оборвалось. Одежда на нём тлела.

Фёдор посмотрел на руки, они были черные от грязи и копоти, лицо страшно жгло. Прибежала Галина на ней не было лица.

— Федюшенька, родненьки, что же ты наделал.!

Уже вечерело, и решили дожидаться утра, чтобы ехать в город в больницу. Фёдор понимал, что обращаться с такими ожогами в местную больницу нечего. Ночь была кошмарная, лицо превратилось в сплошную кровоточащую рану и невыносимо жгло из него все время текла сукровица, ресниц и бровей вообще не было, они полностью сгорели, уши превратились в пухлые бублики, кожа на кистях рук превратилась в пузыри. Тогда-то Фёдор и подумал, а как же себя чувствуют люди, у которых обожжена значительная часть тела.

— Где же это вас так угораздило? — спросил его врач ожогового отделения.

— Да камыши тушил, — посетовал Фёдор.

— Ну, ваше счастье, что камыши, ожог поверхностный, помучаться, конечно, придется, но шрамов не будет.

Мы уже говорили, что снаряд в одну и ту же воронку даже два раза не попадает, но это неправда, не только два, но и три раза попадает. Но если уж в третий раз, то, как бы не в последний.

И такой снаряд для Фёдора нашелся. Этот снаряд чуть не лишил его жизни и сделал его калекой почти на два года. Дочь купила подержанный трёхстворчатый шкаф, и он оказался очень тяжёлым. Не было и речи о том, чтобы нанять грузчиков, т.к. денег не хватало даже на еду. Что такое трёхстворчатый шкаф и ты нижний на ремнях, да ещё восьмой этаж, знают только опытные грузчики. И вот Фёдор оказался в этом положении. Он всегда знал, что физически гораздо сильнее многих своих сверстников, но не знал он того, что все прожитые до этого годы оставили суровые отпечатки на его сердце.

Когда шкаф был уже на лестничной площадке восьмого этажа, и он снял с плеча ремень, то почувствовал, что умирает, дышать было нечем. В течение месяца врачи отчаянно боролись со смертью и инфаркт, в конце концов, начал отступать. Ещё несколько месяцев Фёдор был прикован к постели, а когда прошёл первые десять метров, то это был для него праздник. Но что можно было купить в то время на ту нищенскую зарплату, которую он получал, тем более, нужно было покупать еще и дорогостоящие лекарства. И тут Фёдор и Галина отчётливо вспомнили те годы, когда они всей семьёй жили на 90 рублей в месяц. Но, конечно, у них тогда ещё не было тех замечательных взрослых детей, которые, несмотря на собственную

нищету и нужду, как могли, помогали им. Так прошел год. Начиная с десяти метров, Фёдор каждый день добавлял по десять шагов и когда он впервые обошел вокруг детского сада, расположенный во дворе дома, то для него это был праздник. Но даже при этом впереди, кроме безисходности, ничего не было. И опять провидение.

Однажды, придя домой, он почувствовал сильную боль чуть выше колена. Сначала Фёдор этому не придавал особого значения, но боль нарастала, и пришлось обратиться к хирургу. Диагноз был неутешительным. Закупорка вены, требуется срочная операция. Повезло в том, что один из лучших хирургов Харькова Николай Леонтьевич Володось, ученик Шалимова, был его хорошим знакомым. Он блестяще сделал операцию и Фёдор вскоре начал вставать с постели.

И надо же было так случиться, что в одной палате с ним оказался главный инженер громадного Белобережанского деревообрабатывающего комбината. Он когда-то служил на флоте, и ему было близким и интересным то, что рассказывал Фёдор о военных, о флоте, о науке. Фёдор, конечно, тоже спрашивал его о том, что такое деревообработка и мебельная промышленность. С удивлением он узнал, что вся древесина, которая используется для этих целей проходит сложный технологический процесс сушки и такой сухой древесины комбинат потребляет сотни кубометров в сутки. Неожиданным для Фёдора был и тот факт, что в свежеспиленной древесине содержится до 40% влаги. И оказалось, что практически вся эта влага в процессе сушки уходит из лесоматериала. Зная, какая у воды теплоёмкость было ясно, что энергетические затраты при этом должны быть очень большими. И однажды этот вопрос он задал своему сопалатнику.

— Несомненно, расходы энергии колоссальны, только на сушку древесины у нас уходит почти половину всей энергии, которую потребляет комбинат, но это ещё не всё. Особую проблему составляет сушка твёрдых пород, таких как дуб, ясень, бук, клён. Эти породы особенно трудны в сушке, любое нарушение режима сушки приводит к появлению микротрещин, а это уже брак. И эти сушильные камеры, в которых сушат твёрдые породы, и эти расходы энергии и постоянный сопутствующий брак, это основная моя головная боль.

Все эти жалобы главного инженера Фёдору показались надуманными, т.к. он не мог поверить, что столь простой вопрос вызывает на комбинате такие проблемы. Но главный инженер продолжал настаивать на своём. Он рассказал о том, что существуют громадные фирмы, которые только и делают, что занимаются разработкой методов сушки древесины и выпускают сушильные камеры, которые могут вмещать от нескольких десятков до нескольких тысяч кубометров лесоматериалов, и что несмотря на все усилия до сих пор не удалось этот процесс автоматизировать. И что даже при наличии вычислительных комплексов, необходима ежедневная ручная корректировка режима сушки.

— Никогда не поверю, — как-то заметил Фёдор, — что процесс не поддаётся автоматизации.

— Я вам говорю и фактическом положении дел на комбинате. По каждой камере ведётся журнал, в котором ежедневно записываются режимы и указываются те корректировки, которые вносит оператор в её режим.

— И сколько же времени нужно сушить твёрдые породы?

— Всё зависит от желаемого качества, и этот срок составляет от одного до двух месяцев.

— Ничего себе, сколько же у вас тогда сушильных камер.

— Камер у нас не очень много, но в каждую до тысячи кубов влазит.

— Так сколько же энергии они тогда потребляют?

— Ну, я уже сказал, половину всего энергопотребления комбината. Вот если бы вы смогли решить эти пролемы, уменьшить энергопотребление и автоматизировать процес, то это была бы вещь. Представляете, загрузил древесины, нажал кнопку, а через месяц выгрузил. Это мечта всех сушильщиков. Если бы вы смоли решить эту проблему, то цены бы вам не было.

Фёдор задумался. Так может попробовать? Но как, нет никакого опыта, нет начального капитала, нет здоровья.

— Ну а какая же стоимость таких камер?

— Всё зависит от объёма, удовольствие не из дешевых, например десятикубовка стоит в пределах 20-25 тысяч долларов.

Фёдор даже в постели перевернулся, он и представить себе не мог эту сумму. Вон однокомнатную квартиру сейчас за 5 тысяч купить можно.

— Ну, а сколько кубометр сырых дубовых досок стоит?

— В зависимости от качества от 100 до 200 долларов, но сушить лесоматериал низкого качества не выгодно, в сушку пускают обычно самые высокие сорта.

47. Решение.

Фёдор вышел из больницы, но беседы с главным инженером всё время вертелись в его голове. И однажды, придя домой, он сказал Галине:

— Я принял решени, пора выбираться из нищеты.

— А как?

Фёдор всё ей подробно рассказал.

— Но мы этого доллара и в глаза не видели, где мы такие деньги возьмём.

— Ты мне веришь?

— Да,

— Тогда вперёд!

— Ну а со здоровьем же как?

— Лучше умереть стоя, чен жить на коленях. Помнишь молодость, разье мы унывали тогда?

— Так то же молодость была.

— Ну, вот мы её сейчас и повторим.

Начали экономить на всём. Жили впроголодь. Так хотелось хоть кусочек колбасы купить. Прошел год. Фёдор перечитал всю возможную литературу и понял, что вопрос действительно не простой, что этими вопросами занимаются целые НИИ и многочисленные фирмы. Но тогда у него даже компьютера не было, и всю информацию он получал в библиотеке. Заметил он и то, что каталожный ящик, где хранилась необходимая литература по сушке древесины и сами карточки очень затёрты, значит не только его интересовал этот вопрос.

К концу лета экспериментальный макет десятикубовки был собран, но на пенопласт для термоизоляции камеры денег не хватило, и Фёдор для этих целей использовал опилки. Но у опилок было плохое свойство. Ими невозможно было рановременно заполнить стены камеры до начала монтажа, когда они находились в лежащем положении. При их вертикальной установке опилки проседали, образуя в верхней части пустые полости. Это обнаружилось только после сборки камеры. Тогда Фёдор снял с камеры верхние блоки, просверлил крупные отверстия в торцах вертикальных стенок и были уже морозы, когда ни вместе с Галиной засыпали через эти отверстия опилки. Так была создана первая в его жизни экспериментальная сушильная камера.

Камера имела высокооборотный центробежный вентилятор, и поскольку колесо к нему Фёдор сделал сам, то при мощности в 3 киловатта, вентилятор не шумел, а ревел и даже при закрытой камере шум был достаточно сильный. Но загружать камеру было нечем, 3000 долларов, которые были необходимы для этого, взять было негде. К тому же слова о том, что при сушке риск брака очень высок, всё время вертелись в голове.

Нужно было искать заказчика, но кто рискнёт отдать на сушку столь дорогую древесину, без гарантий на положительный конечный результат.

48. Снова провидение.

И опять помогло провидение. В поисках заказчика на сушку древесины, а деревообрабатывающих и мебельных фирм в Харькове было предостаточно, Фёдор посетил не одну из них. Но никто не решался на размещение у него заказа по той простой причине, что его просто никто не знал. И вот в процессе этих поисков он однажды познакомился с директором крупной мебельной фирмы Solid по фамилии Енько. Это был достаточно оперативный человек, и Фёдор уговорил его поехать посмотреть камеру. Камера располагалась в Липцах на приусадебном участке около дома

По пути разговорились. Оказалось, что директору очень хочется завести на фирме какое-нибудь новое направление, связанное с техникой, которое имело бы широкий спрос. И тут Фёдора осенило.

— А вы знаете, что означает слово фольксваген.

— Да нет, как-то не задумывался.

— Ещё Гитлер в своё время начал программу создания народного автомобиля, а вот я у себя на фирме уже больше года занимаюсь программой создания народного кондиционера.

— А что вы под этим подразумеваете?

— Да очень просто, это такой кондиционер, который почти ничего не стоит и практически не потребляет энергии, только необходима энергия для питания вентилятора, который прогоняет воздух через систему.

— Да быть такого не может!

— Ещё и как может. Вы слышали о вечном двигателе второго рода.

— Да нет, как-то не приходилось.

— Установка такого кондиционера допустима даже на автомобилях. Представляете, оставляете машину на стоянке с включённым кондиционером, ведь энергии то он не берёт, приходите, а в машине рай, прохладно, воздух влажный.

— Так что и заливать в него никакого горючего не нужно?

— Никакого горючего не требуется, горючим является вода.

— Да это вы что-то фантазируете!

— Никаких фантазий, я же рассказывал вам, где я работаю.

Директор задумался.

— Ну и в какой же стадии разработка?

— На завершающем этапе, правда по режимным соображениям на фирму вас не пустят, но если хотите, где-нибудь через неделю я могу привезти экспериментальный образец в Липцы, зальём воду и сами убедитесь, какое это хорошее горючее. Киловат холодопроизводительности я вам гарантирую.

— А что это за параметр такой – холодопроизводительность.

— Да поставим на входе всасываемого потока воздуха киловатный нагреватель и посмотрим на температуру воздуха, выходящего из кондиционера при включённом нагревателе и без него.

Директор начинал понимать, что Фёдор не шутит. Но всё равно недоверие было написано на его лице.

Когда приехали в Липцы, Фёдор включил камеру.

— А чего она так ревет?

— Это сделано для того, чтобы в процессе сушки древесина вибрировала, это уменьшает вероятность возникновения микротрещин. Откуда начинают идти микротрещины, снаружи доски. Представьте себе кисель, который вы снаружи обдуваете, где он начнёт трескаться? Трещины начнут образовываться снаружи. А теперь представьте, что этот кисель трясти начали. Так трещины сами по себе заростать начнут.

— Вот это да, почему же до этого никто до сих пор не додумался?

— Почему, почему? Ну, почему руки моют, а ноги нет?

— Ну, вы меня убили!

— Да нет, это ведь в камере не самое главное. Но, как вы понимаете, у каждой фирмы есть свои секреты.

Он многозначительно посмотрел на собеседника и тот понимающе кивнул, и Фёдор понял, что наживка проглочена.

— Ну, так будем смотреть кондиционер?

— С удовольствием.

— Тогда через недельку я вам позвоню.

49. Любите бублички, гоните рудлички!

Обманывал ли Фёдор директора, когда рассказывал ему басни про народный кондиционер. Конечно, нет. Есть всем известный испарительный принцип охлаждения, который каждый может проверить, намочив руку водой и помахав над нею тем же полотенцем. Вода, испаряясь, будет забирать тепло, и чем меньше влажность окружающего воздуха, тем будет больший эффект. Но кондиционера то у Фёдора и в помине не было. Но была неделя времени. Он купил два листа оцинкованного железа и сделал двадцать ванночек. Разместил он их в ящике одна над другой и вставил в них патрубки, чтобы при заливке воды сверху вода перетекала из выше стоящей ванночки в нижестоящую. По отношению к стенкам ящика он расположил их так, чтобы воздух, подаваемый сверху проходил поочерёдно над всеми поверхностями залитой в ванночки воды. К концу недели у него в Липцах на столе уже стоял готовый кондиционер и выглядел он очень внушительно. К верхней его части была присоединена гофрированная труба из нержавеющей стали, которая подходила к вентилятору, смонтированному в форточку. В начале трубы располагался киловаттный нагреватель. Охлаждённый воздух выходил из нижней части кондиционера, где был установлен регистрирующий термометр. Для хорошей работы кондиционера была желательна максимально сухая погода. К концу недели установилась сухая и жаркая погода, и Фёдор позвонил своему знакомому.

В кондиционер залили воду. На улице палило солнце и было за тридцать. Фёдор включил вентилятор, через три минуты градусник на выходе кондиционера показал 21 градус и по комнате начал распространяться прохладный влажный воздух. Включил нагреватель. И каково же было удивление гостя, когда температура выходящего из кондиционера воздуха почти не изменилась, хотя подводящая труба из гофрированной нержавеющей стали даже на ощупь была очень горячей. На лице гостя было удивление.

Так Фёдор получил свой первый заказ на сушку десяти кубов отличной дубовой доски. С большим волнением он открывал камеру, когда все контрольные приборы показали готовность древесины. Но камера не подвела.

Когда он приехал домой и на стол положил 700 долларов, Галина не поверила. Такие деньги они держали в рукав первый раз в жизни.

С тех пор слава о его камере быстро распространилась среди мебельщиков Харькова и дело пошло.

Не будем рассказывать о наездах пожарников, милиции, энергетиков и налоговиков. Всё это уже далеко позади и Фёдора теперь даже пальцем кто-либо тронуть боится. Есть и очень важный сухой остаток. Камеры, которые удалось разработать это своего рода автомат Калашникова, когда, после загрузки нажимаешь кнопку и приезжаешь обратно только чтобы забрать готовую продукцию. Всё остальное делает сама камера, она сама выбирает режим сушки, в зависимости от сорта древесины, она не боится ни отключений электроэнергии ни морозов, ни слякоти. Фёдор при её разработке помнил главное требование к изделиям военного назначения, а именно то, что и солдату должно быть не под силу их поломать.

Деньги, которые он теперь зарабатывал, ни в какое сравнение уже не шли с заработной платой ни докторов наук, ни академиков. Конечно, он помог обустроить свою жизнь и детям, имел достойную квартиру и автомобиль.

Каждый предприниматель, который начинал в нашем задолбаном государстве бизнес с нуля, знает, что это означает. Как над тобой издеваются различные чиновники, как вымогают взятки, как тебя на дорогах грабит милиция. Все это Фёдор прошел. Но он не был тем человеком, который склонял голову перед произволом властей и перед кем-то кланялся и заискивал. Он хорошо знал, что все подонки в душе трусы, и если, обращаясь с ними, идти напролом, то это самый эффективный путь защиты. И он шел напролом. И очень скоро оказывалось, что те, кто пытался обращаться с ним, как с послушным давателем взяток, сами начинали перед ним заискивать, пытались наладить дружеские отношения. Чтобы рассказать обо всем этом, понадобилось бы немало страниц, но это уже детали. Расскажем лишь об одном курьёзном случае.

Доски это большая материальная ценность и в деревне большой дефицит. Поскольку они в Липцах находились без присмотра, кое-кто из местных воров их пытался воровать. Конечно, Фёдору об этом сразу же докладывали. В таких случаях он не очень церемонился, приглашал вора к себе домой. Закрывал за собой калитку, и после душевного разговора, вор понимал, что лучше так больше не делать. Так было и на этот раз. У Ивана Дрантя был сын Юрка, по уличному прозвищу Глинка. Ивана уже не было в живых и Юрка в доме, который достался ему от отца. Глинка был пьяницей и вором. И вот однажды, Фёдор привёз на сушку два самосвала отличной дубовой 30-ки, вывалил их прямо на улице перед воротами и уехал в Харьков, в расчете на то, что приедет через несколько дней и загрузит их в камеры на сушку. Но через два дня ему позвонил сосед и сказал, что Юрка ворует и распродаёт доску. Делать было нечего, Фёдор бросил дела и поехал в Липцы. По пути с автобусной остановки он встретил Юркину жену и сказал, чтобы она велела Юрке явиться к нему. Началась загрузка камер, но Юрка не являлся. Перед самым отъездом Фёдор, выйдя на улицу, увидел, что в гости к Юрке идёт его шурин.

— Игорь, передай Юрке, что я сейчас иду в милицию заявлять на него по поводу кражи досок. И когда вернусь, чтобы он был у меня.

Мы уже говорили, что многие, кто раньше пытались наезжать на Фёдора, в том числе и милиция, понимая бесперспективность таких действий, или его не трогали или пытались завязать с ним дружеские отношения. Так было и с начальником Липецкого отделения милиции Мульгиным. Он был в чине полковника и до назначения на эту должность командовал ГАИ г. Харькова. Началось знакомство с Липецкой милицией с того, что к нему явился участковый и сказал, что его вызывает начальник милиции. Когда Фёдор спросил причины, тот ответил, что полковник милиции ему об этом не докладывал. Другой бы незамедлительно явился в милицию, понимая, что у этого органа большие полномочия, но Федор поступил по-другому. Он объяснил участковому, что и он, и его начальник нарушают процедуру вызова в милицию и без повестки он никуда являться не собирается. А потом добавил, что ежели у начальника милиции имеются к нему личные вопросы, то он может его принять дома. Участковый от недоумения широко открыл глаза, не зная, что на такую наглость ответить. Тогда Фёдор пригласил его в дом и сказал, что советует с ним такими шутками не заниматься, что он учёный с мировым именем и показал ему свои моонграфии и пачку авторских свидетельств.

Через два дня у ворот остановилась милицейская машина и в гости к нему приехал сам Мульгин. С тех пор они стали хорошими знакомыми. И нужно отдать должное, Мульгин не раз помогал ему улаживать щекотливые вопросы с милицией даже за пределами Липецкого района. Конечно, об их хороших отношениях хорошо было в Липцах известно.

Имея такие отношения с милицией, Федор решил хорошенько проучить Юрку и ему на пользу, и в назидание остальным.

Когда он вернулся из милиции, у калитки его уже ждал Юрка со своим шурином.

— Юрка, иди в дом, я сейчас приду!

При этом он перед самым носом шурина захлопнул калитку и пошел в галерею за топором.

— Та вы шо, Фёдор Фёдорович, я ж не крав!

— Вот бумага и ручка, пиши, что я скажу, а то зарубаю! Пиши, Заявление. Я, Крамаренко Юрий Иванович, обязуюсь никогда больше доски у Фёдора Фёдоровича не воровать, в чём и расписываюсь. Написал? Пиши вторую такую же.

Одно заявление Фёдор оставил себе, а со вторым велел идти в милицию.

К вечеру явился Юрка, и привёл с собой свою собаку. Под глазом у него был приличный федиль.

— Оце привів свою собаку, щоб доски сторожувала, бо в міліції сказали, шо якщо хоч одна доска пропаде, то вб'ють!

Так Фёдор приобрёл бесплатного сторожа.

50. Чтоб не пропасть по одиночке!

Наука по своей сути ни что иное, как религия. Здесь есть свои боги и идолы, которых упаси бога трогать, есть секты и кланы. Здесь имеются свои догмы и догматы, которые до гробовой доски будут стоять на своем. Вы думаете, что со времен Джордано Бруно что-нибудь изменилось? Ничего подобного, сжигали и сжигают, только другим способом. Попробуйте, например, тронуть Эйнштейна. Советуем прежде, чем это сделать, вспомнить историю бывшего ректора МГУ А. А. Логунова, который в журнале «Наука и жизнь» посмел подвергнуть сомнениям правильность общей теории относительности. А что не помним мы, как наши светила науки во главе с Академией наук СССР боролись с той же генетикой и кибернетикой. Правда, об этом не очень любят вспоминать.

Политика играет в науке такую же роль, как и в жизни. В своё время Академия наук СССР, а теперь и Российская академия наук, в лице ее президиума, это своего рода политбюро от науки, которое заставляет её же пахарей в зависимости от политической конъюнктуры одних хулить, а других превозносить, или наоборот. И непонятно, не будь в свое время Эйнштейн гражданином могучей тогда Германии, так не носила ли бы его теория имя Лоренца. Да, чудны дела твои господи. А не считают ли сейчас многие ученые, что теория относительности, созданная Эйнштейном, является тормозом развития научно-технического прогресса? Есть и такие, но почему мы не даем им открыто высказаться на страницах научных журналов. Почему эти ученые боятся, что их может постигнуть участь Джордано Бруно. Вспомним Денисова, который написал в своё время книгу «Мифы теории относительности». Его же за эту книгу чуть с работы не выгнали. Слава богу, перестройка началась. Ведь никто из столбов науки аргументированно даже не прокомментировал эту книгу. Да что там буровит этот самый Денисов? Этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Мы говорили здесь о крупных вещах. Но все это происходит и на более низком уровне, научная паства служит своим региональным богам и божкам от физики, химии, математики, биологии и так далее, и так далее.

После всех этих слов у читателя может сложиться впечатление, что автор хулит науку, что он не признает авторитетов. Ни в коем случае. Просто сам автор слишком долго варился в этом котле, и хорошо знает, что в нем и как варят. Наука, конечно, величайшее достижение мыслящих существ, но поскольку ее делают люди, то она не лишена всех тех недостатков, которые присущи человеческому бытию. И ученые, особенно молодые, должны это знать. Если учёный боится, что в один прекрасный день жрецы от науки сожгут его на костре, то не быть ему ученым, а суждено стать таким же жрецом, как и они сами.

Как ни странно, но наука и мораль практически несовместимые вещи. Разве мы не знаем, кто создавал динамит и атомную бомбу, а разве не испытывали японские ученые на военнопленных бактериологическое оружие. Разве не предлагали некоторые советские учёные поставить на дне океана вдоль побережья США атомные заряды, чтобы, взорвав их одновременно, организовать смертоносное цунами, уничтожив тем самым

миллионы людей. А разве эти же ученые, став потом великими демократами, не осуждали подобные действия других. Но где же выход? Запретить науку? Нет, любые запреты только усугубляют положение дел. Нужна такая бомба, которая светила бы ярче тысячи солнц, и излучала не идеи ненависти и разрушения, а идеи добра и созидания. Можно ли создать такую добрую бомбу. Да, можно. Ею является общественное мнение, и нужно так его формировать и организовывать, чтобы у ученых даже в мыслях не было предлагать что-нибудь подобное.

Товарищи ученые покопайтесь и ответьте каждый себе, готовы ли вы ради хороших зарплат и теплых насиженных мест уничтожить все человечество. Уверен что подавляющее большинство настоящих пахарей от науки скажет - нет. Поставьте перед собой цель прекратить научное безумие, и считайте, что это главная научная задача человечества, и если вы воспримите это именно так, то эту задачу вы решите. «Возьмёмся за руки друзья, возьмёмся за руки друзья, возьмёмся за руки друзья, чтоб не пропасть поодиночке!»

51. Что же дальше?

А сейчас мы должны остановиться на другом важном вопросе. Бросил ли Фёдор, уже, будучи обеспеченным человеком, заниматься наукой, тем делом, которому отдал без остатка всю свою жизнь. Да, на время бросил, когда нужно было спасать семью и детей от голода. Сам, прожив очень трудное и детство, и молодость, он не хотел, чтобы его близкие испытывали те же чувства и лишения, которые приходилось пережить ему, и интересы семьи, по крупному счёту, у него всегда были на первом плане, и всей своей жизнью он доказал это. И когда пришло время решать, жить ли на нищенскую зарплату научного сотрудника и заниматься наукой или бросить её навсегда и все оставшиеся силы отдать спасению близких, он выбрал последнее. Но теперь, когда все материальные проблемы остались позади, Фёдор мог опять заняться наукой.

С какими же научными итогами подошел Фёдор к текущему моменту. Был один вопрос, который на протяжении, вот уже более двадцати лет не давал ему покоя. В фундаментальных работах по электродинамике имелись явные противоречия. Причем по ряду вопросов точки зрения таких больших ученых, как Максвелл и Ландау не совпадали. Даже по такому простому вопросу, зависит ли диэлектрическая и магнитная проницаемость материальных сред от частоты, не было единой точки зрения. Максвелл, по сути дела создатель классической электродинамики, считал, что эти параметры от частоты не зависят, все другие же, в том числе и Ландау, наоборот, считали что зависят. На первый взгляд казалось, что Максвелл ошибался. Как считали такие учёные как Хевисайд и Вул, если бы не было такой зависимости, то не было бы и радуги, так как разлагать в спектр белый свет можно только в том случае, если диэлектрическая проницаемость, а,

следовательно, и показатель преломления воды зависит от частоты. Эта полемика не на шутку разгорелась в 50-х годах, когда на семинаре Ландау во время доклада Ахиезера на эту тему Ландау, перебив докладчика, вдруг воскликнул: «Это же бред, поскольку показатель преломления не может быть функцией показателя преломления». Эти слова свидетельствовали о том, что Ландау, по крайней мере, в то время ещё не поддерживает концепцию зависимости диэлектрической проницаемости от частоты.

И Фёдор поставил перед собой задачу разобраться в этом вопросе. На это ушло почти пятнадцать лет, и ему уже были хорошо ясны ошибки, проникшие в фундаментальные труды по электродинамике с подачи Ландау, и они были настолько просты, что их можно было объяснить теперь любому десятикласснику. Оказалось, что правым был Максвелл. А получилось так, что за реально существующие физические величины Ландау принял некие математические символы. Ошибка произошла по той причине, что при математическом описании физических процессов можно один и тот же процесс описывать разными математическими методами, т.е. существует математическая двойственность. И нельзя отдельным математическим символам, особенно на этапе промежуточных преобразований, присваивать статус физических величин.

Казалось бы, что проще? В классических трудах по электродинамике и физике плазмы обнаружены серьезные ошибки как принципиального, так и методического характера, и нужно их исправить. Но ведь написали эти труды очень известные люди - нобелевские лауреаты. И, если посылать такую работу в печать, то члены Ученого совета будут понимать, какая ответственность на них лежит. И каждый, прежде чем проголосовать, подумает об этом. А без решения Ученого совета работу в печать не отправишь.

С такими мыслями и с пониманием всего этого шел на Ученый совет ФТИНТ старший научный сотрудник Фёдор Менде. Работа имела большой объем, и доложить ее за отведенные десять минут было невозможно. Янсон, уже к тому времени был академиком, Дмитриев тоже присутствовали на совете.

Когда закончилось отведенное время, а Фёдор доложил только треть работы, председательствующий спросил, сколько времени еще нужно докладчику, Фёдор ответил, что еще двадцать минут.

— Нужно дать, — сказал Янсон. Его поддержал Дмитриев.

Фёдору дали возможность закончить доклад. По ходу доклада задавались вопросы, на которые он обстоятельно отвечал.

Докладываемая работа затрагивала глубинные противоречия в физике, и члены Ученого совета понимали это. После окончания доклада он еще некоторое время отвечал на вопросы и, наконец, председательствующий спросил, кто хочет выступить. Фёдор понял, что наступил решающий момент. Конечно, он понимал, что решающее слово будет за Янсоном и Дмитриевым. Все ждали, что они скажут. Прошла минута. Наконец Янсон спросил, в какой журнал будет посылаться работа. Фёдор ответил, что в

Международный архив Корнельского университета. Это, конечно, облегчало задачу, так как это означает только депонирование, но еще не публикацию. Янсон еще немного подумал и сказал.

— Думаю, что нужно разрешить отправку работы на депонирование.

Голосование было практически единогласным при одном против. Фёдор поблагодарил Совет, и сказал, что в скором будущем разобьет работу на части и отправит для публикации в журналы по профилю. Все согласились.

Как же развивались события дальше? Он отправил работу в международный архив и опубликовал брошюру «Существуют ли ошибки в современной физике», в которой изложил основные результаты работы. Подарил он эту брошюру всем членам Совета и директору института, послал ее нобелевскому лауреату Гинзбургу, в трудах которого имелись названные ошибки, а также разослал ее во все ведущие библиотеки. Шло время, но ответа от нобелевского лауреата не было.

Через некоторое время Фёдор узнал, что содержание брошюры обсуждалось на дирекции института. Итоговая точка зрения сводилась к тому, что данной тематики в планах института нет, и что работа является инициативной, а потому институт к ней отношения не имеет. Фёдор прекрасно понимал, что такое решение закрывает ему путь к дальнейшим публикациям, но он понимал и ту сложную ситуацию, в которой оказалась дирекция. И члены Учёного совета и дирекция института прекрасно понимали, что его работа это подкоп под большие академические авторитеты, в том числе и под специальную теорию относительности. Но поддержать эту точку зрения на официальном уровне означало иметь очень крупные неприятности.

И, действительно, когда Фёдор в следующий раз попытался доложить на Учёном совете одну из частей работы, о чем уже ранее была достигнута договоренность во время предыдущего доклада, работу дружно провалили, причем особым способом. Один голос был за, один – против, все же остальные воздержались. Причём на этот Совет Дмитриев не пришел.

Не приучен был Фёдор кого-то просить, а тем более подводить тех людей, которые сделали ему много хорошего, и ту организацию, которая была для него вторым домом. Но что оставлось делать? Сдаться? И он принял вызов. Но вызов не со стороны своих бывших друзей и родной ему организации, а со стороны той коррумпированной научной элиты, которая управляет современной наукой и держит учёных за халуёв, которые должны послушно выполнять её волю.

52. И вновь продолжается бой!

Мы уже сказали, что в работах Фёдора содержался очень опасный момент, подрывающий основы специальной теории относительности (СТО). Очень коротко поясним почему. Есть так называемые преобразования

Лоренца, которые являются фундаментом СТО. Это чисто математические преобразования, которые говорят о том, что при своём движении твёрдые тела должны сжиматься в направлении движения, что человек, который будет летать на космическом корабле с околосветовой скоростью, может прожить по земному времени несколько миллионов лет. Вобщем полный абсурд. Но именно это и есть те результаты, которые следуют из СТО.

О чем говорит теория, разработанная Фёдором? Она даёт очень простое физическое объяснение всем тем физическим результатам, которые имеют место в электродинамике. Они связаны не с тем, что при движении тело должно механически сжиматься, а с тем, что скалярный потенциал заряда зависит от относительной скорости его движения. Более того, оказалось, что из этого главного закона электродинамики следуют все её другие законы, начиная от законов силового взаимодействия токонесущих систем и кончая законами излучения. Интересно то, что при таком подходе исключается необходимость использования в электродинамике такого понятия как магнитное поле и оказывается несостоятельной СТО. Более того, один из экспериментальных результатов, противоречащих СТО, Фёдор получил ещё в бытность малого предприятия, когда показал, что вокруг сверхпроводящих соленоидов возникают статические электрические поля при введении в них индуктивным способом постоянных токов. К тому же в его работах было показано, что в трудах Ландау и Гинзбурга имеются серьёзные физические ошибки, касающиеся введения такого метафизического понятия, как диэлектрическая проницаемость плазмы.

Но могут ли такое развитие событий допустить релятивисты и те клановые образования, которым подчинена Российская академия наук? Конечно, не могут, поскольку тогда вся та религия, которая внедрялась в РАН многие годы и её коррумпированная система управления рухнет.

Фёдор прекрасно понимал, что в научных журналах, контролируемых коррумпированной Российской академией наук, его работы никто не опубликует. Поэтому так важно было для него решение Учёного совета института, которое позволило ему продепонировать эти работы в архиве Корнельского университета. И там все основные моменты новых подходов в его работах уже были изложены. Но не все читают депонированные работы, впрочем, как и академические научные журналы. Интернет в этой связи становится полноправным участником распространения научно-технической информации, и у него гораздо больше возможности в пропагандистском плане, поскольку с тем, что пишется в Интернете, могут знакомиться очень широкие слои населения.

Особую роль в этом играют физические форумы, где учёные могут обсуждать различные физические вопросы и обмениваться своими точками зрения. Понимая большую важность физических форумов с пропагандистской точки зрения, реакционеры попытались в первую очередь установить контроль именно над ними.

Кульминационным моментом борьбы коррупционной верхушки Российской академии наук за свои права стало создание при ней Комиссии

по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, инициатором создания которой стал нобелевский лауреат академик Гинзбург.

Но часть прогрессивных физиков из состава той же академии сразу же выступили с разоблачением таких её действий. Приведём дословно лишь один комментарий по этому поводу, который был написан известным специалистом по физике плазмы А. А. Рухадзе, и опубликованный в «Независимой газете»:

«В 1998 году президиум Российской академии наук создал Комиссию по борьбе с лженаукой. Сам факт создания такой комиссии вызвал большое недоумение в научной среде. Практика создания подобных комиссий не нова. Во времена Средневековья существовала инквизиция, призванная бороться с инакомыслием не только в вопросах веры, но и устройства природы.

Анализ работы предыдущих комиссий приводит к выводу, что так или иначе под флагом борьбы с "лженаукой" на самом деле боролись с чуждой идеологией, то есть с системой философских взглядов. А с какой идеологией призвана бороться Комиссия по борьбе с лженаукой? Зачем вообще РАН (по своему статусу организации общественной) заниматься организацией "охоты на ведьм"? Дошло ведь до того, что комиссия требует от президента России официальных полномочий "ставить на место недобросовестных журналистов". По сути дела, комиссия добивается права цензуры всей информации, относящейся к научной тематике.

В чем же истинная причина особого внимания президиума РАН к так называемой "лженауке"? Ведь все "лжеученые", вместе взятые, тратят бюджетных средств для удовлетворения своего "лженаучного" любопытства, в масштабах, несравнимых с бюджетными затратами отдельных "истинных" ученых. А то, что они свои результаты не скрывают от других, за это их только благодарить надо. Не верите в результаты исследований - проверяйте и доказывайте обратное. Имеете аргументированное возражение - публикуйте, научные журналы ныне не перегружены. Академия наук обладает уникальными возможностями по изложению своей точки зрения по любой научной проблеме. Ведь подавляющее большинство научных журналов и изданий находится под патронажем РАН. Более того, публикация статей в отечественных научных журналах стала возможной в двух случаях: либо если результаты несущественно отличаются от уже известных, либо при условии протекции кого-нибудь из влиятельных академиков. Поэтому жалобы на то, что у комиссии по борьбе с лженаукой нет общественной трибуны, можно сравнить лишь с жалобами жителей Прибайкалья на отсутствие пресной воды». (конец цитаты).

Не будем приводить статью полностью, скажем только, что в таких суждениях Рухадзе не одинок. Российская академия наук из организации, которая должна способствовать развитию науки, превратилась в её душителя. Это уже поняло и руководство Российской Федерации и совсем недавно Председатель Госдумы России Грызлов, прокомментировав деятельность комиссии, выступил примерно с такими же оценками.

Но положени на научном фронте в настоящий момент усугубляется тем, что большинство средств научной информации и пропаганды, включая и научные журналы Российской академии наук, действуют по указке названной комиссии и реакционеры сдаваться не хотят. Большинство научных форумов, особенно тех, которые находятся на сайтах государственных научных и образовательных учреждений, таких как ФИАН, МГУ, МИФИ, журнал «Наука и жизнь», находятся под контролем указанной комиссии. На этих форумах работают группы наёмных провокаторов, действие которых направлены на дискредитацию всех тех, кто не согласен с такой политикой.

С первых же дней своего участия в физических форумах такого толка, Фёдор на себе испытал все пелести такого управления наукой. Орды наёмников и сочувствующих, среди которых особенно отличались такие как Homo Sapiens, Andre De Pure, Free Researcher, Munin, Evs, S1680, Чиф, Архимандрей, Злой, Корочун, Neper, Фрико Делькин с остервенением стаи глодны псов набросились на него. Ругань, оскорбления, провокации и даже матерщина всё пошло в ход. И в этом им способствовали модераторы указанных форумов: Морозов, Перегудов, Татьяна Зимина, Татьяна Kech, КрОВАЯ Гебня, Photon, Vladimir Dubrovskii, Moving Observer. Причём, вся эта вакхания и истерия ни коим образом не касались сути его работ, т.к. ничего существенного противопоставить научным аргументам они не могли. Вся провокационная деятельность была направлена на то, чтобы дискредитировать его как личность.

Но вскоре вся эта банда поняла, что не на того нарвалась. Фёдор умел и работать и бороться. Всего за три года он разместил в Интернете более 500 статей научного и политического характера, касающихся его научных идей и взглядов на роль и место в науке Российской академии наук. Не будучи способными привести хоть какие-то аргументированные возражения, реакционеры не нашли ничего лучшего, как запретить ему участие в подвласных этой клике форумах, объявив ему пожизненные баны.

Но у Фёдора появилось много сторонников, которые прошли примерно такой же путь в науке, как и он. Движение за возрождение отечественной науки, даже организовало для него независимый форум <http://www.forum.za-nauku.ru/index.php>. А вскоре после этого и на таком раскрученном ресурсе, как Большой форум у него появился свой собственный раздел Научный форум доктора Менде <http://bolshoyforum.org/forum/index.php?board=50.0>. Теперь, не боясь преследований, на этих ресурсах можно открыто высказывать свою точку зрения по всему спектру проблем, накопившихся в науке.

Конечно, до полной победы ещё далеко, но положение и в науке, и на форумах уже далеко не то, которое было три года тому назад. Российская академия наук трещит по швам. Правительство России предпринимает срочные меры по спасению загубленной науки путём организации таких альтернативных программ как Сколково и программы по развитию нанотехнологий.

И теперь зададим заключительный вопрос. Так кто кого!?

При этом хотим напомнить, что директор НТК ФТИНТ АН УССР, в котором Фёдор проработал всю жизнь, выдающийся организатор науки и менеджер академик Веркин, всегда указывал на то, что никто не видит вперёд так далеко, как доктор Менде.

Полную версию воспоминаний в двух частях можно прочитать по адресу
<http://fmnauka.narod.ru/Nobel1.pdf>
<http://fmnauka.narod.ru/Nobel2.pdf>